

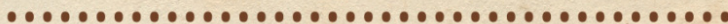
ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

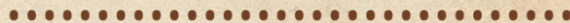
НАЙО

МАРШ

СТАРЫЕ ДЕВЫ
В ОПАСНОСТИ

СНЕСТИ ЕМУ ГОЛОВУ!

Родерик Аллейн

Найо Марш

**Старые девы в опасности.
Снести ему голову!**

«Издательство АСТ»

1954, 1957

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Марш Н.

Старые девы в опасности. Снести ему голову! / Н. Марш —
«Издательство АСТ», 1954, 1957 — (Родерик Аллейн)

ISBN 978-5-17-132907-5

Два опасных и увлекательных дела детектива-интеллектуала Родерика Аллейна! Замок Серебряной Козы – обитель языческой секты некоего мистера Оберона и его эксцентричных последовательниц – пользуется в горах Французской Ривьеры дурной славой. Однако Родерик Аллейн имеет все основания подозревать, что там происходят вещи гораздо опаснее самодельных ритуалов, щедро приправленных оргиями. И действительно: еще не попав внутрь замка, он собственными глазами видит убийство женщины... Колоритная деревушка в английской глуши веками чтит свои традиции, главная из которых – древний и красочный ритуал «казни Зимы», празднуемый в ночь Зимнего Солнцестояния. Однако традиции традициями, но когда исполнителя роли Зимы в самом деле находят обезглавленным при помощи ритуального меча, – это становится чересчур для местной полиции. В игру вступает суперинтендант Родерик Аллейн – непревзойденный специалист по раскрытию преступлений, в которых все не так, как кажется на первый взгляд...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-132907-5

© Марш Н., 1954, 1957

© Издательство АСТ, 1954, 1957

Содержание

Старые девы в опасности	7
Пролог	7
1	7
2	10
Глава 1. Путешествие на юг	12
1	12
2	15
3	20
Глава 2. Операция	25
1	25
2	29
3	31
Глава 3. Утро с мистером Обероном	34
1	34
2	37
3	40
Глава 4. Неуловимый мистер Гарбель	44
1	44
2	46
3	49
4	53
Глава 5. Исчезновение Рики	58
1	58
2	61
3	62
4	65
Глава 6. Совецание	70
1	70
2	72
3	72
4	80
Глава 7. Рики подает голос	83
1	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Найо Марш
Старые девы в опасности.
Снести ему голову!

Ngaio Marsh
SPINSTERS IN JEOPARDY
OFF WITH HIS HEAD

© Ngaio Marsh Ltd, 1954, 1957

© Перевод. Е. Полецкая, 2020

© Перевод. М. Воронежская, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Старые девы в опасности

Пролог

1

Не поворачивая головы, Рики осторожно скосил глаза на спинку маминого мольберта.

– А все-таки мне скучно, – объявил он.

– Потерпи еще немножко, милый, умоляю, и смотри на папу.

– Ладно уж. Ведь людям часто приходится делать скучные дела, правда, пап?

– Когда я позировал, – отозвался его отец, – мне было позволено смотреть на маму, поэтому мне не было скучно. Но скука бывает разная, – продолжал он, – так же, как бывают разные типы зануд. Их даже можно классифицировать.

– И к какому же типу ты бы отнес мистера Гарбеля? – спросила его жена, отступая на шаг от мольберта. – Рики, посмотри на папу еще хоть пять минут, а потом мы устроим перерыв, обещаю.

Рики нарочито тяжело вздохнул и уставился на отца.

– Ну, из того, что нам о нем известно, – сказал Аллейн, – он принадлежит к эпистолярному типу. Классический вариант. При встрече он непременно станет показывать тебе вещи, на которые, попадись они тебе в жизни, ты никогда бы не посмотрел. Снимки незнакомых людей, заброшенных теплиц. Вырезки из газет. У него полно подобного хлама. Думаю, он носит его с собой и в первую же минуту разговора вываливает перед тобой, а ты только глазами хлопаешь и не знаешь, что сказать. Ты шевелишься, Рики.

– А разве пять минут не прошли?

– Нет, и никогда не пройдут, если ты будешь ерзать. Когда мистер Гарбель написал тебе в первый раз, Агата?

– Года полтора назад. Открытка пришла на Рождество. Всего я получила от него шесть писем и пять открыток. Последняя пришла сегодня утром. Тут я о нем и вспомнила.

– Пап, а кто такой мистер Гарбель?

– Один из маминых поклонников. Он живет в Приморских Альпах и пишет маме любовные письма.

– Почему?

– Потому что он уверен, что приходится маме четвероюродным братом. Но мне-то лучше знать...

– Что тебе лучше знать?

Зажав свободную кисточку в зубах, Трой невнятно пробурчала:

– Не двигайся, Рики. Умоляю!

– Ладно. Только пусть папа расскажет о мистере Гарбеле.

– Ну, он вдруг ни с того ни с сего прислал маме письмо, в котором сообщил, что дочь маминой двоюродной бабушки приходится ему троюродной сестрой и что маме, наверное, приятно будет узнать, что он живет в Приморских Альпах, в местечке под названием Роквилл. К письму он приложил карту Роквилла. На ней почему-то не было улицы, на которой он проживает, поэтому мистер Гарбель отметил ее от руки и рассказал, как редко он развлекается и ходит в гости.

– Скучновато ему живется.

– Видимо, настолько, что он в подробностях написал о еде, которую можно купить в Роквиле и не найдешь здесь, а также прислал маме номера газет с расписанием автобусов, сопровождаемые замечаниями вроде: «Этот автобус я нахожу очень удобным и часто им пользуюсь. Он отходит от главной гостиницы каждые полчаса». Ты все еще хочешь слушать про мистера Гарбеля?

– Если не пришло время для перерыва, то почему бы и не послушать.

– Мама ответила мистеру Гарбелю. Она написала, что ее очень заинтересовало его письмо.

– Правда, мама?

– Не могла же я быть невежливой, – пробормотала Трой и положила розовый мазок на верхнюю губу Рики на портрете.

– Тогда он написал снова и прислал три использованных автобусных билета и один использованный билет на поезд.

– Мама собирает билетики?

– Мистер Гарбель полагал, что маме будет приятно увидеть билеты, проколотые кондукторами и контролерами специально для него. Он также прислал роскошные цветные открытки с видами Приморских Альп...

– Да-а?! Можно я возьму их себе?

– ...на открытках мистер Гарбель нарисовал стрелочки, указывающие на то место, где стоит его дом, которого не видно, потому что снимки слишком мелкие, а также на дорогу, ведущую в дом, куда он иногда навещается в гости. Только тот дом вообще не попал на открытку.

– Вроде картинки-загадки, да?

– Вроде. Еще он написал маме, как в пору своей молодости, когда он изучал химию в Кембридже, чуть было не познакомился с маминной двоюродной бабушкой, приходившейся ему троюродной теткой.

– Он взрыватель?

– Нет, он изучал другую химию. Когда он посылает маме подарки в виде использованных билетов и старых газет, он всегда делает приписку: «Посылает П. Е. Гарбель, улица Фиалок, Роквилль, миссис Агате Аллейн (урожденной Трой), дочери Стивена и Гарриет Трой (урожденной Бейнтон) и так далее...»

– Мам, это ведь о тебе, да?.. Ну, рассказывай дальше.

– Рики, – удивился отец, – неужели тебе интересно слушать про мистера Гарбеля?

– Да, мне нравится, – сказал Рики. – А про меня он писал?

– Не думаю.

– А про тебя?

– Он выразил предположение, что маме захочется прочитать мне некоторые отрывки из его писем.

– Мы можем поехать к нему?

– Да, – сказал Аллейн. – Думаю, у нас есть такая возможность.

Трой, оторвавшись от работы, изумленно глянула на мужа.

– Что ты такое говоришь? – воскликнула она.

– Мама, пять минут прошли? Точно прошли. Значит, мне можно слезть?

– Да, спасибо, мое солнышко. Ты вел себя потрясающе. Надо подумать, как тебя вознаградить.

– Например, поехать к мистеру Гарбелю.

– Боюсь, – сказала Трой, – папочка, бедняжка, сболтнул, не подумав.

– Ну тогда... Не прокатиться ли нам в Вавилон? – предложил Рики, искоса поглядев на отца.

– Ладно, – простонал Аллейн, изображая отчаяние. – Отлично. Прекрасно. Поехали!
Он одним махом усадил визжащего от радости Рики себе на плечи и ухватил его за лодыжки.

– Хорошая лошадка! – вопил Рики, похлопывая отца по щеке. – Гони в Вавилон без передышки!

Трой с нежностью взглянула на сына.

– Скажи няне, что я разрешила выдать тебе на ужин двойную порцию.

– А клубничного джема тоже двойную порцию?

– Если он остался...

– Класс! – обрадовался Рики и огласил комнату воплем голодного неандертальца. – Ветроногая лошадка! – прокричал он, и родители дружно подхватили:

Сколько миль до Вавилона?

Сотня и еще десяток.

Доберусь ли засветло?

Доберешься запросто!

– Да! И домой вернешься! – вопил Рики, когда его галопом выносили из комнаты.

Трой замерла, прислушиваясь, пока не стих грохот на лестнице, а затем взглянула на свою работу.

«Как я счастлива!» – подумала она, но в тот же миг всполошилась: «Надо постучать по дереву!» – и... устыдилась собственной глупости. Она неторопливо собрала кисти, сняла краску с волос надо лбом и пришла к более трезвой мысли: «Как мне повезло». В таком настроении ее застал вернувшийся Аллейн. Волосы у него были взъерошены, как у Рики, галстук болтался на плече.

– Можно посмотреть? – попросил он.

– Смотри, – разрешила Трой, вытирая кисти, – только ничего не говори.

Аллейн, улыбнувшись, подошел к мольберту. Трой изобразила головку, которая, казалось, вся была соткана из света. Даже черные пряди кудрей выглядели свитыми из солнечных лучей. Это был скорее набросок, нежели законченное произведение, но набросок столь точный и выразительный, что дальнейшая его обработка представлялась излишней.

– Надо бы над ним еще поработать, – пробормотала Трой.

– В таком случае, – сказал Аллейн, – дай-ка я постучу по дереву.

Трой бросила на него быстрый благодарный взгляд:

– А что это ты заговорил о поездке к мистеру Гарбелю?

– Я встречался с шефом сегодня утром. Он был исключительно мил – так он обычно ведет себя, когда собирается поручить какую-нибудь крайне неприятную работу. Но его предложение не показалось мне таким уж отвратительным. Как я понял, контрразведка и Сюрте что-то там затевают совместно с отделом по борьбе с наркотиками, и наши планируют командировать человека, свободно владеющего французским, для переговоров и небольшого расследования. Поскольку инициатива исходит от совершенно чуждой нам контрразведки, мы с тобой могли бы, как и прежде, ограничиться светской любезностью с твоей стороны и притворным безразличием с моей, но оказалось, что от того места, где должно проводиться расследование, до Роквиля – как бы не ошибиться – не более сотни миль.

– Невероятно! – воскликнула Трой. – По соседству с Гарбелем?

– Именно. Вот я и подумал: то война, то Рики был маленький, то моя жуткая работа... Мы ведь никогда не проводили отпуск вместе, да еще за границей. Няня уезжает на две недели в Ридинг. Так почему бы вам с Рики не поехать со мной в Роквиль и не навестить там милого мистера Гарбеля?

Трой явно обрадовалась, но возразила:

– Не можешь же ты выполнять сверхсекретное поручение контрразведки, таская за собой жену и ребенка. Это будет выглядеть дилетантством. К тому же мы договаривались никогда не смешивать работу с отдыхом, Рори.

– В данном случае, чем большим дилетантом я буду казаться, тем лучше. Я ведь только остановлюсь в Роквиле, а расследование буду вести вне города, так что на самом деле нам не придется смешивать работу с отдыхом.

Трой соскребала краску с палитры.

– Мне страшно хочется поехать, – вздохнула она, – правда, не для того, чтобы познакомиться с мистером Гарбелем. Хотя как сказать. Все-таки мне не удастся выяснить, действительно ли он такой невыносимый зануда. Прямо-таки убийственное стремление.

– Поддайся ему. Напиши Гарбелю, что приезжаешь. Можешь вложить в конверт автобусный билет от Путни до Фулхэм-роуд. Как ты обращаешься к нему? «Дорогой брат»?.. Между прочим, как его зовут?

– Понятия не имею. Для меня он просто П. Е. Гарбель. Он писал, что близкие люди называют его Пег¹. При этом, разумеется, не преминул скаламбурить, что вот, мол, и он, словно квадратный штырь в круглой дыре...

– Под дырой он подразумевает Роквиль?

– Видимо.

– Как ты думаешь, чем он занимается?

– Не удивлюсь, если он пишет большой ученый труд о питьевой соде. Если так, то, вероятно, он попросит нас прочесть рукопись и высказать свое мнение.

– В любом случае нам придется с ним познакомиться. Да оставь ты палитру в покое и скажи наконец твердо и определенно, что мы едем.

Трой вытерла руки о рабочий халат и произнесла:

– Мы едем.

2

В собственном замке неподалеку от Роквиля мистер Оберон взглянул на погруженное в ночную тьму Средиземное море, туда, где лежали невидимые берега Северной Африки, а затем с благосклонной улыбкой обернулся к гостям.

– Я усматриваю добрый знак в том, что мы собрались здесь, – произнес он. – И объединил нас один общий возвышенный помысел. Ничего низменного, суетного.

Он назвал всех гостей по именам, и голос его звучал так, словно это была переключка в строю ангелов.

– Наша самая юная последовательница, – обратился он, просияв, к Джинни Тейлор. – Ее ждут необычайные, чудные открытия. Она стоит на пороге высшей радости. Да-да, я не оговорился, именно высшей радости! Так же как и Робин.

Робин Херрингтон, наблюдавший за Джинни Тейлор, резко вскинул голову.

– Ах, молодость, молодость, – вздохнул мистер Оберон, выражая то ли одобрение, то ли укор, и повернулся к остальным гостям, двум мужчинам и женщине. – Завидуем ли мы им? – спросил он их и сам же ответил: – Нет! Наша жатва будет обильней. Ведь мы зрелые, опытные землепашцы, не так ли?

Доктор Баради, смуглый полный человек с умным лицом, взглянул на хозяина замка.

– Да, – сказал он, – именно – опытные и зрелые. А когда придет Аннабелла? Вы, кажется, говорили, что она намеревалась быть здесь?

¹ Peg – штырь (англ.). – Здесь и далее: примеч. пер., кроме особо оговоренных случаев.

– Милая Аннабелла! – воскликнул мистер Оберон. – Да. Во вторник. Неожиданно.

– Ах, во вторник! – пробормотал Карбэри Гленд, разглядывая свои выпачканные краской ногти. – Значит, у нее будет время отдохнуть и подготовиться к четверговым ритуалам.

– Милая Аннабелла! – с чувством подхватил доктор Баради.

Шестая гостья повернула помятое лицо к Джинни Тейлор и устремила на нее близорукий взгляд.

– Вы впервые здесь? – спросила она.

Джинни посмотрела на мистера Оберона. Ее свежее хорошенькое личико несколько портило взгляд, в котором читались неуверенность, беспокойство и чуть ли не страх.

– Да, – ответила она. – Впервые.

– Неофитка, – промурлыкал доктор Баради.

– И вскоре станет жрицей, – добавил мистер Оберон. – В столь юном возрасте. Как это волнительно! – Он широко улыбнулся Джинни.

Беседу прервал звон разбитого стекла. Робин Херрингтон уронил свой стакан на мозаичный пол, и остатки коктейля образовали лужицу у ног мистера Оберона.

Хозяин замка тут же прервал извинения Робина.

– Нет, нет, – сказал он. – Это счастливый знак. Возможно, предвестие. Давайте будем считать это жертвенным возлиянием... Не пора ли нам отобедать?

Глава 1. Путешествие на юг

1

Аллейн приподнялся на локте и поднес циферблат часов к голубой лампочке над изголовьем. Двадцать минут шестого. Через час они будут в Роквиле.

Наверное, его разбудила внезапная тишина, наступившая, когда поезд остановился. Он лежал, напряженно прислушиваясь, но, за исключением шипения пара и хлопнувшей двери в соседнем вагоне, все было тихо и спокойно.

В двухместном купе через стенку лениво переговаривались пассажиры. Один из них громко зевнул.

Аллейн решил, что они остановились в Дусвиле. И действительно, чей-то одинокий голос огласил ночь протяжным криком: «Ду-у-усви-и-и-ль».

Локомотив снова зашипел. Тот же голос, видимо, продолжая прерванный разговор, крикнул по-французски: «Только не сегодня вечером! Ни в коем случае!» Ему в ответ в отдалении прозвучал смех. Голоса постепенно стихли, и им на смену пришел самый характерный звук железнодорожных станций – стук молотка обходчика. Но скоро и стальное постукивание постепенно замерло вдали.

Аллейн спустил длинные ноги с полки и сполз на пол. Шторка на окне была задвинута неплотно, он заглянул в просвет, и взгляд его выхватил фрагмент рекламного плаката и часть туловища носильщика, держащего в руке лампу. Лампа качнулась, колокольчик зазвенел, и поезд послушно лязгнул. В ту же минуту носильщика и плакат сменили ноги пассажиров, сошедших в Дусвиле, и сваленный в кучу багаж, а за ними показались пустой кусочек платформы и череда убегающих назад пятен света. Затем все вновь погрузилось во тьму со смутными очертаниями скал и оливковых деревьев.

Поезд, набрав скорость, завел свою привычную монотонную песенку: «Там-там – где-дом. Там-там – где-дом». Аллейн, стараясь не шуметь, поднял штору. Поезд пересекал прибрежную часть долины. В лунном сиянии холмы и деревья казались совсем бледными, а скалы – мрачными и величественными. Крутая насыпь, словно гигантская ставня, скрыла вид за окном. Вскоре за насыпью показалась деревня, и несколько секунд Аллейн смотрел в окно освещенной комнаты, где какой-то мужчина поглощал свой завтрак, а женщина наблюдала за ним, сидя напротив. Что заставило их подняться в такую рань? Но вот и эти двое, только что находившиеся перед его глазами так близко и отчетливо, пропали из вида.

Он отвернулся от окна и подумал о Трой. Так же, как и он, она любила путешествовать поездами. Наверное, ей сейчас тоже не спится. Через двадцать минут он зайдет к ней – Трой ехала в соседнем одноместном купе, – а пока Аллейн начал одеваться, стараясь сохранять равновесие и устойчивость в этом маленьком, шумном и очень нестабильном мире.

– Привет, – раздался из сумрака нижней полки тоненький неуверенный голосок. – Нам пора выходить?

– Привет, – ответил Аллейн. – Нет. Спи.

– У меня сна ни в одном глазу. Если честно, я почти всю ночь не спал.

Аллейн, искавший рубашку на ощупь, пошатнулся, оцарапав голень о край чемодана, и беззвучно выругался.

– А что же тогда ты одеваешься? – не унимался голосок. – Мы ведь еще не выходим.

– Чтобы быть готовым, когда нужно будет выходить.

– Понятно, – сказал голосок. – Мама тоже готовится выходить?

– Пока нет.

– Почему?

– Рано еще.

– Она спит?

– Я не знаю, дружище.

– Тогда откуда ты знаешь, что она не готовится?

– На самом деле я этого не знаю. Я лишь надеюсь, что она спит.

– Почему?

– Хочу, чтобы она отдохнула, а если ты еще раз спросишь «почему» – я не отвечу.

– Понятно. – Наступила пауза. Внизу тоненько хихикнули. – Почему?

Аллейн с досадой заметил, что надел с трудом обнаруженную рубашку наизнанку, и теперь переодевался.

– А если, – не унимался голосок, – мое «почему» будет по делу, ты ответишь?

– Оно должно быть по исключительно важному делу.

– Почему ты собираешься в темноте?

– Я полагал, – произнес Аллейн с укоризной, – что все маленькие мальчики крепко спят, и боялся их разбудить.

– Но ведь теперь ты знаешь, что они не спят, тогда почему?..

– Ты абсолютно прав, – признался Аллейн. Поезд повернул, и мужчину качнуло к двери.

Он зажег свет и взглянул на сына.

Рики выглядел так, как выглядят маленькие мальчики утром в постели, – словно заново родившимся. Темные волосы живописно растрепались по лбу, глаза блестели, от щек и губ будто исходило сияние. Про Рики можно было бы сказать – «он такой новенький – даже краска не успела высохнуть».

– Мне нравится ехать в поезде, – сказал он. – Так классно еще нигде не было. Пап, а тебе нравится поезд?

– Да, – ответил Аллейн. Он открыл дверь туалета, где автоматически зажегся свет. Какое-то время Рики молча наблюдал, как отец бреется.

– Где мы сейчас? – заговорил он.

– У моря. Оно называется Средиземным. Утром, когда рассветет, мы увидим его.

– А сейчас поздняя ночь?

– Не совсем. Очень раннее утро. Там, снаружи, все крепко спят, – не слишком уверенно предположил Аллейн.

– Все?

– Почти все. Спят и храпят.

– Все, кроме нас, – с удовольствием отметил Рики. – Ведь мы очень ранним утром в классном поезде совсем не спим. Да, пап?

– Да. Скоро мы будем проезжать мимо дома, куда я завтра отправлюсь. Поезд там не останавливается, поэтому мне придется доехать с вами до Роквиля, а потом вернуться обратно на машине. Ну а вы с мамой останетесь в Роквиле.

– А где ты будешь жить, с нами или в том доме?

– Иногда с вами, иногда в том доме. Он называется Шато де ла Шевр д'Аржан, что означает Замок Серебряной Козы.

– Смешное название, – сказал Рики.

Из-под вагонных колес во все стороны рассыпались густые снопы искр. Отбрасываемый ими свет заскользил по каменной стене. Поезд начал крутой подъем. Постепенно он замедлил ход настолько, что можно было обстоятельно разглядеть все снаружи, и вот, словно надорвавшись, локомотив почти замер. За окном, примерно в сотне ярдов от поезда, стоял огромный дом, ярко освещенный сияющей луной. Казалось, он вырос из скалы. Одно-единственное окно, прикрытое тонкой цветной занавеской, светилось тусклой желтизной.

– Кто-то там, снаружи, не спит, – заметил Рики. – «Снаружи» или «внутри»? – задумался он. – Папа, где эти люди? Снаружи или внутри?

– Думаю, для нас они снаружи, а для себя – внутри.

– Снаружи поезда, но внутри дома, – согласился Рики. – А если бы поезд проехал через дом, то тогда они были бы для нас внутри или снаружи?

– Будем надеяться, – угрюмо заметил его отец, – увлечение метафизикой с возрастом пройдет.

– А что такое метафизика?.. Смотри, вон они в своем доме! Мы остановились, да?

Окно их купе оказалось прямо напротив освещенного окна в похожей на скалу стене дома. Размытая тень двигалась по комнате за занавеской. По мере приближения к окну она постепенно разбухла и вдруг превратилась в черное тело, прижатое к стеклу.

Аллейн издал произвольный возглас и подался вперед.

– Конечно, папа, ты стоишь прямо у окна, и тебе-то все хорошо видно, – вежливо выразил обиду Рики.

Поезд судорожно вздрогнул, с многоголосым скрежетом прополз через туннель и, набирая скорость, начал спуск к морю.

Дверь купе отворилась, и в проеме появилась Трой в шерстяном халате. Ее короткие волосы были растрепаны и свисали на лоб, точь-в-точь как у сына. Лицо было бледно, глаза потемнели от тревоги. Аллейн быстро обернулся на нее. Трой перевела взгляд с мужа на сына.

– Вы смотрели в окно? – спросила она.

– Я смотрел, – отозвался Аллейн. – И, судя по выражению твоего лица, ты тоже.

– Ты не поможешь мне с чемоданом? – попросила Трой и добавила, обращаясь к Рики: – Я скоро вернусь и помогу тебе одеться, милый.

– Вы что, уходите?

– Мы будем в соседнем купе. И очень недолго, – сказал Аллейн.

– Все-таки в поезде все не так, как дома.

– Мы понимаем, – заверила Трой сына. – Но ведь ты в порядке, правда?

– Правда, – тихонько произнес Рики, и Трой нежно погладила его по щеке.

Когда они оказались в соседнем купе, Трой села на полку и устала на мужа.

– Поверить не могу, – сказала она.

– Мне жаль, что ты это видела.

– Значит, мне не померещилось. О боже, как некстати... Но ведь теперь надо что-то делать!

– Боюсь, я не смогу развернуть активную деятельность, передвигаясь со скоростью шестьдесят миль в час. Надо будет позвонить в префектуру, когда мы прибудем в Роквилл. – Он сел рядом с женой. – Не принимай близко к сердцу, дорогая. Возможно, тому, что мы видели, найдется вполне заурядное объяснение.

– Разве может быть другое объяснение?.. Хотя... Расскажи-ка, что ты видел?

– Освещенное окно, задернутое легкой занавеской, – начал Аллейн, стараясь быть точным. – Женщина, приблизившись к нему, упала на занавеску, и та тут же взвилась вверх. Позади женщины, но вне поля нашего зрения, должно быть, находилась очень яркая лампа, которая освещала мужчину в белом одеянии, стоящего в глубине комнаты, справа от нас. Его лицо, как ни странно, оставалось в тени. У него за спиной, справа, находилось нечто напоминавшее колесо. Он стоял, подняв правую руку.

– А в руке?..

– Да, я заметил. Именно этот момент смущает больше всего, – ответил Аллейн.

– А потом туннель. Все было как в старых фильмах: неожиданный кадр, который исчезает слишком быстро, чтобы произвести по-настоящему глубокое впечатление. Картинка мелькнула и пропала. Нет, – продолжала Трой, – я не хочу верить в то, что видела, не хочу думать

о том, что сейчас, возможно, творится в том доме. А каков сам дом! Как на гравюрах Доре – образчик дурного романтического вкуса.

– Думаю, мне нужно переговорить с проводником, – сказал Аллейн. – Возможно, он тоже кое-что видел. Вполне вероятно, не мы одни бодрствовали и смотрели в окно, хотя мне кажется, что свет горел только в моем купе. В твоём, кстати, было темно.

– Я опустила шторы, подумав, как это странно – подглядывать за жизнью других людей через окно поезда.

– Понимаю, – отозвался Аллейн. – Это похоже на то, будто смотришь в волшебное зеркало.

– А потом увидеть такое! Кривое получается зеркало.

– Не переживай. Я поговорю с проводником, а затем вернусь к себе и соберу Рики. Мы должны быть в Роквиле примерно через двадцать минут. Ты в порядке?

– Лучше не бывает, – ответила Трой.

– «Только на золотом юге вы сможете действительно беззаботно отдохнуть», – продекларировал рекламный лозунг Аллейн, глядя на жену. Затем он вышел в коридор и открыл дверь в свое купе.

Рики по-прежнему сидел на нижней полке. Руки у него были крепко сжаты, глаза широко распахнуты.

– Тебя так долго не было, – проговорил он.

– Мама придет через минуту. А мне нужно перекинуться парой слов с тем малым в коридоре. Не дрейфь, дружище.

– Ладно, – согласился Рики.

Проводник, человек с бледным лицом и ямочкой на подбородке, дремал на откидном сиденье в переднем конце вагона. Аллейн, который уже успел выяснить, что тот почти не говорит по-английски, заговорил с ним на французском, стараясь высказываться как можно более дипломатично. Долгое отсутствие практики лишь незначительно сказалось на плавности его французской речи. Аллейн спросил, не случилось ли проводнику бодрствовать в тот момент, когда поезд останавливался перед туннелем несколько минут назад. По лицу проводника было видно, что он пытается догадаться, на что, собственно, жалуется пассажир: то ли на то, что он заснул на рабочем месте, то ли на незапланированную остановку поезда. Аллейну потребовалось несколько минут, чтобы избавить несчастного от тяжелых сомнений и выяснить, что он задремал – с кем не бывает! – несколько раньше, чем поезд подошел к туннелю.

– Извините за беспокойство, – начал Аллейн, – но, может быть, вы знаете, как называется тот большой дом, что находится у входа в туннель?

– О конечно, конечно, мсье, я знаю этот дом. Ведь я как раз из этих мест... Его тут все знают, уж больно он старый. А называется он Шато де ла Шевр д'Аржан.

– Я так и думал, – сказал Аллейн.

2

Аллейн напомнил полусонному проводнику о том, что они выходят в Роквиле, и одарил щедрыми чаевыми. Тот рассыпался в благодарностях, чисто по-галльски перебирая через край, что непременно вызвало бы раздражение у англичанина, если бы не исключительная убедительность и ловкость выражений.

– Кстати, – спросил Аллейн таким тоном, словно вопрос только что пришел ему в голову, – вы, случайно, не знаете, кто живет в Шато де ла Шевр д'Аржан?

Проводник, поразмыслив, припомнил, что замок, кажется, был сдан в аренду чрезвычайно богатому господину, то ли американцу, то ли англичанину, который уже успел просла-

виться пышностью своих приемов. В округе говорили, что хозяйство в доме было поставлено на широкую ногу.

Аллейн немного помолчал и продолжил:

– Похоже, там что-то случилось сегодня ночью. Я видел это через окно, когда поезд остановился.

Проводник пожал плечами, словно желая сказать, что на свете бывает всякое и гадать здесь совершенно бессмысленно. На его бледном лице ничего не отразилось, а взгляд сонных глаз-пуговок остался безмятежен. Он выразил намерение вынести багаж мсье, мадам и малыша, чтобы избежать суеты при высадке, и уже взялся за дверную ручку купе Аллейна, как вдруг где-то в глубине вагона дважды вскрикнула женщина.

Крики были короткие, надсадные, словно выдавливаемые из груди, и очень пронзительные. Проводник укоризненно покачал головой, извинился перед Аллейном и направился по коридору к самому дальнему купе. Там он постучал. Видимо, ему тут же ответили, потому что он без промедления вошел в купе. Трой высунула голову в коридор.

– Что там еще? – спросила она.

– Кому-то приснился кошмар или что-то в этом роде. Ты готова?

– Готова. Однако веселенькое у нас получается путешествие!

Минуту спустя проводник рысцой вернулся назад.

– О, простите, мсье, вы, случайно, не доктор? – спросил он, обращаясь к Аллейну. – Англичанка в последнем купе заболела. У нее страшные боли в животе. – В подтверждение своих слов проводник схватился за собственный живот, с неподражаемой артистичностью имитируя приступ. – Не могли бы вы, мсье...

Аллейн ответил, что он не врач.

– Я пойду и посмотрю, – вмешалась Трой. – Как ей не повезло, бедняжке. Надеюсь, в поезде найдется доктор. Помогите собраться Рики, дорогой.

Она решительно направилась по качающемуся вагону. Проводник принялся стучать в двери купе, разыскивая среди пассажиров доктора.

– Я должен переговорить с коллегами из других вагонов, – с важностью произнес он. – Необходимо организовать людей.

Аллейн вернулся в свое купе. Перепуганный Рики тем временем сделал попытку одеться самостоятельно, однако не совсем удавшуюся.

– Где ты был? – набросился он на отца. – Куда вы все пропали? Мы пропустили нашу остановку. Не могу найти штаны. Где мама?

Аллейн успокоил его, помог одеться и упаковал багаж. Рики, бледный от страха, сидел на нижней полке, не отрывая глаз от двери купе. Он не любил терять родителей из вида. Аллейн, не забывший собственное детство, понимал, что его маленький сын охвачен тревогой, жуткой и совершенно необоснованной, которая, впрочем, исчезла без следа, как только дверь отворилась и вошла Трой.

– Ох, мамочка! – сказал Рики, и его губы задрожали.

– Привет, как дела? – произнесла Трой тем подчеркнуто спокойным тоном, которым она обычно разговаривала с Рики, когда тот впадал в панику. Она села рядом с сыном, обняла его за плечи и взглянула на мужа.

– Похоже, та женщина серьезно больна, – сказала она. – Выглядит ужасно. Утром бедняжка решила, что чем-то отравилась, и приняла касторку. А совсем недавно вдруг почувствовала сильную боль – по ее словам, прямо-таки невыносимую – в том месте, где находится аппендикс. Сейчас она вообще ничего не чувствует и выглядит отвратительно. Может быть, у нее какое-то внутреннее воспаление?

– В медицине я смыслю не больше тебя, дорогая.

– Рори, ей за пятьдесят, и она приехала с Бермудских островов, и у нее не осталось никого из родни, и она за границей впервые, и на голове у нее сеточка, и мы не можем бросить ее на произвол судьбы на Итальянской Ривьере с воспаленным аппендиксом, если, конечно, дело в нем.

– О черт!

– Ну, подумай сам, – продолжала Трой, искоса поглядывая на мужа. – Я пообещала, что ты зайдешь к ней.

– Дорогая, скажи на милость, чем я могу помочь?

– Ты так хорошо умеешь успокаивать испуганных людей. Правда, Рик?

– Да, – подтвердил Рики, снова бледнея. – Вы опять оба уходите, да, мам?

– Ты можешь пойти с нами. Из коридора видно море, а мы с папой будем совсем рядом, за дверью купе той несчастной женщины, мисс Трубоди. Она знает, что твой папа служит в полиции.

– Ну знаешь ли!.. – возмущенно начал Аллейн.

– Нам надо поторопиться. – Трой встала и взяла сына за руку. Тот вцепился в нее мертвой хваткой.

В дальнем конце коридора у двери купе мисс Трубоди стоял уже знакомый им проводник с двумя сотоварищами. Мужчины с озабоченно-важным видом переговаривались. Завидев Трой, они сняли фуражки с серебряными галунами и почтительно поклонились. «В третьем вагоне нашелся врач, – сообщили они, – и сейчас он у мисс Трубоди. Если мадам пожелает, то может к нему присоединиться». Проводник постучал к больной и, ухмыляясь с восхитительно простодушным самодовольством, распахнул дверь: «Мадам!»

Трой вошла в купе, а Рики, отцепившись от матери, судорожно ухватился за руку Аллейна. Стоя в коридоре, они смотрели в окно.

Поезд шел по насыпи, возвышавшейся на несколько футов над уровнем моря, ярко освещенного луной. Над водной гладью, будто только что вынырнув, показался мыс, на окраине которого горели маленькие желтые огоньки – свет в домах, где привыкли вставать рано. Звезды уже начали бледнеть.

– Это мыс Святого Жилия, – сказал Аллейн. – Красиво, да, Рик?

Мальчик кивнул. Одним ухом он слушал отца, а другим напряженно прислушивался к голосу матери за дверью купе мисс Трубоди.

– Да, красиво, – подтвердил он.

«Неужели Рики и впрямь столь благовоспитанный ребенок, каким его считают наши друзья?» – подумал Аллейн.

– Мы приближаемся? – спросил Рики. – Маме, наверное, лучше вернуться?

– Все в порядке. У нас еще десять минут в запасе, к тому же и машинист, и проводник знают, что мы выходим. Все будет в порядке... А вот и мама.

Трой вышла в сопровождении маленького лысого человека с напوماженными усами, в полосатых брюках – спецодежде врачей во всем мире, дорогих кожаных ботинках и халате, обшитом тесьмой.

– Без тебя нам не обойтись, нужен переводчик. Это доктор, – сказала Трой и скороговоркой представила мужа.

Доктор вежливо оповестил о радости, которую ему доставило знакомство, а затем деловито сообщил, что у обследованной им пациентки, несомненно, воспаление аппендикса и ее необходимо как можно скорее прооперировать. К его крайнему сожалению, у него назначено срочное профессиональное совещание в Сен-Селесте, и посему он не может лично заняться больной. По его мнению, самым разумным решением было бы высадить мисс Трубоди в Роквиле, а оттуда вечерним поездом отправить обратно в Сен-Кристоф, где она будет госпитализирована. Разумеется, если в Роквиле есть хирург, то операцию можно провести и там.

В любом случае доктор обещал сделать мисс Трубоди укол морфия. Он пожал плечами, что должно было означать крайнюю затруднительность положения, в котором все они вдруг оказались, и выразил надежду, что в Роквиле найдется врач и соответствующее медицинское оборудование. Как он понял со слов мадам, она и мсье старший инспектор не оставят свою соотечественницу без поддержки.

«Мсье старший инспектор» сверкнул взглядом в сторону жены и заверил врача, что они сделают все от них зависящее. Трой сказала по-английски, что сообщение о должности, занимаемой Аллейном, придало сил мисс Трубоди и не оставило равнодушным доктора. Заверив Аллейна в своем глубоком уважении, доктор неспешно удалился, с достоинством покачиваясь в такт движению поезда. За ним последовал проводник его вагона.

– Поговори с ней, Рори, – попросила Трой. – Это ей поможет.

– Папа? – дрожащим голосом произнес Рики.

– Мы только на минутку, – хором сказали Трой и Аллейн, а Аллейн добавил: – Мы понимаем, каково тебе, Рик, но ты ведь уже большой, надо привыкать к трудностям.

И он следом за женой вошел в купе мисс Трубоди.

– Вот мой муж, мисс Трубоди, – сказала Трой. – Он переговорил с доктором и сейчас все вам расскажет.

Больная лежала на спине, слегка согнув колени, ее клешнеобразные руки были сложены поверх простыни. Ничем не примечательное лицо при обычных обстоятельствах, возможно, красноватого оттенка, сейчас было покрыто зловещими пятнами и словно съежилось – торчал один нос. К тому же мисс Трубоди вынула вставные челюсти, которые сиротливо лежали на столике. Лоб, верхняя губа и надбровные дуги, без всякого признака растительности на них, были усеяны капельками пота. Кожа на лице выглядела удивительно гладкой, лишенной каких-либо признаков старения. На голове мисс Трубоди действительно красовалось нечто вроде сетки, сплетенной из розовых ниток. Взгляд ее напомнил Аллейну Рики, когда на того напали детские страхи.

Как можно более мягко он рассказал ей о вердикте, вынесенном доктором. Выражение лица несчастной не изменилось, и Аллейн не знал, понимает ли она, что он говорит. Когда он закончил, мисс Трубоди страдальчески выдохнула и невнятно прошептала: «Как некстати. Досадно». Ее руки сжали край простыни.

– Не беспокойтесь, – сказал Аллейн. – Ни о чем не беспокойтесь, мы позаботимся о вас.

Словно больное животное, она поблагодарила его печальным взглядом и закрыла глаза. Трой и Аллейн несколько секунд смотрели на нее, распростертую на слегка, но беспрестанно подрагивавшей полке, а затем, стараясь не шуметь, в смущении выбрались из купе. Их сын в панике метался по коридору, а проводник уже выносил в тамбур багаж.

– Это ужасно, – торопливо заговорила Трой. – Но мы ведь не можем взять на себя ответственность...

– Боюсь, придется. Нас прижали к стенке. У меня есть одно весьма полезное знакомство в Роквиле. Если оно не сработает, отправим ее обратно в Сен-Кристоф.

– Что за знакомство? Надеюсь, это не мистер Гарбель? – встревожилась Трой.

– Нет-нет, это... Эй, гляди! Мы приехали.

Мимо окон проплывал Роквиль, обесцвеченный тусклой предрассветной дымкой. Поезд въехал на станцию.

Чаевые, полученные от Трой, и очевидная радость от скорого расставания с мисс Трубоди добавили проводнику прыти. Он энергично сгружал багаж на платформу, в то время как Аллейн вступил в переговоры с кондуктором и начальником станции. Вновь появился доктор, уже полностью одетый, и сделал мисс Трубоди укол морфия. Общими усилиями доктор и Трой наскоро запихнули больную в ядовито-красный халат, в котором она выглядела как сама

смерть. Трой поспешно упаковала вещи мисс Трубоди, пробормотала несколько утешительных слов и вместе с Рики и доктором присоединилась к Аллейну на платформе.

Как только родители ступили на твердую землю и оказались в пределах досягаемости, Рики напрочь позабыл о своих страхах и теперь разглядывал поезд с видом заправского путешественника.

Начальник станции, кондуктор и трое проводников, призванных для пушей убедительности, внушали доктору: «Мы прекрасно осознаем необычность обстоятельств, господин доктор. Однако график железной дороги Приморских Альп не резиновый, его невозможно растягивать до бесконечности».

– Тем не менее именно это и происходит в данный момент, пока мы тратим время в бесплодных дискуссиях. Господин начальник станции, будьте любезны удостовериться по телефонному справочнику, есть ли в Роквиле врач, – сердито произнес доктор.

– Прекрасный совет, – отозвался начальник станции, – но уверяю вас, господин доктор, подобные поиски бессмысленны. Наш единственный врач сейчас на конференции в Сен-Кристофе. И поскольку отправление поезда и без того уже задержано на одну минуту и сорок секунд...

Начальник станции бросил повелительный взгляд на кондуктора, и тот забегал вдоль поезда с видом старшины на смотре перед марш-броском. В руках начальника появился свисток, и проводники немедленно отправились по своим вагонам.

– Рори! – крикнула Трой. – Мы не можем...

– Хорошо, – сказал Аллейн и обратился к начальнику станции: – Возможно, вам известно, что среди гостей мистера Оберона в Шато де ла Шевр д'Аржан, который находится в двадцати километрах отсюда, есть хирург... кажется, его зовут доктор Баради. Он египтянин, а сюда приехал около двух недель назад.

– Вот и мсье старший инспектор... – начал доктор.

Продолжения не потребовалось. Начальник станции, окинув Аллейна пронизательным взглядом, сделался исключительно корректен и деловит. Он сказал, что отлично помнит прибытие господина из Египта, для которого лично отдавал распоряжение о вызове такси. «Если он действительно хирург, в чем мсье старший инспектор, очевидно, не сомневается, – добавил он с легким поклоном в сторону Аллейна, – то все проблемы, по всей видимости, теперь решены».

Начальник станции немедленно отдал приказ, и подчиненные забегали, подгоняемые вездесущим кондуктором. Трой, к ужасу Рики, вернулась в вагон и с помощью проводника вывела мисс Трубоди на платформу и дальше в зал ожидания вокзала, где больную, по внешнему виду ничем не отличавшуюся от трупа, уложили на скамью. Следом за мисс Трубоди вынесли ее багаж. Трой, задумавшись на мгновение, бросилась обратно в вагон, нашла на столике вставные челюсти и не без содрогания сунула их в клетчатый футляр с губкой внутри. На платформе доктор с глазу на глаз беседовал с Аллейном. Он написал что-то в записной книжке, вырвал листок и вместе со своей визитной карточкой отдал его Аллейну. Тот в интересах франко-британской дружбы настоял на оплате услуг доктора, который в атмосфере самой живой сердечности наконец тронулся в путь. На внезапно опустевшей платформе остались стоять лишь Трой и Аллейн.

– Да, мне виделся для тебя не такой отпуск, – произнес Аллейн.

– Лучше скажи, что мы теперь будем делать?

– Позвоним в Шевр д'Аржан и попросим помощи у доктора Баради. У меня есть все основания полагать, что он великолепный хирург и законченный негодяй.

В холмах над Роквилем петухи громким кукареканьем приветствовали зарю.

3

В зале ожидания Рики сразу же крепко уснул на коленях у матери, чему Трой была только рада: вид мисс Трубоди становился все более устрашающим. Больная тоже задремала. Она дышала неровно: губы, лишенные поддержки вставных челюстей, надувались и опадали, горло издавало звук всасывающей воду раковины. Трой было слышно, как ее муж и начальник станции беседовали в кабинете за стенкой, а через некоторое время до нее доносился только голос Аллейна, говорившего по телефону, и не как-нибудь, а по-французски! Долгие паузы нарушались призывами: «Allo! Allo!» и «Ne coupez pas, je vous en prie, Mademoiselle»², которые Трой, к ее великой гордости, сумела понять. В зал ожидания просочился сероватый свет. Рики издал трогательный звук, чмокнул губами, вздохнул и в сладком забытии перевернулся лицом к груди матери.

Речь Аллейна становилась более пространной – сначала он говорил по-французски, затем перешел на английский. До Трой долетали обрывки разговора.

– Я бы не стал будить вас в такую рань, если бы не столь экстренный случай... Доктор Клодель не сомневается, что дело не терпит отлагательства... Он позвонит из Сен-Селесты при первой возможности. Я всего лишь попутчик... Да, да, у меня есть машина... Хорошо... Отлично... Да, я понимаю. Спасибо.

Телефон звякнул. Аллейн набрал еще один номер и наконец вышел в зал ожидания. Трой, уткнув подбородок в шелковистую макушку Рики, кивнула мужу и взглядом, понятным только им двоим, указала на спящего сына.

– Так нельзя, – сказал Аллейн.

– Что нельзя?

– Тебе ничего не стоит растрогать меня.

– Я думала, ты имеешь в виду наш отдых, – сказала Трой. – Что происходит?

– Баради сказал, что прооперирует пациентку, если в этом есть необходимость. – Аллейн взглянул на мисс Трубоди. – Она спит?

– Да. Так что мы будем делать?

– У нас есть машина. Вчера здешнему комиссару позвонили из Сюрте и предупредили о моем приезде. На самом деле это один из лучших специалистов французской полиции, сюда его прислали со специальным заданием, и он временно подменяет местного начальника. Он прислал за нами старый «Мерседес» с шофером. Чертовски мило с его стороны. Я только что говорил с ним – он долго извинялся за то, что не встретил меня лично, но, как он мудро рассудил, не нужно, чтобы нас видели вместе. По его словам, шофер – надежный парень с безупречнейшей репутацией. Он ждет нас в полной боевой готовности прямо возле станции, а багаж заберет гостиничный фургон. Баради предложил привезти мисс Трубоди прямо в Шевр д'Аржан. Пока мы едем, он займется необходимыми приготовлениями. К счастью, инструменты у него с собой, и хорошо, что доктор Клодель успел сунуть мне пузырьки с какой-то усыпляющей дрянью. Баради спросил, могу ли я поработать анестезиологом.

– А ты можешь?

– Мне пришлось однажды, на корабле. Если все идет нормально, то это довольно просто. Если Баради решит, что с операцией можно повременить, он попытается вызвать анестезиолога из Дусвиля или еще откуда-нибудь. Но, похоже, сегодня в Сен-Кристофе намечается медицинский междусобойчик, и все врачи двинули туда. До Шевр д'Аржана по шоссе всего десять километров. Я отвезу вас с Рики в гостиницу и отправлюсь дальше с мисс Трубоди.

– В том доме есть женщины?

² «Алло! Алло!» и «Не прерывайте связь, прошу вас, мадемуазель» (фр.).

– Не знаю... – Аллейн осекся. – Нет, знаю, – признался он, – женщины там есть.

Трой внимательно посмотрела на мужа и сказала:

– Хорошо. Давай посадим ее в машину. Возьми Рики.

Аллейн поднял сына, а Трой подошла к мисс Трубоди.

– Она как перышко, – тихо произнесла Трой. – Может, отнести ее на руках?

– Ладно. Подожди секунду.

Аллейн вынес Рики на улицу и вскоре вернулся в сопровождении начальника станции и молодого человека в шоферской фуражке поверх копны вьющихся волос.

Молодой человек был невысокого роста, приятной наружности и вид имел бравый. Он галантно поприветствовал Трой, улыбнувшись и сняв фуражку с козырьком. Заметив мисс Трубоди, он поцокал языком. Трой постелила на скамью дорожный коврик, и, воспользовавшись им в качестве носилок, больную перенесли в просторную машину, ожидавшую на площади перед станцией. Рики свернулся клубочком на переднем сиденье, мисс Трубоди общими усилиями пристроили на заднем, а затем шофер откинул сиденье для Трой. Мисс Трубоди открыла глаза и достаточно отчетливо произнесла: «Вы так добры». Трой взяла ее за руку. Аллейн с Рики на коленях уселся рядом с шофером, и по крутой узкой улочке они въехали в Роквиль. Ясный рассвет обещал жаркий день. Уже сейчас было очень тепло.

– В гостиницу «Королевская», мсье? – спросил шофер.

– Нет, – вмешалась Трой, ощутив, как маленькая лапка мисс Трубоди сжала ее пальцы. – Рори, я, пожалуй, поеду с ней. Рики еще долго не проснется, а я могу оказаться полезной.

– В Шато де ла Шевр д'Аржан, – сказал Аллейн, – и полегче.

– Конечно, мсье, – отозвался шофер. – Поплывем, как на корабле.

Роквиль был маленьким городком. Он карабкался вверх по холму, обрываясь вереницей выбеленных солнцем вилл. Дорога петляла между рощицами оливковых деревьев, а воздух, словно благословение, был нежен и чист. Внизу простиралось море, при свете дня восхищая невероятным голубым оттенком.

Аллейн обернулся, чтобы взглянуть на Трой. Они сидели так близко друг к другу, что могли переговариваться, не поворачивая головы. Мисс Трубоди, если бы и могла их слышать, вряд ли стала бы прислушиваться и тем более вникать в разговор.

– Доктор Клодель полагает, что это наименее рискованный вариант, – сказал Аллейн. – Я отнюдь не был уверен в согласии Баради, но он проявил бездну филантропии. Говорят, он мастер своего дела. – Движением головы он указал на шофера. – Этот малый не говорит по-английски. И кстати, дорогая, перестань оповещать каждого встречного о моей профессии.

– Я наделала глупостей? – встревожилась Трой.

– Все в порядке. Я попросил Клоделя забыть о моем чине. Не думаю, что мисс Трубоди станет упоминать о нем, а если и станет, все равно никто не примет ее всерьез. Видишь ли, мне бы не хотелось переполошить обитателей замка. – Он обернулся и встретил беспокойный взгляд Трой. – Не волнуйся, милая, мы купим в Роквиле накладные бороды, молотки и прикинемся археологами. Или облачимся в твое снаряжение художника. – Аллейн на секунду задумался. – Между прочим, неплохая идея: знаменитая художница путешествует по Лазурному Берегу в сопровождении непонятно какого мужа и ребенка. При случае может пригодиться.

– Но, Рори, я не понимаю, какое отношение имеет эта ужасная ситуация к твоей работе в Шевр д'Аржан?

– В некотором роде это удобный повод войти в дом. Французы предлагали мне явиться туда в качестве любителя старины, очарованного замком – этим древним сарацинским форпостом, – или же прикинуться жаждущим эзотерического знания и навязать себя в ученики. На худой конец, я мог бы притвориться наркоманом в поиске дозы. Однако благодаря мисс Трубоди я явлюсь туда добрым самаритянином и якобы против собственной воли. И все-таки, – продолжал Аллейн, потирая нос, – как бы я хотел, чтобы доктор Клодель рискнул и отвез

мисс Трубоди в Сен-Селесту или дождался бы вечернего поезда на Сен-Кристоф. Не нравится мне тамошняя компания. Сильно не нравится! Кроме того, нашему семейству грозит отказ от принципа не смешивать работу с отдыхом, не так ли?

– Да ладно, – проговорила Трой, сочувственно глядя на мисс Трубоди. – Делаем то, что в наших силах... Любой дурак на нашем месте поступил бы так же.

Они замолчали. Шофер негромко напевал приятным тенорком. Дорога поднималась вверх, в Приморские Альпы, освещенные утренним солнцем. Воздух «плыл» от жары, в скошенном книзу ландшафте преобладали матовые оттенки глины – охристые и розовые, местами расцвеченные пятнами цвета фуксии или приглушенные оливково-серыми мазками. Снизу пейзаж был четко ограничен ультрамариновой полоской воды. Машина повернула прочь от моря. По дороге, словно естественные наросты на скалах и земле, возникали деревушки. Монастырь, спрятавшийся в уютной ложбине среди грозных холмов, призывал погрузиться в покой, подчинившись размеренному ритму природы.

– Невозможно себе представить, – вздохнула Трой, – чтобы в этих холмах нашлось место какому-нибудь безобразию.

– Ну, уж без этого не бывает, – ответил Аллейн.

Вдали показалась долина. Над ней, уродуя окружающий пейзаж, возвышалось современное здание со сверкающей крышей.

– Фабрика Химической компании Приморских Альп, – пояснил шофер.

Аллейн откликнулся понимающим «ага», словно ничего другого и не ожидал здесь увидеть, и не отрывал взгляда от сверкающего здания, пока оно не скрылось из вида.

Ехали молча. Мисс Трубоди помотала головой из стороны в сторону, и Трой склонилась над ней.

– Жарко, – прошептала больная. – Боже, что за невыносимый климат!

– Приближаемся к цели, – предупредил шофер. Дорога пошла слегка под уклон, огибая отлогий холм. Мыс остался позади, и они снова повернули к морю. Внизу, прямо под ними, бежала железная дорога, исчезающая в туннеле. Справа возвышалась скала, перераставшая в стену древнего замка, испещренную окошками. На фоне голубого неба четко вырисовывался затейливый орнамент из башенок и балюстрад, завершающий стену.

– О нет! – порывисто воскликнула Трой. – Это уж слишком! Ведь это тот самый дом!

– Боюсь, дорогая, – сказал Аллейн, – что так оно и есть.

– Шевр д'Аржан, – объявил шофер и затормозил у крутой и очень узкой тропинки, которая заканчивалась площадкой, обнесенной стеной. С площадки можно было видеть железную дорогу, а еще ниже – море. – Здесь стоянка, а вон там вход.

Он указал на сумрачный проход между двумя мощными скалами. Стены замка над ними казались не выстроенными, но будто выточенными дождем и ветром. Шофер вышел из машины и открыл дверцы.

– Похоже, мадемуазель не в состоянии идти сама, – заключил он.

– Да, – отозвался Аллейн. – Я схожу за доктором. Мадам останется здесь с мадемуазель и мальчиком. – Он уложил спящего Рики на переднее сиденье и вышел из машины. – Жди здесь, Агата. Я скоро.

– Не надо было привозить ее сюда, Рори!

– Но ведь у нас не было другого выхода.

– Смотри! – воскликнула Трой.

По проходу между скалами к ним приближался мужчина в белой одежде, с широкополой панамой на голове. Цвет его лица и рук настолько сливался с тенью, падающей от стен, что казалось, будто навстречу им сам по себе движется белый костюм. Мужчина вышел на свет, и они увидели темно-оливковое лицо с крупным носом, полными губами и смоляными усами. Глаза скрывались за темными очками. Белый костюм из плотной ткани сидел великолепно.

Замшевые сандалии тоже были белыми, рубашка розовой, галстук зеленым. Завидев Трой, он снял панаму, и его волнистые напомаженные волосы заблестели на солнце.

– Доктор Баради? – осведомился Аллейн.

Доктор Баради широко улыбнулся и протянул руку с длинными пальцами.

– Значит, привезли мне пациентку? – спросил он. – Мистер Аллейн, не так ли? – Он обернулся к Трой.

– Моя жена, – произнес Аллейн и в тот же миг увидел руку Трой прижатой к пухлым губам доктора. – А это ваша пациентка, – поспешно добавил он. – Мисс Трубоди.

– Ах, ну конечно.

Доктор Баради подошел к машине и склонился над больной. Порозовевшая Трой встала по другую сторону автомобиля.

– Мисс Трубоди, – позвала она, – здесь врач.

Женщина открыла глаза, увидела темнокожего человека и возопила: «О нет! Нет!»

Доктор Баради улыбнулся ей.

– Вы не должны ни о чем беспокоиться, – заговорил он вкрадчивым бархатным голосом. – Мы вам поможем, все будет хорошо, поверьте. И вы не должны бояться меня. Уверю вас, число умерших под моим скальпелем приближается к нулю...

– Пожалуйста, извините меня. Конечно, конечно. Спасибо, – оторопело произнесла мисс Трубоди.

– Так, посмотрим. Понимаю, вам трудно двигаться, но если бы вы смогли... вот, очень хорошо. Скажете, если я сделаю вам больно.

Он умолк. Цикады стрекотали на столь высокой частоте, что человеческий слух почти не улавливал их пения. Шофер тактично отошел в сторону. Пациентка негромко застонала. Доктор Баради выпрямился и отошел к краю площадки. Трой и Аллейн присоединились к нему.

– У нее, несомненно, аппендицит, – весело сказал доктор. – Она в тяжелом состоянии. Должен заметить, я здесь в гостях у мистера Оберона, и он предоставил в наше распоряжение отдельную комнату. У нас наготове импровизированные носилки. – Доктор Баради обернулся. – А вот и они! – воскликнул он, устремив взгляд на Трой и лучась весельем, которое та сочла абсолютно неуместным.

Из сумрачного прохода на площадку вышли двое мужчин, которые несли некий громоздкий полосатый предмет, очень напоминавший сиденье садовой скамейки. На обоих мужчинах были надеты фартуки.

– Это садовник, – пояснил доктор Баради, – и один из домашних слуг. Оба сильные ребята и привычные к особенностям наших коридоров и лестниц. Ей что, дали морфий?

– Да, – подтвердил Аллейн. – Доктор Клодель сделал ей укол. Он послал вам достаточное количество какого-то лекарства, по-моему, пентотала. Он вез его с собой в Сен-Селесту для коллеги-медика, анестезиолога, но сказал, что вам оно, должно быть, понадобится, поскольку у местного аптекаря может ничего не оказаться.

– Весьма ему признателен. Я уже позвонил фармацевту в Роквиль с просьбой об эфире. Он скоро привезет его сюда. Счастье, что я прихватил с собой мои инструменты, – сказал доктор Баради, продолжая сиять, глядя на Трой.

Он заговорил с двумя слугами по-французски, приказывая им подойти к машине. В эту минуту он, кажется, впервые заметил спящего Рики и нагнулся к окошку, чтобы разглядеть его.

– Чудненько, – пробормотал доктор, одаривая Трой белозубой улыбкой. – У нас в доме сейчас тоже все крепко спят. Но мистер Оберон передал вам, мадам, и вашему малышу самое сердечное приглашение позавтракать вместе с ним. Как вы знаете, ваш муж будет мне ассистировать. Нам понадобится время, чтобы подготовиться, а кофе вас уже ждет.

Он навис над Агатой. Все в нем было избыточно: огромная фигура, обволакивающий голос, душные запахи лосьона для волос, сладких духов и чего-то напоминающего тлетворный ветерок, которым тянет с азиатского порта.

Она отодвинулась и поспешно произнесла:

– Вы так внимательны к гостям, но думаю, нам с Рики лучше поехать в гостиницу.

– Большое спасибо, доктор Баради, – вмешался Аллейн. – Мистер Оберон чрезвычайно любезен. Надеюсь, мне представится случай поблагодарить его от всех нас. Однако путешествие по разным причинам выдалось не из приятных, и моей жене и Рики просто необходимы теплая ванна и покой. Шофер отвезет их в гостиницу и вернется за мной.

Доктор Баради поклонился, снял панаму и наверняка снова бы поцеловал руку Трой, если бы на его пути каким-то образом не оказался Аллейн.

– В таком случае, – сказал доктор Баради, – не буду настаивать. – Он открыл дверцу машины и обратился к мисс Трубоди. – Итак, сударыня, сейчас мы сделаем небольшое путешествие, хорошо? Не двигайтесь. В этом нет необходимости.

С необычайным проворством и, по всей видимости, не затрачивая усилий, он вытащил ее из машины и уложил на импровизированные носилки. Солнце обрушилось на потное лицо больной. Ее глаза были открыты, губы разомкнуты так, что виднелись десны.

– Но где?.. – произнесла она. – Вы не разлучите меня с?.. Я не знаю, как ее зовут.

Трой подошла к ней.

– Я здесь, мисс Трубоди. Очень скоро я навещу вас. Обещаю.

– Но я не знаю, куда меня несут. Это так неприлично... Непристойно даже... Если бы рядом была женщина... Англичанка. Я не знаю, что они сделают со мной. Я боюсь, мне страшно... Я надеялась... – Ее подбородок задрожал. Она тоненько, пронзительно всхлипнула. – Нет, – пролепетала она, – нет... нет... нет.

Рука мисс Трубоди резко взметнулась и уцепилась за юбку Трой. Носильщики споткнулись и недоуменно посмотрели на доктора Баради.

– Ее нельзя расстраивать, – прошептал доктор на ухо Трой. – Это крайне нежелательно. Может быть, вы согласитесь хотя бы ненадолго...

– Ну конечно, – отозвалась Трой, обращаясь к мужу, сверлившему ее взглядом. – Конечно, Рори, я должна.

Она склонилась над мисс Трубоди и заверила ее, что никуда не уйдет. Происходящее казалось Трой сном, который хотя и не был явным кошмаром, но грозил им стать. Баради вернул руку пациентки на носилки, но при этом его собственная рука коснулась юбки Трой.

– Вы так добры, – произнес доктор. – Хорошо бы мистер... Аллейн взял мальчика. Столь юным созданиям не годится подолгу спать на солнце Лазурного Берега.

Не говоря ни слова, Аллейн взял сына на руки. Рики издал удивленный звук, шевельнулся и снова заснул.

Слуги с носилками двинулись вперед, доктор Баради последовал за ними. Шествие замыкали Трой и Аллейн с Рики.

Странная маленькая процессия вошла с припекаемой солнцем площадки в сумрачный коридор, служивший входом в Шато де ла Шевр д'Аржан – замок Серебряной Козы.

Шофер наблюдал за ними, сложив губы трубочкой, словно намереваясь засвистеть, и озаченно хмурясь. Затем он перегнал машину в тень холма и приготовился к долгому безделью.

Глава 2. Операция

1

Поначалу, попав с яркого солнца в сумрак, они ничего не могли разобрать. Доктор Баради держался рядом, указывая гостям путь. Аллейн с Рики на руках преодолевал широкие, низкие и шероховатые ступени почти вслепую, однако от него не ускользнуло то обстоятельство, что Баради вел Агату, придерживая за локоть. Разноцветные пятна, плясавшие перед глазами, постепенно исчезли, и они увидели, что находятся в коридоре, вырубленном меж скал, превращенных в гладкие стены, с вытесанными лестницами, окнами и дверьми, хотя кое-где скальная порода так и осталась необработанной. Проход через равные промежутки перекрывали двойные арки, сумрак под ними заметно сгущался. Они прошли мимо открытой двери, за которой в комнате, напоминавшей пещеру, среди полок, уставленных яркими фигурками, сидела старуха. Она улыбнулась Трой и радушным жестом пригласила зайти, протягивая ей глиняного козленка.

Доктор Баради начал рассказывать историю замка Серебряной Козы.

– Это крепость, построенная в незапамятные времена сарацинами. Норманны несколько раз штурмовали ее – о жестоких битвах ходят легенды. Крепость на самом деле представляет собой нечто вроде деревни, поскольку во многих пещерах под ней и вокруг нее поселились крестьяне. Некоторые из них работают в замке, у других, как у той женщины, что вы видели, собственный промысел. Замок сам по себе – весьма интересное сооружение, даже уникальное, хоть и неудобное. Но мистер Оберон позаботился о комфорте, ни в коей мере не нарушив старинной архитектуры. Мы здесь ведем вполне цивилизованный образ жизни, в чем вам предстоит убедиться.

Они подошли к толстой кованой решетчатой двери, расположенной в стене слева. Рядом с ней висел железный колокольчик. За решеткой возник дворецкий и открыл им дверь. Пройдя внутренний дворик, они оказались в просторном холле; окна, утопавшие в толстых стенах, сводили на нет яркость и жар солнечных лучей.

Не успев как следует разглядеть интерьер холла, Трой тем не менее сразу ощутила особую атмосферу роскоши и неги, обычно тесно связанных с неограниченными финансовыми возможностями. Ковер под ногами, ткань и рисунок занавесок, форма шкафчиков и кресел и, более всего, запах, который, как она полагала, образуется при сжигании ароматических масел, – все вместе вызвало немедленную реакцию. «Мистер Оберон, – подумала Трой, – должно быть, страшно богат». Оглядевшись, она заметила над огромным камином картину Брейгеля, и Трой вспомнила, что несколько лет назад она была продана частному лицу. Сквозь открытый дверной проем просматривалась лестница, вырубленная в толще стены.

– По ступенькам взбираться трудновато, – сказал Баради. – Посему нам приготовили комнату на первом этаже.

Он отдернул занавеску из тончайшей кожи. Слуги понесли мисс Трубоди по коридору, увешанному коврами и освещенному электрическими лампочками, вкрученными в старинные настенные светильники. Мистер Оберон явно любил историю и архитектуру. Трой услышала пискливый растерянный всхлип мисс Трубоди.

– Не будете ли вы так добры помочь ей устроиться? – попросил доктор Баради.

Трой поспешила вслед за носилками, которые внесли в небольшую, очень мило обставленную спальню. Рядом находилась ванная. Двое носильщиков преданно ожидали дальнейших указаний, и поскольку доктор Баради уже удалился, Трой поняла, что ей придется распорядиться самой. При помощи усиленно хлопочущих слуг она переложила мисс Трубоди с носи-

лок на кровать, поблагодарив их на своем школьном французском, однако выпроводить обоих ей удалось только после того, как они зазвали ее в коридор и, открыв следующую дверь, с нескрываемой гордостью продемонстрировали свежевыскобленную комнату с пустым столом у окна. При виде их женщина, находившаяся в комнате, со щеткой в руке поднялась с колен. Рядом с ней стояло наполненное водой ведро, а в помещении витал густой запах дезинфицирующих средств. Слуга проговорил что-то об удобствах, садовник поведал, вероятно, о самом себе, что «он устал, ужасно устал». Трой с тоской сообразила, что они набиваются на чаевые. Порывшись в сумочке, она вытащила пятисотфранковую бумажку и протянула ее слуге, знаками показывая, что это им на двоих. Поблагодарив ее и лучезарно улыбаясь, они отправились за багажом. Трой поспешно вернулась к мисс Трубоди, бедняжка была вся в слезах.

Припомнив все, что она знала об уходе за больными, Трой вымыла пациентку, нашла чистую ночную сорочку (мисс Трубоди предпочитала белые наглухо закрытые длинные сорочки, вышитые розочками) и уложила свою подопечную в кровать. Трой затруднялась понять, осознавала ли мисс Трубоди, что с ней происходит. Было ли это действие укола морфия, или сказывалось ее болезненное состояние, или же она всегда была такой, а возможно, и то, и другое, и третье, вместе взятое, но мисс Трубоди явно плохо соображала. Оказавшись в кровати, она принялась сбивчиво рассказывать о себе. Ее речь было нелегко разобрать, поскольку она с маниакальной решительностью отвергла предложение вставить челюсти.

Она говорила, что ее отец служил врачом на Бермудских островах, а мать она давно потеряла. Мисс Трубоди была единственным ребенком и всю жизнь прожила с отцом, пока год назад он не умер, оставив ей, как она выразилась, «приличное, хотя и небольшое состояние». Она решила, что может позволить себе путешествие в Европу. В ее рассеянном бормотании Трой уловила обрывки фраз: «не поддерживал», «потерял связь». Кажется, много лет назад у него вышло неприятное недоразумение с родственниками, и с тех пор он о них никогда не упоминал. Конечно, на Бермудах у нее остались друзья, но, судя по ее рассказу, их было не так уж много, а близких еще меньше. Мисс Трубоди все говорила и говорила, постепенно теряя нить повествования и недоуменно хмурясь. От дозы морфина зрачки ее были сужены, окружающие предметы расплывались перед глазами. Наконец она затихла, впад в тревожное забытие.

Трой тихонько вышла из спальни и направилась в холл. Аллейна, Рики и доктора Баради там уже не было, но дворецкий ждал ее. Он повел ее вверх по крутой лестнице, вероятно, огибающей башню до самого верха. Они миновали две лестничные площадки, на каждой из которой было по одной двери, и наконец дворецкий отворил самую большую и тяжелую дверь. На Трой обрушилось слепящее утреннее солнце – она оказалась на крыше, где под навесом был создан чудесный сад. Он был словно подвешен в воздухе, между небом и морем. Лишь подойдя к балюстраде, Трой увидела мыс Святого Жилия – серебристую полоску земли, обращенную к югу.

Аллейн и Баради поднялись ей навстречу из-за накрытого к завтраку стола, стоящего у балюстрады. Рики крепко спал на широких качелях под ярким тентом. Запах свежемолотого кофе, бриошей и круассанов напомнил Трой, что она давно ничего не ела.

Они уселись за стол. На длинном, покрытом белой скатертью столе помещалось несколько приборов. Трой глянула вниз через перила: восемьдесят футов ниже шла железная дорога, еще двадцатью футов ниже виднелось основание замка. Стены с мощными контрфорсами и окнами-бойницами уходили отвесно вниз, в пугающую бездну. Трой, боявшаяся высоты, отпрянула. «Прошлой ночью, – подумала она, – я заглянула в одно из тех окон».

Доктор Баради рассыпался в любезностях, усердно потчует Трой кофе. Он беззастенчиво таранился на нее, и она, все более смущаясь, чувствовала, как нарастает раздражение Аллейна. На мгновение у нее возникло щекочущее желание рассмеяться.

– Послушай, дорогая, – сказал Аллейн, – доктор Баради полагает, что состояние мисс Трубоди очень серьезно, даже опасно. Он считает, что нам надо связаться с ее родней.

– У нее нет родни. Только знакомые на Бермудах – я спрашивала. Похоже, у нее вообще никого нет.

– В таком случае... – начал Баради. Покрутив головой из стороны в сторону и остановив взгляд на Трой, он развел руками в беспомощном жесте. – Значит, в этом отношении мы ничего сделать не можем.

– И еще одна проблема – анестезия, – продолжил Аллейн, упорно обращаясь исключительно к жене. – Мы могли бы позвонить в Сен-Кристоф и попросить прислать специалиста, но все медики отправились на ученый пикник, и в любом случае это будет означать задержку на несколько часов. Либо доктор Баради может вызвать своего анестезиолога из Парижа – тот прилетит самолетом, но и в этом случае операцию пришлось бы отсрочить, а также понести значительные расходы. И третий вариант: за дело берусь я. Можем ли мы рисковать?

– А что думаете вы, доктор Баради? – спросила Трой, заставив себя взглянуть на собеседника.

Баради сидел рядом с Агатой, откинувшись на стуле. Полотняные брюки обтягивали его пухлые ляжки.

– Я думаю, что риска будет меньше, если ваш муж, знакомый с процедурой, заменит анестезиолога. Эту больную не назовешь здоровой, – пошутил он.

Его голос разливался вокруг Трой. Просто удивительно, подумала она, как он умудряется, говоря о перитонитах и прорванных абсцессах, оставаться назойливым ухажером. Таким тоном обычно произносятся самые двусмысленные комплименты.

– Отлично, – сказал Аллейн. – Решено. Но ведь вам понадобятся еще помощники, не так ли?

– Желательно двое. И вот тут у нас возникают трудности. – Он повернулся лицом к Трой, но обращался теперь к Аллейну авторитетно-деловым тоном. – Сомневаюсь, что кто-либо из слуг или гостей смог бы мне ассистировать. Мало кому доставит радость посещение операционной. Хирургия не каждому приходится по сердцу. – В его устах этот банальный речевой оборот прозвучал странно. – Разумеется, я говорил с нашим хозяином. Он еще не вставал. Он предлагает любую помощь и все, что есть в замке, для успешной операции с одним непременным условием: не требовать от него активного участия. Вид крови вызывает у него аллергию, – добавил доктор Баради, надевая солнечные очки.

– Понятно, – вежливо вставил Аллейн.

– Остальные обитатели замка – нас семеро, – с игривой любезностью, предназначенной для Трой, пояснил доктор Баради, – еще спят. Мистер Оберон устраивал вчера прием, его навестили друзья, путешествующие на яхте, так что мы разошлись только в пять утра. Мистер Оберон мастер устраивать вечеринки и обожает представления. – Трой хотела было что-то сказать, но тут же передумала. Баради смотрел на нее, радостно улыбаясь. – Вчера меня выбрали на роль одной из наложниц царя Соломона. – Трой живо представила себе доктора Баради в образе наложницы царя Соломона. – А еще у нас была царица Савская. Ну, вы знаете, она закалывает ножом любимую жену Соломона. Все это было немножко утомительно. Не думаю, что кто-нибудь из моих друзей будет сегодня в достаточно хорошей форме, чтобы помочь мне. Возможно, вы знакомы с кем-нибудь из них. С Гризел Локк, например? С достопочтенной Гризел Локк?

Аллейн и Трой ответили, что не знают мисс Локк.

– А как насчет слуг? – осведомился Аллейн.

– Одного из них можно привлечь. Это мой личный слуга и камердинер, он немного знаком с операционной рутинной и при случае не растеряется. К остальным лучше не обращаться, проку не будет. Выходит, нам не хватает одного человека.

Наступило молчание, которое нарушила Трой.

– Я догадываюсь, к чему клонит доктор, – сказала она.

Аллейн в упор глянул на нее, приподняв левую бровь.

– Об этом не может быть и речи. Ты ведь отлично знаешь, дорогая, что тебя всегда тошнит при виде крови.

– В таком случае, – сказала Трой, с которой отродясь ничего подобного не происходило, – мне нечего больше предложить. Если только ты не захочешь обратиться к кузену Гарбелю.

Возникла короткая пауза.

– К кому? – мягко переспросил Баради.

– Боюсь, я неудачно пошутила, – пробормотала Трой.

– А что вы скажете о нашем шофере? – продолжал Аллейн. – Он производит впечатление крепкого и неглупого малого. Что там нужно делать?

– Приносить и уносить, – ответил доктор Баради, задумчиво глядя на Трой. – Считать салфетки. Подавать инструменты. Убирать. Возможно, в случае крайней необходимости, побыть в роли младшего ассистента.

– Я поговорю с ним. Если он хотя бы мало-мальски годится, приведу его сюда. Ты не пройдешься со мной до машины, дорогая?

– Прошу вас, не беспокойтесь, – умоляющим тоном произнес доктор Баради. – Кто-нибудь из слуг приведет вашего шофера.

Трой понимала, что муж колеблется: он не хочет брать ее с собой, но и оставить в обществе доктора не решается.

– Сходи один, Рори, ладно? Я мечтаю о солнечных очках, а они заперты в моем чемодане. – Она протянула ему ключи, свирепо улыбаясь. – Думаю, мне пора навестить мисс Трубоди, – добавила она.

Аллейн скорчил в ответ гримасу и поспешно удалился.

Трой подошла к Рики. Пощупала его лоб, он был влажным. Мальчик крепко спал, и когда она расстегнула ему ворот рубашки, даже не пошевелился. Трой смотрела на сына, тихонько раскачивая качели и с нежностью думая о том, что сейчас он ее защита и опора в дурацкой ситуации, которой она из-за усталости и растерянности, вызванными непредвиденными обстоятельствами, придавала, возможно, чересчур большое значение. Глупо злиться на то, что всего лишь смешно. Она знала, что Баради наблюдает за ней, и, обернувшись, посмотрела ему прямо в лицо.

– Мне надо идти, но если я смогу вам еще чем-нибудь помочь, скажите.

Трой говорила тихо, чтобы не разбудить Рики, и это было ошибкой. Баради немедленно подошел к ней и, также понизив голос, словно герой-любовник в интимной сцене, произнес:

– Как вы добры. Значит, вы пока остаетесь с нами? Прекрасно. Жаль только, что вам придется взвалить на себя столь неприятные обязанности.

– Что за обязанности? – Трой отошла от Рики и заговорила громче.

– Больную нужно подготовить к операции.

Баради объяснил, что ей надо сделать, и добавил, что все необходимое она найдет в ванной мисс Трубоди. Давая профессиональные указания, он был точен и деловит, однако радостная улыбка, бесившая Трой, не сходила с его лица. Когда он закончил, она спросила:

– Так мне заняться ею прямо сейчас?

– Да, – произнес Баради, скорее размышляя о чем-то своем, чем отвечая на ее вопрос. – Да, конечно, дольше медлить нельзя.

Она увидела выражение серьезности и озабоченности на его лице, и впервые с момента знакомства ее неприязнь к этому человеку поколебалась. Спускаясь по каменной лестнице, она подумала: «Слава богу, что ножом размахивала царица Савская».

2

Шофер в майке и брюках сидел на подножке автомобиля. Медальон с ликом святого Кристофа болтался на его густо заросшей груди. Парень перебрасывался скабрёзными шутками с молодой женщиной и двумя мальчишками. При появлении Аллейна женщина и дети удалились, не выказав ни малейшего смущения. Шофер бросил на Аллейна взгляд, в котором читалось общемуужское «Знаем мы этих баб!» и открыл дверцу.

– Мы пока не едем, – сказал Аллейн. – Как вас зовут?

– Рауль, мсье. Рауль Милано.

– Служили в армии?

– Да, мсье. Мне тридцать три, так что пришлось хлебнуть армейской жизни.

– Значит, ваш желудок не слишком чувствителен. Вид крови, например, не заставит его взбунтоваться? Или какая-нибудь очень живописная рана?

– В армии я был санитаром, мсье. И желудок мой тоже старый вояка.

– Прекрасно! У меня есть для вас работа, Рауль, – ассистировать доктору Баради. Вы его видели, он нас встречал. Он собирается вырезать аппендикс мисс Трубоди, и, поскольку второго врача мы найти не можем, придется встать за операционный стол самим. Если согласитесь, то, возможно, вас ждет небольшая награда и уж наверняка огромный почет.

Рауль посмотрел на свои лопатообразные руки, а затем поднял глаза на Аллейна.

– Я говорю «да», мсье. Почет никому не помешает, да к тому же почему бы и не помочь, коли уж так сложилось.

– Хорошо. Тогда идем.

Аллейн отыскал солнечные очки Трой, и они с Раулем направились к входу в замок. С грацией балетного танцора Рауль накинул на плечи пиджак.

– Значит, вы живете в Роквиле? – спросил Аллейн.

– В Роквиле, мсье. У моих родителей маленькое кафе, совсем скромное, но кормят там прилично. Кроме того, я подрабатываю извозом, как вам известно.

– Вы, конечно, раньше бывали в замке?

– Разумеется. С небольшими поручениями, а также привозил гостей, иногда туристов. Как правило, мистер Оберон посылает автомобиль за своими гостями. – Он махнул рукой на ряд гаражей, смотревшихся нелепо на фоне дикой скалы. – У него потрясающие машины.

– Встречать нас вы приехали по просьбе комиссара из префектуры? – продолжал расспросы Аллейн.

– Так точно, мсье.

– Он вам сказал, кто я такой?

– Да, мсье инспектор-аншеф. Но он сказал, что мсье инспектор-аншеф, возможно, не захочет, чтобы к нему обращались по званию.

– Как он предусмотрителен, – восхитился Аллейн.

– Ваше звание я уже забыл, мсье.

– Прекрасно.

Они миновали комнату-пещеру с женщиной, сидящей в окружении статуэток. Рауль весело приветствовал ее, она отвечала в той же манере.

– Ты должен привести ко мне этого господина, пусть посмотрит на мои фигурки, – крикнула она вслед.

– Всему свое время, Мари, – ответил через плечо Рауль и добавил для Аллейна: – Она художница, эта старушка. Святые у нее получаются красивыми и помогают тем, кто в них верит. Зато цену она дерет безбожную.

Он принялся напевать какой-то мотивчик. Они проходили под стеной замка, нависавшей над проходом. Рауль запрокинул голову.

– Не понять, где этот дом кончается, где начинается, – заметил он. – Без карты не сыскать дорогу из кухни в спальню. Тут все что угодно может случиться.

Когда они подошли к железной решетчатой двери, Рауль почтительно стал сбоку и стянул с головы шоферскую фуражку. Доктор Баради ждал их в холле. Аллейн сообщил, что Рауль был санитаром в армии, и Баради немедленно стал объяснять шоферу, что от него потребуются во время операции. Говорил он жестким и властным тоном. Рауль внимательно слушал. Он стоял в свободной позе, заложив большие пальцы за ремень брюк. Почтительность естественным образом сочеталась в нем с природным благородством и независимостью характера.

– Сможете выполнить эту работу? – сухо осведомился Баради в заключение.

– Думаю, да, господин доктор.

– Если справитесь, получите пятьсот франков. Больше за неквалифицированный труд не получает никто.

– Что касается платы, господин доктор, – сказал Рауль, – то меня уже нанял вот этот мсье, и я нахожусь в полном его распоряжении. Я участвую в этом деле исключительно по его просьбе.

Баради удивленно приподнял брови и посмотрел на Аллейна.

– Похоже, ваш шофер – большой оригинал, – сказал он по-английски. – Он производит впечатление неглупого малого, но кто знает. Будем надеяться, что он не полный идиот. Мой слуга даст ему подходящую одежду и проследит, чтобы он как следует вымылся.

Баради подошел к камину и дернул за шнурок колокольчика.

– Миссис Аллейн любезно согласилась подготовить пациентку к операции, чем она сейчас и занимается. В ваше распоряжение выделена комната, и я осмелюсь предложить вам один из моих халатов. Боюсь, он окажется чересчур широк, ну да как-нибудь можно будет его приспособить. Нам ведь все время приходится идти на компромиссы, не так ли?

В холле появился человек в египетском одеянии. Баради поговорил с ним на родном языке, а затем обратился по-французски к Раулю:

– Ступайте с Магометом и приготовьтесь к операции, следуя его указаниям. Он говорит по-французски.

Рауль ответил на приказание чем-то средним между поклоном и кивком.

– Прошу меня извинить, мсье, – сказал он Аллейну и направился следом за слугой, по пути с интересом разглядывая холл.

– В нем наверняка есть примесь итальянской крови. Здесь, на побережье, такие гибриды не редкость, – заметил Баради. – Позвольте проводить вас в вашу комнату.

Комната, отведенная Аллейну, находилась по тому же коридору, что и спальня мисс Трубоди, только немного дальше. Острый глаз и цепкая наблюдательность были профессиональными привычками Аллейна. Он увидел не просто роскошно убранную комнату, но и отметил детали: китайские обои, антикварная китайская живопись, ваза времен династии Мин необычайной красоты.

– Эта комната называется китайской, – объяснял Баради очевидное, – но мистер Оберон не побоялся внести некоторые дополнения. Бюро из красного дерева с покрытием Верни Мартен, имитирующим китайский лак.

– Очаровательное дополнение. А вот для того, чтобы поставить здесь этот комод, потребовалось, видимо, еще больше дерзости. Это, кажется, работа Андре-Шарля Буля.

– Одного из его учеников. Да вы знаток! Мистер Оберон будет в восторге...

На кровати лежал халат. Баради взял его в руки.

– Примерьте, пожалуйста. За дверью пустая комната. Оттуда есть вход в ванную. У вас достаточно времени, чтобы принять ванну. Поскольку больной сделан укол морфия, чрезвы-

чайная срочность отпала, но я бы хотел приступить к операции как можно скорее. К тому времени, как вы будете готовы, я тоже закончу свои приготовления, и мы сможем окончательно обговорить ход операции.

– Доктор Баради, – произнес Аллейн, – до сих пор ни слова не было сказано о вашем гонораре. Хотя мы с женой не имеем к больной никакого отношения, но все-таки я испытываю некоторую неловкость. Полагаю, мисс Трубоди окажется в состоянии по крайней мере...

Баради поднял руку.

– Не будем об этом, – перебил он. – Давайте условимся: деньги в данном случае не самое главное.

– Как вам будет угодно. – Поколебавшись, Аллейн добавил: – Ситуация весьма необычная. Уверен, вы понимаете, что мы не слишком охотно взяли на себя такую большую ответственность. Мисс Трубоди нам совершенно чужой человек. Да и вам самому было бы удобнее, если бы при ней находился родственник или друг, который решал бы, как поступить. Тем более что ее состояние столь серьезно.

– Согласен. Однако она, несомненно, умрет, если операция не будет сделана, и, по моему мнению, если мы допустим проволочки, ее состояние только ухудшится. Риск, конечно, есть, и большой риск. Неизвестно, удастся ли ей выжить. Все, что мы можем, – добавил Баради, и Аллейн почувствовал, что он говорит с искренней, хотя и сдержанной тревогой, – это быть на высоте и надеяться на лучшее.

Сочтя разговор законченным, Аллейн повернулся, чтобы идти в ванную. Когда он был в дверях, Баради, совершенно переменив тон, произнес:

– Ваша очаровательная жена сейчас у больной. Третья дверь налево. Она необыкновенно прекрасна. Высший класс. Вы позволите так о ней выразиться?

Аллейн взглянул на доктора, и его покорило.

– Учитывая теперешние обстоятельства, – вежливо произнес он, – ничего другого мне не остается.

Очевидно, Баради принял его слова за шутку. Он от души расхохотался.

– Высший класс! – повторил он, но к чему теперь относился его восторг: к замечанию Аллейна или снова к наружности Трой – определить было невозможно. Аллейна разрывало от гнева, но благоразумие подсказывало держать себя в руках, и он быстрыми шагами вышел в другую комнату.

3

Трой выполнила все указания Баради, и мисс Трубоди снова впала в забытие. Ее веки были сомкнуты не полностью – из-под жалких остатков ресниц сверкали белки глаз. В тишине комнаты через неравные промежутки времени раздавалось лишь дыхание больной. Трой разрывалась между нежеланием оставлять ее одну и беспокойством за Рики. Наконец она услышала голоса Аллейна и Баради в коридоре, но скоро раздался хлопок закрываемой двери, голоса стихли, и снова только дыхание мисс Трубоди нарушало безмолвие в этих мрачных стенах. Трой надеялась, что Аллейн знает, где она, и ждала, что он вот-вот ее навестит. Ей показалось, что прошла целая вечность, прежде чем раздался стук в дверь. Когда она открыла, на пороге стоял ее муж в белом халате – высокий, красивый и взбешенный. Трой прикрыла за собой дверь, и они принялись шептаться в коридоре.

– Черт-те что, – зло прошипел Аллейн. – Ты не находишь?

– Бывает и похуже. Когда вы начинаете?

– Скоро. Сейчас он пытается смыть с себя всю заразу. Пустые хлопоты.

– Жуткий тип, правда?

– Дерьмо. Извини, дорогая, что тебе приходится терпеть его липкие ухаживания.

– Ну, полагаю, что это не более чем утонченная восточная вежливость или что-то в этом роде.

– Утонченная дерьмовая наглость!

– Не обращай внимания, Рори. Ему меня не достать.

– Я не должен был привозить тебя в это поганое место.

– Ерунда! И потом, ему сейчас будет не до меня.

– Она спит?

– Вроде того. Я не хочу оставлять ее одну, но боюсь, Рики может проснуться.

– Поднимись к нему. Я останусь здесь. Баради собирается сделать ей укол, прежде чем я выступлю с эфиром... Агата...

– Да?

– Очень важно, чтобы эти люди ни сном ни духом не заподозрили, кто я такой.

– Я знаю.

– Я ничего тебе о них не рассказывал, но при первом же удобном случае выскажусь с максимально возможной обстоятельностью. Это странное собрание. Я выведу тебя отсюда, как только все закончится.

– С тех пор как мы узнали об их невинных представлениях, мне больше не страшно. Забавно! Ты говорил, что могут быть иные объяснения, но о спектакле-то мы не подумали.

– Да, не подумали, – сказал Аллейн и неожиданно поцеловал ее. – Теперь, наверное, мне опять надо мыться, – добавил он.

В коридоре показались Рауль и слуга Баради. Они были одеты в белые халаты и несли носилки, сооруженные из садовой скамьи.

– Мадам! Мсье! – сказал Рауль, обращаясь к Трой и Аллейну. – Господин доктор приказал отнести мадемуазель в операционную. Вы не возражаете, мсье?

– Разумеется нет. Мы находимся под началом доктора Баради.

– Не всякий петух в курятнике начальник, – заметил Рауль.

– Ну-ну, довольно, – сказал Аллейн.

Рауль ухмыльнулся и открыл дверь. Они внесли носилки и поставили их на пол у кровати. Когда они положили на них мисс Трубоди, та открыла глаза и отчетливо произнесла: «Но я хочу остаться в постели». Рауль ловко подоткнул под нее одеяло. Мисс Трубоди отчаянно взвыла.

– Все в порядке, дорогая, – успокоила ее Трой. – С вами все будет в порядке. – И тут же подумала: «Но я сроду не называла посторонних людей «дорогими»!»

Мисс Трубоди отнесли в комнату напротив и положили на стол у окна. Трой не отходила от больной, держа ее за руку. Занавеси с окна были сняты, раскаленное солнце нагревало стол. В комнате все еще пахло карболкой. На другом столе были разложены какие-то предметы. Единожды взглянув на них мельком, Трой отвернулась и больше туда не смотрела. Она держала мисс Трубоди за руку, стоя между ней и столом с инструментами. Дверь в стене напротив отворилась, за ней показалась ванная и доктор Баради в халате и белой шапочке. Строгость одеяния подчеркивала внушительные размеры его носа, глаз и зубов. В левой руке он держал шприц.

– Значит, и вы в конце концов оказались в моих ассистентках? – пробормотал он, но было ясно, что такой поворот событий не доставил ему удовольствия.

Не отпуская вялой руки мисс Трубоди, Трой сказала:

– Я подумала, что мне следует побыть с ней, пока...

– Ну, разумеется! Пожалуйста, задержитесь еще ненадолго. – Баради начал инструктировать Аллейна и остальных. Он говорил по-французски. Намеренно, решила Трой, дабы пощадить чувства мисс Трубоди. – Я левша, – сказал он. – Если я попрошу передать мне что-либо, пожалуйста, помните об этом. Мистер Аллейн, прошу вас ознакомиться с оборудованием, с которым вам придется работать. Милано!

Рауль принес со стола с инструментами китайское блюдо. На нем стояла бутылка и лежало полотенце для рук. Аллейн, взглянув на блюдо, кивнул.

– Отлично, – произнес он по-французски.

Баради взял мисс Трубоди за другую руку и высоко закатал рукав ее ночной рубашки. Больная не сводила с него глаз, ее губы беззвучно шевелились.

Трой увидела, как вошла игла. Рука, которую она держала, легко дрогнула и отяжелела.

– Какая удача, – сказал Баради, вынимая иглу, – что у любезнейшего доктора Клоделя был с собой пентотал. Счастливое совпадение.

Он приподнял веко мисс Трубоди. Глаз закатился.

– Чудесно, – заключил Баради. – А теперь, мистер Аллейн, мы дадим более глубокий наркоз. Его-то вы и будете поддерживать. Пойду вымою руки, через несколько минут начинаем. – Он улыбнулся Трой, которая была уже на полпути к выходу. – Кое-кто из нашей компании вскоре присоединится к вам на крыше в саду. Мисс Локк, достопочтенная Гризел Локк. Кажется, она известная личность в Англии. Совершенно сумасшедшая, но удивительно милая.

Трой бросила последний взгляд на операционную: Баради, огромный, в белом халате и шапочке, Аллейн, улыбающийся ей, Рауль и египетский слуга, замершие в ожидании у стола с инструментами, и, наконец, мисс Трубоди с широко открытым ртом и прерывистым дыханием. Дверь захлопнулась, и картинка исчезла, так же, как несколькими часами ранее, когда поезд вошел в туннель, исчезло освещенное окно замка Серебряной Козы.

«Но тогда, – подумала Трой, направляясь в сад на крышу, – это был всего лишь спектакль».

Глава 3. Утро с мистером Обероном

1

Солнце над садом палило вовсю, но качели, на которых лежал Рики, были надежно защищены тентом. Мальчику, как он сам бы выразился, «классно спалось». Трой знала, что проснется он еще не скоро.

На крыше произошли перемены: посуда со стола была убрана, сам стол отодвинут в сторону, к качелям Рики добавилось еще несколько подвесных лавок, застланных как постели. Трой опустилась на одну из них – ближайшую к сыну, – подобрала под себя ноги, сиденье качнулось, и голова Трой сама собой откинулась на мягкие подушки. В поезде ей так и не удалось как следует выспаться.

На крыше царили тишина и покой. До нее едва долетал стрекот редких цикад, отважившихся петь в такую жару, да где-то в отдалении изредка гудели автомобили. Сквозь полудремоту Трой изумилась необычайной синеве неба. Ее глаза закрылись, она чувствовала, как ее укачивает, словно в поезде. Монотонное пиликание цикад превратилось в бессвязное бормотание мисс Трубоди, а затем и вовсе пропало. Уже очень скоро Трой крепко спала.

Проснувшись, она увидела перед собой странного вида даму, примостившуюся на балюстраде рядом со спящим Рики, словно некая фантастическая птица на насесте. Дама сидела, согнув ноги, обтянутые алым трико, и уткнув подбородок в колени. Унизанные кольцами костлявые пальцы с заостренными ногтями пунцового цвета, будто птичьи когти обхватывали лодыжки, а из открытых сандалий коралловыми гроздьями торчали пальцы ног. Голова была обмотана пестрым шарфом. Еще одним, из яркого шелка, было обвито ее тело по поясу. Глаза скрывались под огромными солнечными очками невиданных размеров, нос-клюв нависал над сомкнутыми губами, о чьих естественных очертаниях под толстым слоем губной помады оставалось только догадываться. Заметив, что Трой проснулась, дама выпрямилась, тяжело спрыгнула на пол и направилась к незнакомке, вытянув вперед руку. На первый взгляд она выглядела лет на сорок пять – пятьдесят. Росту в ней было шесть футов.

– Здравствуйте, – прошептала она. – Я – Гризел Локк, но предпочитаю, чтобы меня называли Сати. Ну, вы знаете, богиня неба у древних египтян. Пожалуйста, зовите меня Сати. Надеюсь, вам хорошо спалось? Я смотрела на вашего сына и размышляла о том, хотелось бы мне иметь ребенка или нет.

– Здравствуйте, – громко произнесла Трой, изрядно ошарашенная новым знакомством.

– Он не проснется? У меня такой голос... Вот сейчас узнаете, – проговорила она, переходя с шепота на обычный тон. Голос у нее действительно был странный – низкий, с неожиданными петушиными высокими нотами, как у подростка. – Трудно сказать, – продолжала она, – с одной стороны, ребенок целиком принадлежит вам, и вы можете делать с ним что хотите, и это весьма необычное переживание, а с другой стороны, дети надоедают, и тогда их сбагривают запуганным гувернанткам. Меня в детстве сбагрили, с этого все и началось. Как теперь принято считать, во всем виноваты детские травмы. Лежите, не вставайте. Я чувствую себя вареной курицей. Вы, наверное, тоже. Хотите выпить?

– Нет, спасибо, – ответила Трой, проводя рукой по волосам.

– Я тоже не буду. Как вам не повезло с началом отпуска. У вас есть тут знакомые?

– В общем, нет. Где-то на побережье обретается дальний родственник, но мы никогда раньше не виделись.

– Возможно, я с ним знакома. Как фамилия?

– Гарбель. А род занятий связан с какой-то очень замысловатой областью химии. Не думаю, что вы встречались...

– Боюсь, что нет, – перебила дама. – Баради уже занялся вашей приятельницей?

– Она нам не приятельница и даже не знакомая. Просто попутчица.

– Однако вам пришлось попотеть, – сочувственно произнесла дама.

– Это уж точно, – подтвердила Трой. Она и в самом деле чувствовала себя вареной курицей и мечтала лишь о том, чтобы ее оставили наконец в покое и позволили принять ванну.

– Ложитесь, – уговаривала мисс Локк. – Снимите башмаки и спите, если хотите. Не стесняйтесь. Я пришла сюда позагорать, да вид вашего спящего сына отвлек меня.

Трой, уступая настояниям новой знакомой, снова уселась на свои качели, подобрав ноги.

– Вот и правильно, – заметила дама. – А я надуваю матрац. Слуги, увы, потеряли помпу.

Сидя на полу, она подтянула к себе спущенный резиновый матрац, зажала клапан густо намазанным ртом и принялась дуть.

– Все равно что в гору взбираться, – выдохнула она через некоторое время, – хотя и хорошее упражнение для легких. Надеюсь, оно пойдет мне на пользу.

Надув матрац, дама распласталась на нем лицом вниз и сбросила яркий разноцветный шарф – свое единственное одеяние до пояса. Шарф свалился со спины настолько тощей, что по ней, подумала Трой, можно было бы с успехом изучать анатомию. Лопатки торчали плужными лемехами, а позвоночный столб напоминал змею, с которой содрали кожу.

– Я перестала пользоваться маслом, – пояснил полузадушенный голос, – с тех пор как вошла в число Детей Солнца. Как вы считаете, загар равномерный или некоторые участки надо подправить?

Трой поглядела на ее спину странного мышинового оттенка и не сумела предложить никаких улучшений.

– Полежу так минут десять на всякий случай, – продолжала мисс Локк, – а потом перевернусь. Признаться, чувствую я себя отвратительно.

– Доктор Баради говорил, что вчера вы поздно легли, – сказала Трой, стараясь изо всех сил не обнаружить тревоги.

– Разве? – Голос дамы стал еще более невнятным, она пробормотала что-то вроде «не помню».

– Он рассказывал нам про спектакль и все такое прочее.

– Спектакль? Ох... Я в нем участвовала?

– Он не уточнил, кто и какую роль играл, – ответила Трой.

– Я наверняка была в полной отключке, – пробормотала дама.

Трой подумала о том, как неприятно выслушивать подобные признания от малознакомых людей, и вдруг с изумлением заметила, что лопатки дамы конвульсивно подрагивают.

– Что ж, назовем это спектаклем, – послышался невнятный голос.

Трой все более становилось не по себе.

– Что вы имеете в виду? – спросила она.

Новая знакомая перевернулась на спину и сняла очки. Выражение ее бледно-зеленых глаз с маленькими зрачками-точками было странно отрешенным. Одетая лишь в алое трико, не считая шарфа на голове, дама являла собой не слишком притягательное зрелище.

– Дело в том, – быстро заговорила она, – что меня не было на вечеринке. После обеда, на котором тоже было весело, у меня разболелась голова, и я, как уже говорила, отключилась. Это случилось часа в четыре. Видимо, поэтому я и поднялась раньше всех. – Она неожиданно и преувеличенно широко зевнула, едва не свернув себе челюсть. – Ну вот, опять начинается.

Челюсти Трой дрогнули, подчиняясь закону мимической подражательности.

– Надеюсь, головная боль прошла, – сказала она.

– Какая вы милая. Не прошла. Болит ужасно.

– Мне очень жаль.

– Если не пройдет, придется обратиться к Баради. А она не пройдет. Сколько времени он будет трудиться над аппендиксом вашей попутчицы? Вы видели Ра?

– Не думаю. Я познакомилась только с доктором Баради.

– Ах, ну конечно, – торопливо проговорила мисс Локк, – вы не в курсе. Я имела в виду Оберона, нашего Учителя. Меж собой мы зовем его Ра. Вас интересует Истина?

Трой, измотанная жарой, недосыпом и неутихающей тревогой, оказалась не в состоянии уловить особое значение, приданное обычным словам.

– Право, не знаю, – пробормотала она. – Истина всегда...

– Бедняжка, я совсем заморочила вам голову.

Гризел Локк села на своем матрасе. Будучи художником, Трой соответственно относилась к наготе, но вид ее новой знакомой, столь бесцеремонно выставляющей напоказ незавидные прелести, удручил Трой. Неловкость усиливалась тем обстоятельством, что дама, по наблюдениям Трой, вовсе не чувствовала себя легко и свободно. Она неуверенно теребила пальцами шарф и поглядывала на Трой так, словно хотела извиниться. Трой смущенно отвернулась, и перед ее глазами возникла стена башни, вздымавшейся над садом. Стена была сверху донизу пронизана узкими щелями. Усталый взгляд Трой остановился на третьей щели снизу. Тупо уставясь на нее, она выслушивала сбивчивое изложение учения об Истине, как ее понимали новоиспеченные последователи, гостившие в доме у своего учителя, мистера Оберона.

– ...мы просто маленькая группа Страждущих... Дети Вечного Солнца... Зло существует только в душах приземленных... добро – суть всех вещей... великая Тьма сосуществует с великим Светом... – Фразы, подкрепляемые невыразительными и вялыми жестами, вели себя как бильярдные шары: сталкивались, беспорядочно разлетались и никак не желали образовывать стройную концепцию. Дама сыпала штампами и афоризмами, надерганными из самых немислимых источников. «Следует идти навстречу опасностям – только так можно достичь особой высоты духа... Лишь познавший земную жизнь во всей ее полноте сможет обратиться к единому Богу Вселенной... Проникнуть в глубь веков с помощью мистической спирали-пуповины», – бормотала ученица, вращая дрожащим пальцем, изображая мистическую спираль. Болтовня раскрашенной дамы казалась бедной Агате жуткой галиматьей, однако она вежливо слушала и даже пыталась задавать умные вопросы, которых от нее явно ожидали. Тут же выяснилось, что делать этого не следовало. Мисс Локк искоса, с мрачной серьезностью глянула на Трой и заявила:

– Несомненно, ты посвященная. Но ведь ты и сама знаешь об этом, правда?

– Ничего подобного.

– Да, да, – настаивала дама, покачивая головой, как китайский болванчик. – Возможно, ты еще не проснулась, но я чувствую в тебе большую силу. Как пить дать посвященная.

Она снова неестественно широко зевнула, а затем обернулась взглянуть на башенную дверь.

– Он вот-вот появится, – прошептала она. – Он ведь никогда ни к чему не притрагивается и никогда не пропускает обрядов Ушас³. Который час?

– Начало одиннадцатого, – ответила Трой, удивившись тому, что все еще утро. Рики проспит еще час, а может быть, и два. Трой пыталась вспомнить, сколько времени обычно длится операция по удалению аппендикса. Она утешала себя мыслью, что всему приходит конец, придет конец и бдению в замке, и ей не придется вечно поддерживать светский разговор на эзотерические темы. А где-то там, внизу, в гостинице «Королевская» Роквилла, ее ждут выложенная кафелем ванная и прохладная постель. А если очень повезет, то мисс Гризел Локк прямо сейчас оставит ее в покое и отправится на поиски того, кого она с таким нетерпением дожидается.

³ В ведической мифологии богиня зари.

ется, и тогда в блаженном одиночестве, забывшись сном, Трой скоротает последние часы этого бестолкового и утомительного приключения.

В этот момент она заметила, что за щелью башенной стены, с которой она так и не сводила глаз, что-то шевелится. Стоило ей приглядеться получше, как щель опустела. Трой показалось, что она видела копну волос или мех. Должно быть, это было животное, наверное кошка. В щели вновь что-то мелькнуло и пропало, однако Трой успела различить человеческую голову и пришла к неприятному выводу, что кто-то стоял с обратной стороны щели, подслушивая их разговор. Затем она услышала шаги внутри башни. Дверь приоткрылась.

– Сюда идут! – встревоженным возгласом предупредила Трой свою собеседницу. Та облегченно охнула, но даже не пошевелилась, чтобы прикрыть наготу. – Мисс Локк! Оглянитесь!

– Что? Ах да, конечно. Но все же зовите меня Сати.

Она подняла с пола кусок пестрого шелка. Возможно, изменившееся выражение лица Трой побудило мисс Локк вспомнить о давно забытых правилах приличия. Она покраснела и принялась неуклюже завязывать шарф на спине.

Но взгляд Трой относился не к мисс Локк, а к мужчине, вышедшему из башни на крышу и направлявшемуся к ним. Сумятица чувств, терзавшая Трой все утро, уступила место весьма определенному и легко узнаваемому ощущению. Ей стало страшно.

2

В тот момент Трой не сумела бы объяснить, что именно в облике мистера Оберона так напугало ее. В его внешности не было ничего явно отталкивающего. Наоборот, он казался тихим и мягким человеком.

Бороды не редкость в наше время, хотя борода мистера Оберона была несколько необычной – светлая, редкая и шелковистая, она разделялась на подбородке на две части, оставляя его почти голым. Усов практически не было, если не считать скудную растительность над уголками яркого сочного рта. Прямой правильной формы нос и светлые неестественно огромные глаза производили особое впечатление. Длинные волосы, расчесанные на прямой пробор, падали на воротник халата. Длина волос и общее впечатление хрупкости фигуры придавали ему женственный вид. Но что потрясло Трой больше всего, так это сходство с Иисусом, каким его изображают на католических религиозных картинах вроде «Святейшего Сердца Иисуса Христа». Позднее она поняла, что сходство культивировалось намеренно. На Обероне был белый халат, смотревшийся на человеке столь экзотической внешности ритуальным одеянием.

Казалось невероятным, что подобное создание может поддерживать нормальную беседу. Трой не удивилась бы, если бы мистер Оберон разразился речью на санскрите. Однако он протянул Трой маленькую изящную руку и вежливо поздоровался. Голос у него был на удивление музыкальным, и говорил он без явного акцента, хотя Трой почудилось, что она улавливает американские нотки. Она пробормотала что-то о его любезности и поблагодарила за предоставление приюта мисс Трубоди. Мистер Оберон ласково улыбнулся, опустил в алжирское кожаное кресло и подтянул под себя ноги, по всей видимости, усевшись в позу лотоса. Руки мягко упали на колени.

– Вы сделали нам бесценный подарок, – сказал он. – И мы вам благодарны.

С первой же секунды знакомства Оберон смотрел Трой прямо в лицо. Это не было проявлением обычной безразличной вежливости. Казалось, мистер Оберон никогда не моргает.

– Дражайший Ра, – произнесла его ученица, – у меня совершенно невыносимо болит голова.

– Пройдет, – ответил Оберон, по-прежнему не спуская глаз с Трой. – Ты знаешь, что делать, дорогая Сати.

– О да, я знаю, конечно! Но иногда так трудно прийти к свету. Все блуждаешь и блуждаешь в потемках.

– Терпение, дорогая Сати, и все получится.

Сидя на матрасе, мисс Локк ухватила себя за щиколотки и, кряхтя от напряжения, придвинула свои молотообразные пятки к внутренней стороне бедер, по всей видимости, пытаясь усесться в позу медитации.

– Мы говорим здесь о вещах, которые вам, наверное, незнакомы, – сказал мистер Оберон, обращаясь к Трой. – Или все же немного знакомы?

– Вот и я говорю, – с воодушевлением подхватила мисс Локк. – Разве она не из посвященных?

Оберон оставил ее реплику без внимания.

– Я хотел бы кое-что пояснить. Мы – мои гости и я – исповедуем истинный Образ Жизни. Возможно, атмосфера, которую мы создали здесь, в этом древнем замке, немного будоражит постороннего посетителя. Вы испытываете нечто подобное?

– Боюсь, я отупела от долгого путешествия, бессонной ночи и беспокойства о мисс Трубоди, – призналась Трой.

– Я помогаю ей. И надеюсь, наш друг Баради тоже.

– Как? – изумилась Трой. – А я-то думала... Большое спасибо... А что... операция идет нормально?

Мистер Оберон улыбнулся, показав отличные зубы.

– Вот и опять я не совсем ясно выразился. Я был с ними, но не телесно, а духовно.

– А-а, – пробормотала Трой. – Извините.

– Особенно тесно я контактировал с вашей приятельницей. И это неудивительно, ибо когда душа усилием воли либо, как в данном случае, благодаря анестезии освобождается от тела, ей можно оказать значительную помощь. У нее чистая душа, ее следовало бы называть не мисс Преданная телом, а мисс Преданная душой⁴. – Он рассмеялся легким, почти беззвучным смехом, продемонстрировав розовую полость рта. – Но мы не должны презирать тело, – добавил он, подумав.

– О нет! Ни в коем случае! – прошептала его последовательница и принялась глубоко дышать, зажимая одну ноздрю и с хриплым шипением выпуская воздух через другую. Трой заподозрила, что у мисс Локк, возможно, не все дома.

Оберон скользнул взглядом в сторону. Его глаза были по-прежнему широко открыты и лишены всякого выражения. Он заметил спящего Рики.

Трой вскочила и, усиленно притворяясь, что ничего особенного не происходит, направилась к Рики. Позднее она рассказывала Аллейну, что ею двигал чисто животный инстинкт, вроде того, что движет кошкой, охраняющей своих котят. Она склонилась над сыном и сделала вид, что поправляет подушки. Голос Оберона произнес: «Прекрасное дитя», и Трой решила, что, как бы глупо это ни выглядело, она будет стоять между Рики и хозяином замка до тех пор, пока последний не отведет глаз. К счастью, Рики сам пошевелился и выпростал руку. Трой перевернула его набок, спиной к Оберону. «Мамочка?» – пробормотал Рики. «Да», – ответила Трой. Она держала сына за руку, пока тот снова не заснул.

Обернувшись, она взглянула поверх нелепой, тяжело пыхтевшей ученицы на фигуру человека, сидевшего на ярком солнце, и, несмотря на не отпускавшую ее тревогу, увидела в нем замечательный художественный объект. Одновременно ей почудилось, что она и Оберон окончательно признали друг в друге врагов.

Их безмолвное взаимное объяснение было прервано появлением других гостей Оберона: высокой девушки и хромого молодого человека, которых представили как Джинни Тейлор и

⁴ Игра слов; Трубоди (Truebody) в переводе с английского – «преданный(ая) телом».

Робина Херрингтона. Оба имени были знакомы Трой. Внешность девушки регулярно приносилась в жертву на алтарь модных журналов, а за молодым человеком давно укрепилась репутация беспутного сына известного пивовара, бывшего также рьяным покровителем искусств. Для Трой относительная нормальность новых знакомых явилась словно глотком свежего воздуха, и она была готова не обращать внимания на темные круги под глазами и некоторую нездоровую вялость молодых людей. Они вежливо поздоровались и уселись вдвоем на свободные качели, заслонив Рики от мистера Оберона. Трой вернулась на свое место.

Мистер Оберон завел пространно-неспешный рассказ о том, как купил в Париже недавно обнаруженную рукописную книгу из редкого антикварного собрания. Трой знала, что за эту рукопись ему пришлось выложить безумную кучу денег, и, несмотря на отвращение к рассказчику, с жадностью выслушала его повествование об иллюстрациях. Оберон продолжал, меняя темы: календарь Карла Ангулемского, индийское искусство и, наконец, современные художники – Жорж Руо, Пикассо и Андре Дерен. «Но конечно, Андре не авангардист, он откровенно подражает Рубенсу. Спросите Карбэри, если мне не верите».

Трой едва не подскочила на месте. Неужто он говорит о Карбэри Гленде, художнике, с которым она была лично знакома и который, увидев ее здесь, непременно набросится с пылкими приветствиями? Мистер Оберон больше не смотрел ни на нее, ни на кого другого, однако у Трой было ощущение, что он рассказывает специально для нее и рассказывает, надо отдать ему должное, увлекательно. Далее последовало описание одной из работ Гленда. «Вчера он писал на сарацинской наблюдательной вышке. Его любимые переливы лимонно-желтого, сдобренные единственным ярко-красным мазком. Картина получилась очень цельной, ее эзотерический смысл очевиден. Прекрасная вещь». Несомненно, речь шла о Карбэри Гленде.

Ну, конечно же, конечно, операция уже наверняка закончилась, но почему же тогда не приходит Аллейн и не увозит их отсюда? Трой пыталась припомнить, известно ли Карбэри Гленду, что она замужем за полицейским.

– Хотела бы я получше разбираться в картинах Карбэри, – сказала Джинни Тейлор. – Ничего в них не понимаю. Все, что я могу сказать, это жуткие банальности, вроде того что они выглядят такими простыми, что любой мог бы так нарисовать. – Она дружелюбно взглянула на Трой. – А вы разбираетесь в современном искусстве?

– Я всегда готова учиться, – прибегла Трой к увертке, подсказанной страхом.

– А я, сколько бы ни старалась, все равно не научусь, – вздохнула Джинни и вдруг зевнула.

Скулы всех присутствующих, за исключением мистера Оберона, дрогнули в ответ.

– Прошу прощения, – сказала Джинни. Непонятно по какой причине она казалась испуганной. Робин Херрингтон скользнул пальцами по ее руке. – Не возьму в толк, отчего чиханье, кашель и зевота так заразительны. Особенно зевота. Стоит прочесть о ней в книге, как уже начинаешь зевать.

– Возможно, это еще одно доказательство, хотя и совсем примитивное, того, что обособленность иллюзорна, – предположил мистер Оберон. – Наши тела, как и наши души, подчиняются общим импульсам.

Трой замерла, гадая, как следует понимать философские изречения хозяина замка, в то время как Сати издала одобрительный возглас:

– Истина! Истина! – Резко согнувшись, она вытянула вперед правую руку и ухватила за пальцы ног. Левую руку она одновременно закинула за голову и вцепилась в правое ухо. Приняв столь диковатую позу, мисс Локк преданно уставилась на мистера Оберона. – Я правильно делаю, дражайший Ра? Мне стоит продолжать упражняться в пране и пранаяме?

– Упражнения никогда не повредят, дорогая Сати, при условии, что дух также задействован.

Трой не удержалась и исподтишка глянула на Джинни Тейлор и Робина Херрингтона. Неужели подобные развлечения «старичков» их нисколько не изумляют? Джинни с сомнением

взирала на Сати, а молодой Херрингтон, к облегчению Трой, смотрел на Джинни так, словно приглашал ее вместе посмеяться.

– Джинни? – тихо позвал мистер Оберон.

Зарождавшаяся на губах Джинни улыбка увяла.

– Прошу прощения, – торопливо сказала она. – Да, Ра?

– Ты подумала о том, что будешь делать сегодня?

– Нет. Хотя... возможно, днем...

– Если я не нарушаю ничьих планов, – вмешался Робин Херрингтон, – я хотел бы пригласить Джинни съездить в Дусвиль сегодня днем. Мне нужен ее совет, в какой цвет покрасить навес на задней палубе.

Но Джинни уже встала и, минуя Трой, подошла к мистеру Оберону. На белом, как простыня, лице девушки четко выделялись темные круги под глазами.

– Значит, ты едешь в Дусвиль? – спросил Оберон. – Ты выглядишь немного бледной, дитя мое. Вчера мы припозднились, развлекаясь. Не отдохнуть ли тебе сегодня днем?

Он смотрел на нее немигающим пристальным взглядом, каким прежде сверлил Трой.

– Наверное, мне следует отдохнуть, – проговорила Джинни бесцветным голосом.

– Наверное. Цвет навеса подождет, пока не восстановится цвет лица. Думаю, Аннабелла будет рада прокатиться в Дусвиль. Аннабелла Уэллс, – пояснил он для Трой, – гостит у нас. Она закончила съемки, а весной будет участвовать в постановке для братьев Дюран.

Трой не слишком заинтересовало присутствие скандально известной кинозвезды, хотя та и была выдающейся актрисой. Она наблюдала за угрюмо насупившимся Херрингтоном. Молодой человек встал и тоже подошел к Оберону. Руки, сжатые в кулак, он сунул в карманы. Из-за спины девушки он обратился к хозяину замка:

– Я полагал, что прогулка пойдет Джинни на пользу.

Но Джинни уже опустилась на матрац у ног Оберона. Она сидела неподвижно с видом послушной девочки.

– У Робина совершенно изумительная яхта, – сообщил мистер Оберон, взглянув на Трой. – Непременно попросите Робина показать ее вам. Уверен, он не откажет. – И мистер Оберон положил руку на голову Джинни.

– Буду счастлив, – свирепо произнес Херрингтон и, отвернувшись, громко продолжил: – Но почему нельзя поехать сегодня днем? Джинни следует проветриться.

Трой догадалась, что между мистером Обероном и его гостями происходит нечто необычное и что Робин Херрингтон не только взбешен, но и напуган. Ей хотелось подбодрить его. Сердце бешено колотилось у нее в груди.

В наступившей мертвой тишине явственно слышались торопливые шаги, раздававшиеся на каменной лестнице башни. Когда Аллейн открыл дверь, глаза всех присутствующих были устремлены на него.

3

Аллейн подождал, пока глаза привыкнут к яркому свету. В продолжение этих нескольких секунд он и пятеро смотревших на него людей оставались неподвижны.

Человека, с которым долго живешь бок о бок, перестаешь замечать. Легче припомнить во всех подробностях лицо случайного знакомого, нежели лица близких и любимых. Трой никогда не могла по памяти нарисовать портрет Аллейна. Но сейчас пелена привычки спала, и она увидела мужа словно впервые.

«Никогда я так не радовалась его появлению», – подумала Трой.

– Это мой муж, – объявила она.

Мистер Оберон встал и направился к Аллейну. Хозяин замка оказался дюймов на пять ниже Аллейна, и Трой вдруг пришло в голову, что мистер Оберон не только отвратителен, но еще и смешон.

– Мы очень рады, что наконец познакомились с вами, – сказал Оберон, протягивая руку. – Вы принесли нам хорошие новости?

– Доктор Баради объяснит вам ситуацию лучше, чем я, – ответил Аллейн. – Она была в очень плохом состоянии, и доктор полагает, что о выздоровлении пока говорить преждевременно.

– Мы все станем ей помогать, – пообещал Оберон, указывая на старушку Сати, впавшую в ступор Джинни и рассерженного Робина Херрингтона. – Мы способны на многое.

Взяв Аллейна за локоть, он повел его к гостям. За ними шлейфом стелился запах эфира. Аллейна представили всем по очереди, предложили присесть, но он отказался.

– С вашего разрешения, я хотел бы отправить жену и ребенка в Роквиль. Нам должны позвонить в гостиницу, звонок очень важный. Наш шофер освобожден, он отвезет их, а потом вернется за мной.

Трой, боявшаяся столкнуться с Карбэри Глендом, догадалась, почему Аллейн именует ее «женой»: он не хотел, чтобы Оберон услышал, как ее зовут. Но при этом Аллейн напустил на себя такой напыщенный вид, что Трой почти обиделась. Она быстро встала и подошла к Рики.

– Видимо, мне следует задержаться ненадолго, чтобы дождаться новостей о состоянии больной, – продолжал Аллейн. – Баради позвонит в Сен-Кристоф и вызовет сиделку, а пока у мисс Трубоди будут дежурить две ваши горничные. Я уверен, сэр, что если бы она могла, то от всей души поблагодарила бы вас за гостеприимство.

– В этом нет нужды. У нас к ней особое отношение. Она в надежных руках. За сиделкой я пошлю машину, поскольку до вечера поезда не будет.

– Я поеду, – вызвался Робин Херрингтон. – Доберусь за час.

– Робин был участником ралли в Монте-Карло, – шутливо произнес Оберон. – Будем надеяться, что у сиделки железные нервы.

– Отличная мысль, – обратился Аллейн к Робину. – Вы предупредите доктора Баради?

Он поднял Рики с качелей. Трой протянула руку Оберону, тот медленно обхватил ее своей, сжал и вдруг резко отпустил.

– Вы обязательно должны навестить нас, – сказал он. – Если вы паломница духа, а я думаю, что так оно и есть, то вам будет небезынтересно побывать на одной из наших медитаций.

– Да, приходите, пожалуйста, – подхватила Сати, оставившая свои упражнения при появлении Аллейна. – Это безумно увлекательно. Не пожалеете. Где вы остановились?

– В гостинице «Королевская».

– Оттуда добраться проще простого. Даже машина не нужна. Дусвильский автобус останавливается за углом. Каждые полчаса. Очень удобно.

Ее слова живо напомнили Трой о письмах мистера Гарбеля. Она пробормотала нечто ни к чему не обязывающее, попрощалась и направилась к выходу.

– Я провожу вас, – предложил Херрингтон, беря в руку массивную трость.

Спускаясь по сумрачной крутой лестнице, Трой слышала гул голосов, раздающихся сверху. Они шли медленно: Аллейн нес Рики, Херрингтону мешала хромота. Ощущение кошмара, грозившего вот-вот обрушиться на Агату, стало для нее непереносимым. Казалось, ступенькам не будет конца, но когда Трой добралась наконец до двери, ведущей в холл, она открыла ее с опаской: Карбэри Гленд мог обретаться где угодно. В холле было пусто. Трой, преодолев его быстрым шагом, выбежала в прихожую. Железные ворота оказались заперты, и, ослепленная ярким солнцем, она никак не могла справиться с замысловатым замком. Дернув тяжелую задвижку, она сильно ушибла пальцы. Снизу, откуда-то совсем рядом, раздался голос: «Позвольте вам помочь».

Из прихожей вниз вела лестница. По ней и поднимался Карбэри Гленд. Остановившись так, что его лицо оказалось на уровне колен Трой, он задрал голову, вглядываясь сквозь перила, а затем, узнав ее, просиял.

– Трой, неужели это ты? – воскликнул он хриплым голосом. – Определенно ты! Золотце мое, это просто невероятно. Откуда ты взялась? Зачем ты трясешь решетку? Тебя напугал Оберон? Признаюсь, меня от него тоже дрожь пробирает. Что ты задумала?

Он уже стоял вровень с ней, нескладный коротышка с ярко-рыжими бородой и волосами, однако лицо его в этот момент словно утратило краски – оно было мучнисто-серым. Гленд близоруко моргал, глядя на Трой и пытаясь сфокусировать взгляд, как будто перед его глазами все расплывалось. На нем были цветастые шорты и пунцовая рубаха.

– Ничего я не задумала, – ответила Трой. – И вообще, я не к вам приехала. Мы доставили твоему хозяину пожилую старую деву с аппендицитом и теперь уезжаем.

– Ах да, я слышал про старую деву. Али Баради, исполненный профессионального рвения, разбудил меня ни свет ни заря и спросил, не соглашусь ли я вдевать нитки в иголки и подавать салфетки. Какова наглость! Ты уходишь?

– Надо, – отрезала Трой. – Умоляю, открой эту чертову дверь.

Из холла доносился голос Аллейна и постукивание палки Херрингтона.

Гленд потянулся к замку. Его руки с вьевшейся под ногти краской дрожали.

– Как видишь, я не совсем в форме, – сказал он, оправдываясь. – Буйная вечеринка и всего лишь четыре часа тупого бесчувствия, чтобы прийти в себя. Можешь себе представить! Готово. – Он распахнул дверь и отпрянул от солнечного света, бывшего снаружи. – Оберон обалдеет, когда узнает, что ты здесь. Тебе известно, что он купил твою работу с выставки в Ронд-Пойнте? Висит в библиотеке. «Мальчик с воздушным змеем». Он от нее млеет...

– Послушай, – перебила Трой, – будь другом, не говори, что я – это я. Мы приехали сюда отдохнуть, и мне бы не хотелось...

– Ну ладно, если ты просишь... Конечно, я понимаю. К тому же, если хорошенько поразмыслить, здешняя компания тебе вряд ли придется по вкусу. Ты ведь у нас чуть ли не патологически нормальна... Прости, но я, пожалуй, нырну обратно в свою нору, солнца мне сегодня не вынести. Черт, кто-то идет!

И он шарханулся прочь от двери. Из холла вышел Аллейн с Рики на руках, за ним появился Херрингтон. Гленд воскликнул: «Ох, прошу прощения!» и рванул вниз по лестнице.

– А-а, это наш домашний гений, – усмехнулся ему вслед Херрингтон. – Если можно, я провожу вас до машины.

Пока они двигались гуськом вниз по ступенькам, минуя продавщицу статуэток, у Трой возникло ощущение, что Робин хочет им что-то сказать, но не знает, с чего начать. Они уже дошли до открытой площадки, где их ждал Рауль с машиной, когда Робин наконец выпалил:

– Я очень надеюсь, что вы поедете со мной посмотреть яхту. Я хочу сказать, вы оба. То есть... – Он осекся.

– Вы очень любезны, – отозвался Аллейн. – Я и не знал, что у вас есть яхта.

– Неплохое развлечение. – Херрингтон продолжал стоять с нерешительным видом. Аллейн переложил Рики поудобнее и взглянул на Трой. Та протянула Робину руку.

– Не провожайте нас дальше, – сказала она. – До свидания и спасибо.

– До свидания. Если позволите, мы с Джинни могли бы заехать за вами в гостиницу. Вы ведь остановились в гостинице «Королевская», да? Я подумал, наверное, вам захочется поехать на прогулку. То есть... ведь у вас тут совсем нет знакомых...

– Это было бы чудесно, – неопределенно ответила Трой, опасаясь нечаянно подвести Аллейна.

– На самом деле, – сказал Аллейн, – кое-какие знакомые в Роквиле у нас есть, правда, нам еще предстоит их отыскать. Вы, случайно, не знаете здесь кого-нибудь с чудным именем Гарбель?

У Робина отвисла челюсть. Вытаращив глаза, он изумленно уставился на Аллейна.

– Я... нет. Нет, мы почти не общаемся с местными жителями... Нет... Что же это я держу вас на солнцепеке. До свидания.

И с поспешностью, вызванной непонятными причинами, впрочем, как и его прежняя нерешительность, он поковылял прочь по проходу.

– Час от часу не легче. Ты можешь мне объяснить, – спросила Трой мужа, – отчего этого бедолагу вдруг перекосило?

– Не имею ни малейшего представления, – ответил Аллейн. – Но подозреваю, что, когда у нас наконец найдется время пораскинуть мозгами, нам очень захочется навестить мистера Гарбеля.

Глава 4. Неуловимый мистер Гарбель

1

Родители не успели уложить Рики в машину – он проснулся и был изумлен тем, что его куда-то несут. Его мучил зной, хотелось есть, пить и в туалет... Требовались срочные меры.

Пока Трой и Аллейн, стоя на площадке, беспомощно оглядывались, к ним приблизился Рауль, по лицу которого было видно, что он отлично понимает ситуацию. Он присел на корточки перед раскрасневшимся бунтующим Рики и обратился к нему на очень простом французском. Рики, похоже, понял его и отвечал с охотой. Мари, продавщица статуэток, пояснил Рауль, не будет возражать, если он и Рики зайдут к ней в гости на несколько минут. Вдвоем они направились обратно к замку, Рики с восхищением взирал на нового взрослого друга.

– Кажется, французская няня и еженедельные прогулки с мадемуазель учительницей вокруг круглого пруда не прошли даром, – заметил Аллейн. – Наш ребенок говорит по-французски, как Вольтер...

– Ну, если только как Вольтер в младенчестве, – подхватила Трой. – Мадемуазель говорит, что для своего возраста он удивительно быстро схватывает. Она считает его необыкновенным ребенком. – И сердито добавила: – Ну ладно, я же никому об этом не рассказываю, правда?

– Дорогая, ты не только никому не рассказываешь, но и мне ничего подобного почти никогда не говоришь... Ну да ладно, на время оставим в покое нашего чудо-ребенка и вернемся к обитателям замка Серебряной Козы. Расскажи мне с максимальной скоростью, на какую способна, что произошло, прежде чем я вырос из-под земли на крыше посреди фикусов и чайных чашек?

Они уселись на подножку машины, и Трой постаралась быть предельно точной и краткой.

– Потрясающе, – сказал Аллейн, когда она закончила. – Я влюбился в тебя с первого взгляда только потому, что ты умеешь так великолепно излагать. Как ты думаешь, что там творится в замке?

– Что-то очень поганое, – порывисто отозвалась Трой. – Я уверена. Оберон старательно потчует своих гостей несусветным рагу из мистицизма, религии и, сильно подозреваю, какой-нибудь порнухи. Гризел Локк попыталась вкратце изложить его теорию. В жизни не слышала подобного вздора: йога, Ницше, черная магия; не удивлюсь, если и тантра тоже. И бог знает, какой еще отсебятины они добавили в эту гремучую смесь. На первый взгляд глупость, да и только, но мне почему-то жутко. Гризел Локк, по-моему, чокнутая, но парень и девушка в иной компании показались бы мне вполне симпатичными ребятами. Робин явно неровно дышит к девушке, которую Оберон, по всей видимости, поймал в свои сети. Просто фантастика, поверить не могу.

– Ты слышала о судебных процессах по делу о религиозных общинах, преследующих отнюдь не благие цели?

– Не припомню.

– Сейчас не время вдаваться в подробности, но то, что ты рассказала об Обероне, вполне в духе «гуру» этих общин, которые, подрывая восприятие реальности, своих последователей, использовали их в своих преступных намерениях. И уверяю тебя, религиозно-порнографический бизнес процветает в наше время вовсю. Между прочим, настоящее имя Оберона – Альберт Джордж Кларксон. Он миллионер и, несомненно, один из наркобаронов. Культ Детей Солнца – всего лишь удобное прикрытие и, возможно, способ удовлетворить наиболее гнусные личные пристрастия. Таковы сведения, которыми располагает французская полиция, но

они хотели бы знать точно, что вытворяют эти солнечные малютки. Сюрте интересует исключительно наркотическая часть шоу, Скотленд-Ярд смотрит на дело шире.

– А ты-то тут при чем?

– А я нечто вроде крутого тайного агента, безмозглого и непобедимого. Скажи-ка лучше, кто этот рыжий малый с перемазанными краской руками и явно страдающий глубоким похмельем, тот, что тебя выпустил?

– Он может стать проблемой, Рори. Это Карбэри Гленд. Он пишет постсюрреалистические картины: шабаши ведьм, мистические радения и все такое, ты должен их помнить. Довольно любопытная цветопередача и хорошая композиция, но есть в его картинах что-то неприятное. Дело в том, что мы с ним знакомы, и, хотя я просила его не рассказывать обо мне, скорее всего, он проболтается.

– Он знает про меня?

– Не помню. Возможно.

– Черт!

– Мне не надо было сюда приезжать... Если Гленд знает, кто ты такой, он не удержится и расскажет им, и тогда твоя работа полетит к черту.

– В Сюрте не упоминали о Гленде. Наверное, он приехал позже. Ладно, поставим на то, что ему неизвестно о твоём мезальянсе с полицейским. А теперь послушай меня, дорогая. Я не знаю, как долго здесь пробуду, может быть, час, а может быть, сутки. Поезжай с Рики в «Королевскую» и выкинь из головы всю эту дурь. Если увидишь в округе какого-нибудь козла, знай, что, скорее всего, это твой преданный муж пасется в поисках пропитания на благо семьи и общества. Пока божественное Солнце стоит высоко в небе, попробую разжиться кое-чем необходимым и вернусь к тебе, как только смогу. И еще одно. Не позвонишь ли ты, когда придешь в себя, бедняжка моя, мистеру Гарбелью? Разумеется, его может не оказаться дома, но если тебе повезет...

– Господи, конечно, мистер Гарбель! Ну почему, скажи на милость, Робин Херрингтон бежал от нас как от прокаженных при одном только упоминании имени моего несчастного родственничка? Неужто кузен Гарбель наркобарон? Или, может быть, наркоман? Тогда странность его литературного слога легко объясняется.

– Ты, случайно, не захватила его письма?

– Только последнее. Из-за адреса...

– Не выпускай его из рук, умоляю. Если он ответит на звонок, пригласи его завтра пообедать, я подъеду. А если он паче чаяния объявится раньше, выясни, не знаком ли он с друзьями Оберона и не хочет ли о них рассказать. А вот и Рауль с Рики. Забудь об этом проклятом деле, любовь моя, и наслаждайся жизнью, если можешь.

– Как там мисс Трубоди?

– Баради сильно обеспокоен. Я уверен, что он сделал все возможное. Он дока в своем деле, хотя как человек – отвратительнее не бывает.

– Может быть, нужна моя помощь?

– Нет! Еще одно слово о помощи, и я подумаю, что ты имеешь пристрастие к слащавым восточным мужчинам, целующим тебе руки своими слюнявыми толстыми губами. Привет, Рик, ты готов еще разок прокатиться?

Рики шагнул, заложив руки за спину и стараясь идти в ногу со своим спутником.

– Нас Рауль повезет? – спросил он.

– Да. Тебя и маму.

– Хорошо. Пап, смотри! И ты, мам, тоже!

Рики вытащил руку из-за спины, на ладони лежала глиняная козочка, выкрашенная темной серебряной краской. Одна нога ее была поднята и упиралась копытом на постамент, очертаниями напоминавший замок Серебряной Козы.

– Его сделала одна старушка, а Рауль подарил мне, – сказал Рики. – Это серебряная козочка, и она светится в темноте. Правда, Рауль? *N'est pas, Raoul?*

– *Oui. oui. Une chevre d'argent qui s'illumine*⁵.

– Пап, правда Рауль добрый?

Аллейн, немного смущенный, поблагодарил Рауля, а Трой, запинаясь, попыталась сказать, что подарок – это лишнее.

– Пустяки, мадам, – сказал Рауль. – Если юному шевалье нравится и мадам не обиделась, то все в порядке. Каковы будут приказания, мсье?

– Отвезите мадам и Рики в отель, хорошо? Затем пойдите в префектуру к комиссару и передайте ему это письмо. Скажите, что я увижусь с ним при первой же возможности. Расскажите ему также об операции и, разумеется, ответьте на все его вопросы. Потом возвращайтесь сюда. В особой спешке нет необходимости, поэтому у вас будет время позавтракать. В замок не заходите, ждите меня здесь. Если я не появлюсь до половины четвертого, осведомитесь обо мне в замке. Вы все запомнили?

Под пристальным взглядом Аллейна Рауль повторил инструкции.

– Если вам ответят, что меня там нет, найдите ближайший телефон, позвоните в префектуру и расскажите комиссару о том, что случилось. Понятно?

– Понятнее не бывает, мсье.

– Отлично. Кстати, Рауль, не знаете ли вы кого-нибудь в Роквиле по имени Гарбель?

– Гарр-бель? Нет, мсье. Вы, наверное, спрашиваете о ком-нибудь из англичан?

– Да. Нам дали адрес: улица Фиалок, 16.

Рауль повторил адрес.

– Это доходный дом. Там действительно живут несколько англичан, в основном дамы, уже немолодые и со скромными доходами, такси они позволить себе не могут.

– Ясно, – сказал Аллейн. – Спасибо.

Сняв шляпу, он поцеловал жену.

– Желаю тебе хорошо отдохнуть, дорогая. И передай от меня привет мистеру Гарбелю.

– Что ты сказал Раулю?

– Лучше и не спрашивай. До свидания, Рик. Позаботься о маме, она, в сущности, очаровательное создание и всем желает только добра.

Рики усмехнулся. Когда высказывания отца были чересчур сложны для него, он угадывал смысл по интонации и оттенкам голоса.

– *Entendu!*⁶ – сказал он, подражая Раулю, и забрался на сиденье рядом с шофером. – Вы не возражаете, если я сяду здесь? – осведомился он непринужденным тоном.

– Ты только глянь на этого маленького негодника, – пробормотал Аллейн. – На ходу подметки рвет, важен не по годам. Неужели, когда ему исполнится восемь, все это исчезнет и он превратится в заурядного тупицу?

– Его важность во многом показная. Просто ему есть кому подражать. Подвинься-ка, Рики, я тоже поеду спереди.

Аллейн проводил взглядом автомобиль, спускавшийся с покато́й тропинки на главную дорогу, а затем направился обратно в замок Серебряной Козы.

2

По дороге в Роквиль Рауль беседовал с Рики и Трой, четко выговаривая слова, чтобы его хорошо понимали. Он жестикулировал, отпуская руль и стараясь обратить их внимание

⁵ Да, да. Серебряная козочка светится (*фр.*).

⁶ Понятно! (*фр.*)

на достопримечательности: монастырь в горах, где под аркадами висело немало трогательных картин, созданных местными жителями – их родственники были спасены от смертельных нападений благодаря вмешательству Богородицы Пэйиду; деревни, похожие на горстку брошенных на скалы домишек и прилепившихся к ним; крошечные городки на горизонте. На пустынном участке дороги Трой предложила Раулю сигарету, и, пока он прикуривал, сильно сбавив скорость, Рики было позволено порулить. Его восхищение новым взрослым другом росло с каждой милей, а Трой с удивительной быстротой совершенствовалась во французском. Они ехали весело, получая явное удовольствие от общения друг с другом. Время пролетело незаметно, и, когда внизу показалось скопление желтых и розовых домов, они с трудом поверили, что перед ними Роквиль.

С дороги, круто уходящей вниз, Рауль свернул на узкую боковую улочку, где располагался рынок. Связки сухих бессмертников зазывно покачивались на крышах прилавков, а запах тубероз смешивался с дивным ароматом овощей и фруктов. По словам Рауля, сейчас на рынке можно было встретить весь город, и он то и дело громко, не стесняясь, приветствовал многочисленных знакомых. Агата чувствовала, что настроение у нее улучшается. Рики же затих, что у него являлось признаком необычайного удовольствия. Он глубоко вздохнул, положив одну руку на колено Рауля, а другую, с зажатой в ней козочкой, на колено Трой.

Машина ехала по тенистой улице, стены домов здесь были леденцово-розовыми, лимонными или голубыми. Между балконами на веревках сушилось белье.

– Улица Фиалок, – сказал Рауль, кивнув в сторону дорожного указателя, и вскоре затормозил. – Номер шестнадцать.

Трой сообразила, что он предоставляет ей возможность навестить мистера Гарбеля, либо, если она не склонна к срочному визиту, запомнить, где он проживает. Она заглянула в открытую дверь, внутри было темно и совсем ничего не видно. Кучка ребятишек окружила автомобиль. Они переговаривались на непонятном местном диалекте и с вызывающим видом пялились на Рики, который, казалось, окаменел.

Рауль был явно готов вызваться проводить Трой, но перспектива остаться в машине одному наверняка привела бы Рики в ужас, и Трой высказала намерение отправиться к Гарбелю одной. «Оставлю ему записку», – подумала она и обратилась к сыну:

– Я на минутку. Ты побудешь с Раулем, милый.

– Ладно, – согласился Рики, сохраняя безразличный вид, предназначенный для незнакомых, пугающих его детей. Он напоминал ошестившегося пса, который виляет хвостом, услышав голос хозяина, но воинственной позы не меняет. «Кыш! Кыш отсюда!» – прикрикнул Рауль на детей, пытаясь отогнать их от машины. Они немного попятились назад, нахально его передразнивая. Рауль вышел и, открывая дверь для Трой, снял фуражку, словно сопровождал особу королевской крови. Подобный знак уважения произвел впечатление на большинство мальчишек, но двое самых дерзких разразились жалобным речитативом попрошаек. Рауль их утихомирил.

Входная дверь в дом номер шестнадцать была приоткрыта. Трой распахнула ее и прошла по замызанному кафельному полу к лифту, рядом с которым в ряд висели почтовые ящики. Над каждым из них висела табличка с именем, написанным от руки или отпечатанным на машинке. Трой принялась искать глазами нужное имя, как вдруг за ее спиной раздался голос: «Мадам?»

Вздрогнув от неожиданности, она обернулась. Дверь каморки, расположенной напротив лифта, приоткрылась, придерживаемая грязной рукой, унизанной кольцами. Кроме руки, Трой разглядела тяжелые складки черного атласного платья, ряды разноцветных бус, три четверти полного лица и взбитые в пышной прическе волосы.

В тот же миг у нее возникло ощущение, словно ее поймали за не совсем пристойным занятием. Все, что Трой знала по-французски, немедленно вылетело у нее из головы.

– Pardon, – заикаясь, проговорила она. – Je desire... je cherche... Monsieur Garbel... le nom Garbel⁷.

Женщина произнесла нечто оставшееся для Трой загадкой. Тогда она сказала: «Je ne parle pas Francais» и добавила, подумав: «Malheureusement»⁸. Женщина издала звук, в котором явственно слышался ропот на судьбу, и вперевалку выползла из каморки. Она была необычайно толста и при ходьбе опиралась на палку. Ее глаза напоминали черные смородины, утопнувшие в сыром тесте. Она ткнула палкой в один из верхних ящиков, и Трой вдруг узрела до боли знакомый почерк, выцветшие чернила и надпись «П. Е. Гарбель».

– Ah, merci⁹, – воскликнула она, но толстуха презрительно покачала головой и повторила фразу, которую она уже говорила прежде. На этот раз Трой кое-что сумела разобрать: «Pas chez elle... il y a vingt-quatre heures»¹⁰.

– Нет дома? – громко переспросила Трой по-английски. Женщина пожала массивными плечами и направилась обратно в каморку.

– Могу я оставить записку? – прокричала Трой в широкую спину и, напрягая память, выговорила: – Puis-je vous donner un billet pour Monsieur?¹¹

Женщина посмотрела на нее как на сумасшедшую. Трой порылась в сумочке, вытащив записную книжку и огрызок карандаша, при этом наброски портрета Рики, сделанные в поезде, упали на пол. Толстуха не без интереса взглянула на них. Трой быстро нацарапала: «Заходила в 11.15. К сожалению, не застала вас. Ждем завтра к обеду в гостинице «Королевская». Она подписалась, сложила листок и вывела сверху: «мсье П. Е. Гарбель». Передав записку толстухе (по-видимому, консьержке?), Трой наклонилась, чтобы собрать рисунки, и едва не уткнулась носом в пыльный подол, нижние юбки сомнительной чистоты и разбитые туфли. Выпрямившись, она увидела, как консьержка водит толстым пальцем с траурной каймой под ногтем по имени адресата. «Должно быть, не может разобрать мой почерк», – мелькнуло в голове у Трой, и она принялась тыкать пальцем попеременно то в табличку над ящиком, то в записку, натужно улыбаясь и кивая головой.

– Гарбель, – повторяла Трой, – Гарбель.

Она вспомнила о чаевых и вложила в пухлую руку двухсотфранковую бумажку. Эффект был мгновенным. Женщина расплылась в улыбке, обнажив черные гнилые зубы.

– Мадемуазель, – сказала она, игриво помахивая запиской.

– Мадам, – поправила ее Трой.

– No, no, no, no, Mademoiselle¹², – настаивала толстуха с притворной любезностью.

Трой решила, что ей пытаются сделать комплимент. Она изобразила укоризненный взгляд, а затем, вяло махнув рукой, ринулась к выходу.

Рики и Рауль, сидя в машине, были заняты оживленной беседой. Трое самых отчаянных мальчишек расположились на подножке автомобиля, остальные играли в чехарду, явно желая привлечь к себе внимание.

– Милый, – сказала Трой, когда они тронулись с места, – ты говоришь по-французски гораздо лучше меня.

Рики скосил на нее хитрый взгляд, глаза у него были ярко-голубыми с черными, как и волосы, ресницами.

– Naturellement!¹³ – произнес он.

⁷ Извините. Я хочу... я ищу... мсье Гарбеля... по имени Гарбель (фр.).

⁸ Я не говорю по-французски... К сожалению (фр.).

⁹ Спасибо (фр.).

¹⁰ Нету дома... уже сутки (фр.).

¹¹ Могу я оставить вам записку для мсье? (фр.)

¹² Нет, нет, нет, нет, мадемуазель (фр.).

¹³ Естественно! (фр.)

– Не строй из себя бог знает что, Рики, – рассердилась мать. – Ты чересчур высокомерен. Наверное, я тебя плохо воспитываю.

– Почему?

– Опять?! – грозным тоном отозвалась Трой.

– Ты видела мистера Гарбеля, мамочка?

– Нет, я оставила ему записку.

– Он придет к нам?

– Надеюсь, – ответила Трой и добавила, немного подумав: – Если он существует.

– Если он пишет тебе письма, значит, он существует, – резонно заметил Рики. –

Naturellement!

Рауль привез их на маленькую площадь и затормозил напротив гостиницы.

В этот момент консьержка из дома номер шестнадцать по улице Фиалок, просидев минут десять в мрачной задумчивости, взяла телефонную трубку и набрала номер замка Серебряной Козы.

3

Аллейн и доктор Баради стояли по обеим сторонам кровати мисс Трубоди. Горничная, пожилая сухонькая женщина, почтительно отошла к окну. Она перебирала четки, бусинки тихонько постукивали под ее пальцами.

Щеки больной, по-прежнему лишенные поддержки вставных челюстей, глубоко запади, кожа на носу и на лбу натянулась, отчего лицо больной казалось маленьким, как у обезьянки. Рот представлял собой ямку с неровными складчатыми краями. Мисс Трубоди храпела. При каждом выдохе края ямки приподнимались, а при каждом вдохе засасывались внутрь, так что какие-то признаки жизни, пусть и не слишком привлекательные с виду, присутствовали. Почти безволосые надбровные дуги сошлись на переносице, словно мисс Трубоди хмурилась неизвестно чему.

– Она будет находиться в таком состоянии несколько часов, – сообщил Баради. Он вынул из-под простыни руку пациентки. – Я не жду перемен. Она очень больна, но пока я не жду перемен.

– Звучит как вилланелла, старинная итальянская песенка, – рассеянно обронил Аллейн.

– Вы поэт?

Аллейн махнул рукой.

– Скажем так: никому не известный любитель.

– Уверен, вы недооцениваете себя, – сказал Баради, продолжая удерживать вялую руку мисс Трубоди. – Публикуетесь?

Аллейн едва не поддался искушению ляпнуть: «Одна-единственная тоненькая книжечка», но сдержался и ограничился скромным неопределенным жестом, который Баради снабдил привычным комментарием: «Мистер Оберон будет в восторге» – и добавил:

– Он уже чрезвычайно заинтересовался вами и вашей очаровательной женой.

– Должен признаться, – сказал Аллейн, – мистер Оберон произвел на меня громадное впечатление.

С видом человека, чье любопытство изрядно распалено, он взглянул на мясистое непроницаемое лицо доктора и не обнаружил на нем ни единой черточки, ни единого мимического движения, которые свидетельствовали бы о тупости или доверчивости. Кто он такой, этот Баради? Наполовину египтянин, наполовину француз? Или чистый египтянин? «Кто здесь заправляет? – размышлял Аллейн. – Баради или Оберон?» Баради, вынув часы и открыв крышку, бесстрастно взирал на Аллейна. Прошла минута, сопровождаемая постукиванием четок горничной.

– Ну да, – пробормотал Баради, пряча часы в карман, – иного я и не ожидал. Пока ничего нельзя предпринять. Служанка сообщит, если что-нибудь изменится. Она сообразительная и поднабралась в деревне кое-какого опыта в уходе за больными. Ее сменил мой слуга. Возможно, нам не удастся найти профессиональную сиделку до завтра, но мы справимся.

Он подозвал горничную, и та с бесстрастным видом выслушала его указания. Они оставили ее с больной, похожую на монахиню – чуткую и настороженную.

– Одиннадцать часов. Время для медитации, – объявил Баради, когда они вышли в коридор. – Нельзя никого беспокоить. В моей комнате найдется что-нибудь выпить. Я вас приглашаю. Ведь ваша машина еще не вернулась.

Он привел Аллейна в китайскую комнату. Слуга-египтянин накрывал на стол: венецианские бокалы, блюда с оливками и бутербродами, а также нечто в вазочке, напоминавшее рахат-лукум. Из серебряного ведерка со льдом торчала бутылка шампанского. Аллейн привык к срочным вызовам и бессонным ночам, но последние сутки выдались чересчур насыщенными, к тому же солнце пекло немилосердно, а запах эфира вызывал легкую тошноту. Он бы с удовольствием выпил сейчас пива, впрочем, подошло бы и шампанское. Однако скрепя сердце он уступил требованиям профессиональной этики и, надеясь, что не переигрывает, произнес самодовольным тоном:

– Вы не возражаете, если я выпью воды? Понимаете ли, в последнее время я сильно заинтересовался образом жизни, исключая алкоголь.

– Замечательно. Мистеру Оберону это будет весьма интересно, – сказал Баради, знаком приказывая слуге открыть шампанское. – Мистер Оберон, возможно, самый крупный авторитет современности по таким вопросам. Его теория основывается на многочисленных древних культах, из которых он извлек главную суть и произвел удивительный синтез. Но в то время как он сам достиг полной гармонии между строгой простотой и, скажем так, отборными наслаждениями, он отнюдь не проповедует воздержание ради воздержания. Он побуждает своих учеников испытать различные удовольствия, но не абы как, а следуя самому изысканному вкусу: выбрать самые утонченные и даже попытаться «организовать» их, как художник komponует свои картины, как композитор аранжирует фугу. Только таким способом, учит Оберон, можно достичь Высшей Цели. Поверьте, мистер Аллейн, он бы улыбнулся вашему отказу от этого прекрасного напитка, сочтя его столь же непростительной ошибкой, прошу прощения за прямоту, как и неумеренность в возлияниях. Кроме того, вам сегодня пришлось немало понервничать, и вам немного дурно от эфирных испарений. Позвольте мне как доктору, – закончил он шутливым тоном, – настоять на том, чтобы вы все же выпили шампанского.

Аллейн взял в руку рубиновый бокал, с восхищением разглядывая его.

– Все это страшно интересно, – сказал он. – Я имею в виду учение мистера Оберона. По сравнению с ним мои собственные робкие идеи кажутся ужасно наивными. – Он улыбнулся. – Я с наслаждением выпью шампанского из столь изумительного кубка.

Он протянул бокал, наблюдая, как шампанское вспенивается в нем. Баради смотрел на него поверх своего бокала. Трудно себе представить, подумалось Аллейну, более чувственную внешность: блестящие густые волнистые волосы, сверкающие глаза, мясистый нос, вздымающийся над пухлыми янтарными щеками и подбородком, и рубиновым пятном – крупный жадный рот.

– За полноту жизни, – предложил тост Баради.

– Согласен, – подхватил Аллейн, и они выпили.

Аллейн умел пить не хуже, чем его собеседник, но он лишь слегка перекусил рано утром и потому принялся усердно угощаться бутербродами, оказавшимися очень вкусными. Баради, всегда готовый, как Аллейн успел заметить, испытать полноту жизни, заглывал сладости, набивая ими рот и вульгарно запивая шампанским.

Дело шло к раздиранию на груди рубашек и хмельным откровениям, которые Аллейн старался осторожно спровоцировать. До сих пор он был более-менее уверен, что доктору Баради ничего о нем не известно и что он очень хочет выяснить поточнее, кого же он впустил в дом. Ситуация представлялась весьма деликатной. Если бы Аллейн смог утвердиться в качестве восторженного искателя синтетических тайн мистера Оберона, у него бы появилась хорошая зацепка для дальнейшего расследования. На худой конец, он смог бы составить подробный отчет об образе жизни обитателей замка Серебряной Козы. Офицеры, оказывающие услуги Специальному отделу, обладают правом на анонимность, поэтому в кругах наркодельцов его имя вряд ли когда-либо всплывало в связи с контрразведкой. Однако его могут вычислить как детектива уголовного розыска Скотленд-Ярда. Карбэри Гленд, возможно, уважит просьбу Трой, в противном случае, вполне вероятно, что он или кто-нибудь другой вспомнит, что Трой замужем за полицейским. Аллейн отлично помнил шквал сплетен в газетах во время их женитьбы и позже, когда Трой устраивала персональные выставки, а также во время расследования им какого-нибудь нашумевшего дела. Получалось, что у него и впрямь для того, чтобы разжиться необходимыми сведениями, времени всего ничего.

«Если мы с мисс Трубоди выберемся отсюда живыми, – подумал Аллейн, – провалиться мне на этом месте, если мы не разопьем бутылку шипучки за мой счет».

Необыкновенно приободрившись от этой мысли, он завел беседу о поэзии и эзотерических сочинениях, с упоминанием Рабиндраната Тагора и индийских «Мантр», «Ананги Ранги» и заповедной Каббалы. Доктор слушал с благосклонным вниманием, но у Аллейна оставалось ощущение, что, «прощупывая» Баради, он упирается в исключительно «упругий матрас» – уязвимое место никак не обнаруживалось, хуже того, собеседник начинал проявлять признаки сдержанного нетерпения. Очевидно, шампанское было предложено на посошок, и теперь он ждал, когда Аллейн уйдет. Однако должна была найтись брешь в этой броне, и Аллейн, с зубным скрежетом вспомнив об ухаживаниях Баради за Агатой, пустился в пылкие разглагольствования о средневековых мистериях и культе Озириса. Нечто отдаленно напоминающее живой отклик наконец мелькнуло на лице доктора, внимавшего откровениям Аллейна. Складки кожи, идущие от ноздрей к уголкам его рта, обозначились резче, что сделало Баради похожим на изображение сластолюбивого Карла II в восточном и более упитанном варианте. Он подошел к бюро, отпер его и положил перед Аллейном книгу в серой шелковой обложке с рисунком, в котором были использованы фиолетовый, зеленый и кричаще-розовый цвета.

– Редкое и раннее издание, – сказал Баради. – Обложку исполнил Карбэри Гленд. Полюбуйтесь!

Аллейн раскрыл книгу. На титульном листе значилось: «Мемуары Донатъена Альфонса Франсуа, маркиза де Сада».

– Подарок от мистера Оберона, – заметил Баради.

Аллейн понял, что дальнейшие поиски ахиллесовой пяты доктора Баради излишни.

С того момента, как Аллейн поставил в этой комнате свой пустой бокал на стол, его визит в замок Серебряной Козы превратился в тайную битву между ним и доктором, исход которой должен был решить, уйдет Аллейн или останется. Сам он имел твердое намерение удерживать позиции, покуда мало-мальски позволяют приличия. Баради явно хотел отделаться от него, но по каким-то неведомым Аллейну причинам избегал обнаружить свое желание даже намеком. Аллейн чувствовал, что в целях безопасности ему ни в коем случае нельзя выпасть из образа пылкого неопита культа Детей Солнца. Только так ему удастся не вызвать у Баради подозрений в иных, более реальных интересах. И он продолжал нести околесицу, вытягивая из памяти все, что когда-либо слышал об эзотерике.

Баради вспомнил, что ждет звонка – Аллейн заговорил о телепатии. Баради заметил, что Трой наверняка не терпит слышать о состоянии мисс Трубоди – Аллейн осведомился, не облегчат ли они состояние больной, если изгонят тревогу из своих сердец. Баради упомянул

об обеде – Аллейн пустился в рассуждения о позе лотоса. Баради заявил, что не может позволить себе далее злоупотреблять временем гостя – Аллейн изрек, что время в общепринятом значении не существует. Во время последней их стычки предложение доктора выяснить, не пришла ли за Аллейном машина, было отбито при помощи розенкрейцеров и пылающей звезды гностиков.

Все закончилось тем, что Баради пожелал еще разок взглянуть на мисс Трубоди и доложить о ее состоянии мистеру Оберону. Он добавил, что некоторое время его не будет, и он просит Аллейна не чувствовать себя обязанным дожидаться его возвращения. В этот момент появился слуга-египтянин и позвал хозяина к телефону. Баради не преминул заметить, что машина Аллейна, несомненно, придет прежде, чем он вернется. Выразив сожаление о том, что уроки медитации мистера Оберона еще не закончились и прерывать их нельзя, доктор предложил Аллейну подождать машину в холле или библиотеке. Аллейн сказал, что предпочел бы не двигаться с места, дабы повнимательнее изучить де Сада. Толстые щеки доктора посерели. С налетом раздражения Баради согласился и вышел в сопровождении слуги.

Они повернули направо и пошли по коридору, ведущему в холл. Аллейн услышал, как звякнули колечки, на которых висела занавеска из лайковой кожи, отделявшая холл от коридора. Он уже сидел на корточках перед антикварным бюро.

В своем отделе Аллейн славился тем, что мог обыскать помещение с необыкновенной быстротой и столь же поразительной аккуратностью. Вряд ли он когда-либо действовал проворнее, чем сейчас. Баради оставил нижний ящик бюро открытым.

В ящике лежало с полдюжины книг, возможно, менее известных, чем сочинения де Сада, но зато еще более скандальных, и все они значились в списке запрещенной литературы Скотленд-Ярда. Аллейн перебрал их все по одной и сложил на место.

Следующий ящик был заперт на замок, который легко поддавался отмычке, позаимствованной Аллейном в свое время у домушника-виртуоза. На этот раз добычей стали три папки с деловыми бумагами и две записные книжки. Записи в первой папке были сделаны странной вязью, которую Аллейн принял за арабское письмо, однако там попадались и собственные имена, написанные латинскими буквами. Цифры, обозначающие огромные суммы денег и представленные в различных валютах – долларах, франках, фунтах и лирах, были педантично распределены по разным графам. Аллейн быстро листал страницы, фиксируя глазами их содержание и напряженно прислушиваясь к тишине в коридоре.

Между первой и второй папкой он обнаружил альбом форматом в четверть листа в фиолетовой кожаной обложке с замысловатым тиснением. От рисунка рябило в глазах, но Аллейн все-таки узнал пентаграмму, подсвечник, крылатых змей, быков и перевернутый крест. Всю эту мешанину венчал обоюдоострый меч с вздымавшимся над ним пламенем, очертаниями напоминавшим воздетую руку. Альбом был перехвачен застежкой и заперт на замочек, отпереть который не составило труда.

Под обложкой находился один-единственный листок пергамента, украшенный затейливым орнаментом и магическими символами. Аллейн принялся читать:

«Здесь, во имя Ра и Сынов Ра, и Дочерей Ра, которые также в таинстве Солнца являются Священными Супругами Ра, я, в канун посвящения в Тайное Общество Ра, клянусь перед ликами Гора и Озириса, Анубиса и Аписа, Добра и Зла, кои суть Господь единый, в котором заключено и Добро и Зло, клянусь, что наложу печать на уста мои, и на глаза, и на уши мои и навеки сохраню тайну мистерий и Священных Ритуалов Ра.

Клянусь, что все, что происходит в этом месте, никогда не будет существовать для мира. Если я нарушу клятву хотя бы в малейшей степени, то пусть уста мои будут сожжены огнем, что пылает сейчас передо мной. Пусть глаза мои выколет нож, что висит сейчас перед ними. Пусть уши

мои зальет расплавленный свинец. Пусть я сгнию заживо и тело мое пожрет раковая болезнь. Пусть я возжелаю смерти сильнее жизни и обреку себя на вечные мучения. Если я нарушу молчание, да падут на меня все эти беды. Клянусь огнем Ра и мечом Ра. Да будет так».

Аллейн кратко и энергично выругался, запер альбом и принялся за вторую папку. На ней стояла надпись «Химическая компания Приморских Альп», и содержала она имена, даты и цифры, видимо, обозначавшие доходы и расходы. Аллейн насторожился. Компания, похоже, получала астрономические прибыли. Чуткие тонкие пальцы Аллейна в ровном темпе перелистывали одну страницу за другой.

Вдруг они резко замерли. Внизу одной из страниц, исписанной неразборчивым почерком, красовалась скромная, но четко и не без изящества исполненная подпись – П. Е. Гарбель.

Зазвенели колечки в коридоре. Аллейн запер ящик, и вернувшийся Баради застал гостя увлеченно склонившимся над де Садам.

4

Баради привел с собой Карбэри Гленда. Аллейн без труда догадался зачем. Гленда представили. Он торопливо сунул Аллейну свою влажную дрожащую руку, тут же запрятавшись в дальний темный угол, откуда, пощипывая бородку, исподтишка поглядывал на гостя, разрываясь между любопытством и неприязнью к новому знакомому, который застал его в столь плачевном состоянии.

Баради непринужденно заявил, что Аллейну, который так высоко оценил рисунок на обложке сочинения де Сада, наверняка будет приятно познакомиться с известным художником. Аллейн отвечал с энтузиазмом, стараясь, однако, выглядеть не более чем любителем. Он выразил намерение поподробнее узнать о живописной технике. Фраза годилась на любой случай. С одной стороны, она вполне подходила мужу художницы, кем бы он ни был по профессии, а с другой – в ней не было и намека на попытку что-либо утаить, и если Гленд знает о том, что Аллейн – детектив, у него не найдется ни малейшего повода упрекнуть гостя в обмане. Аллейн сильно сомневался в том, что Гленд выполнил просьбу Трой. Он наверняка разболтал, что замок посетила Агата Трой, известная художница, автор «Мальчика с воздушным змеем», принадлежавшего мистеру Оберону. И что же случилось потом? Либо Гленд рассказал также, что муж художницы – офицер Скотленд-Ярда, и тогда им позарез необходимо выяснить, насколько случайно оказался в замке такой гость. Либо Гленд не смог сказать ничего определенного об Аллейне, в таком случае им оставалось лишь гадать, действительно ли их визитер такой придурок, каким пытается выглядеть. Существовал и третий вариант развития событий, но Аллейн не мог пока просчитать его до конца: вариант, связанный с личностью П. Е. Гарбея, в незапятнанности которой теперь появились сомнения.

Баради сказал, что машина Аллейна еще не пришла, и без тени прежнего нетерпения предложил осмотреть библиотеку.

Библиотека располагалась с противоположной стороны дворика. Войдя туда, Аллейн немедленно уткнулся взглядом в «Мальчика с воздушным змеем» работы Трой. Энергия и чистота, исходившие от картины, никак не вязались с затхлой атмосферой библиотеки мистера Оберона. Секунду Аллейн вглядывался в глаза мальчика, писанного с его сына.

В роскошном собрании книг, выстроившихся на полках вдоль стен, как и следовало ожидать, преобладали издания по мистицизму, оккультизму и ориентализму. Аллейн заметил несколько сочинений, которые в книжных каталогах помечались как редкие, антикварные и коллекционные. Но намного больше его заинтересовал рисунок в рамке, висевший в самом темном углу комнаты. Рисунок, выполненный, по-видимому, средневековым художником, изображал замок Серебряной Козы и являлся частично вертикальной проекцией, а

частично планом. Аллейн окинул его быстрым заинтересованным взглядом и отвернулся. Он заявил, что потрясен великолепием библиотеки, и принялся перебирать одну книгу за другой, издавая восхищенные возгласы. Баради с Глендом наблюдали и слушали.

– Вы, наверное, коллекционер, мистер Аллейн? – предположил Баради.

– О, это слишком громко сказано. Боюсь, моя работа не может позволить мне дорогостоящих увлечений.

Наступила короткая пауза.

– Неужели? – сказал Баради. – Увы, не всегда профессию выбирают удачно. Надеюсь, по крайней мере, ваша вам не докучает.

«Он закидывает удочку, – значит, не знает наверняка или не уверен», – подумал Аллейн и произнес, с рассеянным видом перелистывая великолепный экземпляр «Книги мертвых»:

– Думаю, всем время от времени надоедает делать одно и то же. Что вы скажете на это как ученый?

Пока Баради отвечал на вопрос, Гленд бросал на него сердитые взгляды и нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Аллейн сообразил, что Баради и Робин Херрингтон, видимо, уже рассказали Оберону о том, что гости расспрашивали о мистере Гарбеле. Не в этом ли причина перемены поведения Баради? Теперь Аллейн не смог бы ему надоесть, даже если бы захотел.

– Любопытно было бы узнать, какая у мистера Аллейна профессия, – произнес Карбэри Гленд хриплым голосом. – Меня это всегда страшно интересует, ведь чем люди только не занимаются.

– О да, – согласился Баради. – Вы когда-нибудь играли в игру «угадай профессию»? Давайте сыграем! – воскликнул он, изображая предельную искренность и простоту. – Мы будем высказывать предположения, а мистер Аллейн скажет, верны они или нет. Что уж скрывать, Карбэри, наш гость пробудил в нас прямо-таки нескромное любопытство. Вы не против, мой дорогой Аллейн? Ну, пожалуйста, сделайте одолжение. Итак, ваша догадка, Карбэри?

– Я ставлю на какую-нибудь заумную науку, – пробормотал Гленд. – К примеру, философия.

– Вы так думаете? Преподаватель, возможно? И все-таки что-то мне подсказывает, что мистер Аллейн рожден в год Марса. Может быть, он военный? Или нет, скорей... м-м... дипломат.

– Как вы проникательны, – отозвался Аллейн, глядя на Баради поверх «Книги мертвых».

– Значит, я прав?

– По крайней мере, отчасти. Я начинал на дипломатической службе, – Аллейн говорил чистую правду, – но мне скоро надоело перекладывать бумажки из одной папки в другую.

– Правда? Тогда у меня есть еще одна попытка... Нет! – воскликнул он, помолчав. – Сдаюсь. А вы, Карбэри?

– Я? Бог его знает! Возможно, он оставил дипломатическую службу, потому что испортил отношения с начальством, и решил заняться охотой на диких зверей.

– Я начинаю думать, что вы тут все психологи, – восторженно заметил Аллейн. – Как вы это делаете?

– Грозный охотник! – воскликнул Баради, мягко хлопая в ладоши.

– Вовсе не грозный, к сожалению, всего лишь настойчивый, несмотря на невезение и досадные промахи.

– Чудесно, – бросил Карбэри Гленд, прикрывая глаза рукой и подавляя зевок. – Уверен, вы живете в Саут-Кенсингтоне, в большой сумрачной квартире, где на стенах висят морды ужасных животных. Рога, хоботы, клыки. Сверкают стеклянные глаза, свешиваются пластиковые языки. Просто чудесно.

– Но мистер Аллейн еще и поэт и охотится не только за редкими животными, но и за редкими книгами. Возможно, – задумчивым тоном продолжал Баради, – вы заинтересовались эзотерикой во время дальних путешествий?

Аллейн, которому эзотерика уже осточертела, подавил приступ скуки и возобновил сумбурные излияния.

– В нецивилизованных странах, – произнес он с простодушно-доверчивым видом, – на твоих глазах нередко происходят странные вещи.

Он добавил, что наслушался много всякого, причем от самых надежных людей, но все еще мало знает о примитивных верованиях древних народов и хотел бы узнать побольше.

– Ваша жена ездит на сафари вместе с вами? – спросил Гленд. – Я бы никогда не подумал... – Он осекся. В глазах Баради мелькнул гнев.

– Вот уж кто меньше всего одобряет такие игры, – весело произнес Аллейн. – Моя жена – художник.

– Я освобожден от оков! – воскликнул Гленд и указал пальцем на «Мальчика с воздушным змеем». – Это ее работа!

– Не может быть!

Положительно, подумал Аллейн, Баради – выдающийся актер. Изумление и радость были сыграны идеально.

– Неужто?! – ликовал Баради. – Неужто Агата Трой? Но, мой дорогой мистер Аллейн, это же просто замечательно. Мистер Оберон будет в восторге.

– Мне не терпится ему рассказать. – Карбэри Гленд ослабил, сверкнув сквозь усы зубами. – Боюсь, Аллейн, зададут вам трепку. Я поклялся Трой хранить тайну. Я, конечно, слышал, – добавил он, – о том, что она вышла замуж, но Трой скрывала от нас своего грозного охотника, – он коснулся языком верхней губы, – что вполне объяснимо...

Аллейн подумал, что ничего бы не доставило ему сейчас большего удовольствия, чем схватить доктора Баради и мистера Карбэри Гленда за шиворот и хорошенько столкнуть лбами.

– Но мы ведь на отдыхе, – проговорил он виновато.

– Разумеется, – отозвался Баради, закрывая тему.

– Кажется, вы говорили, – небрежно заметил Баради, – что у вас есть знакомые в Роквиле, и спрашивали нас. Я забыл имя.

– Только один знакомый. Гарбель.

Улыбка на лице Баради выглядела так, словно ее там забыли по недосмотру. Рыжие волоски на бороде Гленда слегка подрагивали. Он стиснул зубы.

– Химик на пенсии или что-то в этом роде, – пояснил Аллейн.

– Ах да! Ведь тут находится эта жуткая фабрика, которая обезобразила наши чудные оливковые рощи. Жуткая, – добавил Баради, – с эстетической точки зрения.

– Совершенно отвратительная! – подхватил Гленд севшим голосом. Он облизал потрескавшиеся губы.

– Но, несомненно, замечательная с утилитарной точки зрения. Кажется, там в больших количествах производят искусственные удобрения.

– Да, она, несомненно, смердит, – сказал Гленд и натужно рассмеялся.

– В эстетическом смысле? – спросил Аллейн.

– Только в эстетическом, – ответил Баради.

– Я видел фабрику, когда мы ехали сюда. Может быть, нам стоит там осведомиться о нашем друге?

Наступила мертвая тишина.

– Ума не приложу, что случилось с моим шофером, – непринужденно заметил Аллейн. Баради вдруг разразился взволнованной речью.

– Однако как же мы невнимательны! Вы, конечно, мечтаете вернуться к жене. И кто осмелится вас упрекнуть? Воистину женщине непозволительно быть одновременно столь талантливой и прекрасной. Но что же случилось с вашей машиной? Спустило колесо или просто у вашего шофера сказалась средиземноморская любовь понежиться на солнышке? Позвольте предложить наши услуги. Робин будет рад отвезти вас. А если он сейчас медитирует, мистер Оберон с удовольствием предоставит вам машину. И как мы не подумали раньше!

Аллейн понял, что его твердо решили выпроводить и сопротивление бесполезно.

– Огромное спасибо, – сказал он. – Должен извиниться за назойливость, я позволил себе увлечься и злоупотребил вашим терпением. Однако уверен, что моя машина появится с минуты на минуту, к тому же мне непременно нужно отдать новые распоряжения шоферу. Если бы я мог обождать здесь, среди этих великолепных книг, я бы никому не помешал.

Это была смелая выходка, и Аллейн не знал, как к ней отнесутся хозяева. Им определенно не терпелось остаться наедине. После секундного колебания Баради произнес что-то о трудностях и хлопотах и добавил, что если мистер Аллейн извинит их, они хотели бы переговорить с мистером Обероном – необходимо срочно решить вопрос с сиделкой. Гленд, менее находчивый, пробормотал нечто невразумительное, и оба вышли.

Через две секунды после того, как за ними закрылась дверь, Аллейн уже стоял перед планом. Стандартный средневековый орнамент – герб, коза и большое количество завитушек. Рисунок делился на две основные части: вертикальная проекция, выглядевшая так, словно передняя стена здания была удалена, и очень сложный обстоятельный план. Потребовалось бы не менее часа, чтобы изучить его во всех подробностях. Сосредоточившись, да так умело, что сам мистер Оберон позавидовал бы ему, Аллейн сконцентрировал внимание на основных направлениях запутанной конструкции. Большие комнаты и почти все спальни располагались на уровне библиотеки. Выше замок превращался в замысловатую систему коридоров, соединяющих башни с бойницами. Этажом ниже начиналась главная лестница, она пронизывала все последующие уровни, на каждом из которых располагались лабиринты комнат, становившиеся все меньше по мере приближения к основанию замка, пока наконец где-то под железной дорогой не приобретали размеров тюремных камер. Видимо, таково и было их предназначение на протяжении нескольких сотен лет. Для постройки этого огромного несуразного лабиринта не пришлось преодолевать сопротивление камня, замок точно следовал контурам горы. «Архитектурный компромисс», – подумал Аллейн и вплотную занялся одной из комнат и ее положением относительно остальных.

Комната располагалась прямо под библиотекой, рядом находилось помещение без окон. Аллейн вспомнил силуэт замка, каким он его увидел ранним утром при лунном свете. В заинтересовавшей его комнате было продолговатое окно, которое скорее уходило в пол, нежели поднималось к потолку. Аллейн прекрасно помнил форму освещенного окна, привлечшего тогда его внимание.

Если мистер Оберон и его гости действительно сейчас были заняты чем-то вроде эзотерической физзарядки, как утверждал Баради, возможно, имело смысл рискнуть. Сочинив на всякий случай парочку вполне правдоподобных отговорок, Аллейн бросил последний взгляд на план, выскользнул из библиотеки и легким шагом начал быстро спускаться по винтовой лестнице, той, что наверху заканчивалась садом на крыше.

Он миновал лестничную площадку с запертой дверью и тремя узкими окнами. Лестница завернула вниз, к более просторной площадке, от которой направо вел коридор, устланный толстыми коврами. На противоположной от лестницы стороне находилась дверь. Через несколько шагов – еще одна. Именно ее и искал Аллейн.

Он постучал, ответа не последовало. Аллейн тихонько повернул ручку и, слегка приоткрыв дверь, заглянул в комнату. Его взору предстала стена, увешанная шелковыми гобеленами, посередине которой висело какое-то большое колесо. В дальнем конце комнаты находилась

ниша с установленным в ней экзотического вида диваном. Аллейн распахнул дверь и вошел в комнату.

Выяснилось, что до сих пор он видел лишь половину комнаты мистера Оберона – полному обзору мешало громадное зеркало, привинченное к полу под углом сорок пять градусов относительно стены напротив него. Аллейн пока не стал преодолевать эту преграду, – его внимание привлек дальний угол комнаты. Там находилось нечто вроде алтаря, покрытого богато расшитым покрывалом и украшенного серебряной пентаграммой, бронзовым подсвечником и большой хрустальной штуковиной, напоминавшей солнце в ореоле солнечных лучей. Позади алтаря была дверь, ведущая, как предположил Аллейн, в комнату без окон, которую он заметил на плане.

Он двинулся вперед, намереваясь обойти зеркало и осмотреть другую часть комнаты.

– Принеси молитвенное колесо, – вдруг раздалось из-за зеркала.

От неожиданности Аллейн едва не подпрыгнул на месте. Он посмотрел на дверь. Если никто не видел, как он вошел, значит, никто не заметит и того, как он выйдет. Он направился к двери.

– Я у Третьих Врат Вечности и не должен открывать глаз. Молчи. Принеси молитвенное колесо. Поставь передо мной.

Аллейн вернулся.

По другую сторону зеркала прямо на полу сидел абсолютно голый мистер Оберон с прижатыми к глазам ладонями. За ним находилось продолговатое окно, прикрытое шелковой, почти прозрачной занавеской с изображением солнца.

Аллейн снял со стены молитвенное колесо. Сплошь покрытое резьбой, с многочисленными цилиндрами, оно было настоящим произведением искусства. Он поставил колесо перед Обероном.

Когда Аллейн вновь оказался у двери, кто-то властно постучал. Он прижался к стене, дверь распахнулась и больно ударила его по плечу. Он услышал быстрые шаги, замершие в глубине комнаты, а затем голос Баради: «Где ты? Ах, ну да, где же еще ты можешь быть! Послушай, нам нужно поговорить».

Судя по всему, Баради находился за зеркалом. Аллейн выскользнул из-за двери и метнулся в коридор. Бесшумно взбегаая по лестнице, он услышал, как Баради запер дверь.

На верхней площадке никого не было. Аллейн шагом вернулся в библиотеку, его отсутствие длилось пять с половиной минут.

Он достал записную книжку и сделал беглый набросок комнаты мистера Оберона, с особой тщательностью отметив расположение молитвенного колеса на стене. Затем он принялся перебирать в памяти детали обстановки комнаты, стараясь ничего не упустить и все запомнить. Этим он и был занят, когда дверная ручка медленно повернулась.

Аллейн выдернул из ближайшего ряда книг экземпляр основополагающего труда Монтагу Саммерса о колдовстве. Он был явно увлечен чтением, когда в библиотеку вошла женщина.

Аллейн оторвался от книги, поднял глаза и понял, что его попытка сохранить инкогнито потерпела полный провал.

– Кого я вижу? Родерик Аллейн! Какими судьбами? – воскликнула Аннабелла Уэллс.

Глава 5. Исчезновение Рики

1

С Аннабеллой Уэллс Аллейн познакомился несколько лет назад на трансатлантическом лайнере. На корабле только о ней и говорили, но кинозвезде, похоже, было в высшей степени наплевать на людскую молву. В течение четырех часов она с нескрываемым интересом, чуть ли не в упор, разглядывала Аллейна, а затем прислала к нему секретаря с приглашением выпить. Сама она то и дело прикладывалась к рюмке и, возможно, как показалось Аллейну, не чуждалась наркотиков. В ее обществе Аллейн чувствовал себя не в своей тарелке и был рад, когда она вдруг перестала обращать на него внимание. С тех пор он изредка встречал ее на судебных процессах, сидящей в зале суда, словно в театре. Актриса, по-видимому, любила побыть в роли зрителя и говорила Аллейну, что страстно интересуется криминалистикой.

На английских подмостках впечатление от блестящей игры Аннабеллы Уэллс несколько подпортили слухи о ее буйных эксцентричных выходках, но в Париже, особенно на площадках киностудий, она по-прежнему считалась одной из самых великих. Она сохранила красоту, хотя и в несколько помятом виде, а также индивидуальность, которую нельзя было сбросить со счетов, даже если бы все ее прелести окончательно увяли. Перед Аллейном предстала яркая и все еще обворожительная женщина.

Аннабелла протянула ему руку и одарила фирменной «улыбкой мятущейся души».

– Мне сказали, что вы – охотник за крупной дичью, – произнесла она, – и тем разожгли мое любопытство.

– Рад, что они пришли к такому выводу.

– Вывод по-своему правильный, не так ли? Вы и сейчас идете по следу какого-нибудь мастодонта преступного мира?

– Я здесь в отпуске с женой и ребенком.

– Ах да! Красавица, рисующая знаменитые картины. Барди с Глендом сказали мне, что она красива. А почему вы сердитесь?

– Разве?

– У вас такой вид, словно разговоры о жене вас раздражают, но вы не хотите этого показать.

– Странно...

– Барди действительно немного несдержан... Что есть, то есть. Вы видели Оберона?

– Мельком.

– Что вы думаете о нем?

– Разве вы не у него гостите?

– Нет, вы просто невероятны! – воскликнула Аннабелла. – Гораздо более непостижимы, чем Оберон.

– Меня заинтересовала его философия.

– Мне так и сказали. И какого рода ваш интерес?

– Личный и научный.

– А мой интерес личный и ненаучный.

Аннабелла открыла пачку сигарет.

– Похоже, бесполезно предлагать вам «Кэпстен», – усмехнулся Аллейн.

– Попробуйте одну? – предложила Аннабелла. – Египетские. Замертво не рухнете.

– Спасибо. Не стоит на меня добро переводить. – Аллейн поднес ей зажигалку. – Интересно, удастся ли мне уговорить вас не упоминать о моей работе.

– Милый, – подхватила Аннабелла, которая так обращалась ко всем, – в свое время вы могли уговорить меня на что угодно. Беда в том, что вы даже не пытались. Может, на сей раз попробуете... Почему вы так на меня смотрите?

– Размышляю, можно ли полагаться на любителя героина. Вы ведь предпочитаете героин?

– Да, – ответила Аннабелла. – Я получаю его из Америки.

– Как печально.

– Печально?

– Вы не употребляли героин, когда играли Гедду Габлер в «Юникорнс» в сорок втором году. Смогли бы вы сейчас повторить тот успех?

– Да! – резко ответила Аннабелла.

– Какая жалость, что вы этого не делаете!

– В моем последнем фильме я играла, как никогда в жизни. Это признают все! – Она смотрела на Аллейна с ненавистью. – Я по-прежнему многое могу.

– Наверное, раз на раз не приходится. Кино не столь требовательно, как театр. Камеры подождут, а вот галерка ждать не будет. Или я ошибаюсь?

Аннабелла подошла к нему и ударила тыльной стороной ладони по лицу.

– Вы сильно сдали, – произнес Аллейн.

– Вы с ума сошли? Что вы задумали? Зачем вы здесь?

– Я привез доктору Баради одну пациентку. Все, что я хочу, это уйти отсюда так же, как пришел – в полной неизвестности.

– И вы полагаете, что, оскорбляя, вы уговорите меня помочь вам.

– Я полагаю, что вы уже побеседовали обо мне со своими друзьями и они послали вас проверить, не ошиблись ли вы.

– У вас огромное самомнение. Зачем мне было беседовать с ними о вас?

– Затем, – сказал Аллейн, – что вы боитесь.

– Вас?

– Совершенно верно. Меня.

– Идиот! – вспыхнула Аннабелла. – Явиться сюда с умирающей старой девой, фифой-женой и несносным ребенком! Ради бога, идите к черту и отдохайте себе на здоровье.

– О большем я и не мечтаю.

– Почему вы не хотите, чтобы они знали, кто вы такой?

– Это может испортить мой отпуск.

– Вас можно понять по-разному.

– Вы правы.

– Почему вы сказали, что я боюсь?

– Вы дрожите. Возможно, конечно, вас трясет с похмелья или у вас ломка, но, думаю, дело в другом. Вы ведете себя как испуганная женщина. И ударили меня тоже с перепугу.

– Вы говорите отвратительные, непростительные вещи.

– Разве здесь прозвучало хоть слово неправды?

– Моя жизнь принадлежит мне, и я имею право делать с ней все, что мне заблагорассудится.

– Что случилось с вашими мозгами? Вы должны отлично понимать, что такого рода образ жизни не замыкается исключительно на вас одной. А как насчет тех двух молодых людей? Девушки?

– Я их сюда на аркане не тащила.

– Ну ладно, – бросил Аллейн, направляясь к двери, – мне надоело выслушивать этот вздор. Пойду спущусь вниз и посмотрю, не пришла ли моя машина. До свидания.

Аннабелла остановила его, взяв за локоть.

– Пойдите! – сказала она. – Посмотрите на меня. Выгляжу жутко, да? Развалина? Но я все еще многих заткну за пояс, потому что во мне есть то, чего нет в других. Разве не так?

– Этот озабоченный Барди и его дружки от вас, несомненно, млеют.

– Барди! – презрительно бросила Аннабелла.

– Я не решился оскорбить вас, упомянув еще и Оберона.

– Что вы знаете об Обероне?

– Я видел его.

Аннабелла по-прежнему держала Аллейна за руку. Взгляд ее смягчился. Аллейн физически ощущал мелкую дрожь, сотрясавшую ее.

– Вы не знаете, – сказала она, – вы его совсем не знаете. Его нельзя судить по обычным меркам. Роковыми бывают не только женщины, но и мужчины. Он ужасен, но и великолепен. Вам этого не понять...

– Нет. По-моему, если бы он не был столь отвратителен, то был бы смешон. Жалкое зрелище.

– Вы верите в гипноз?

– Разумеется. Но загипнотизировать можно только того, кто этого хочет.

– О, по-видимому, я этого очень хочу. – В голосе Аннабеллы звучала безысходность. Она опустила голову и стала похожа на пристыженную девочку. Аллейн не мог разобрать всего, что она бормотала, но уловил фразу: – «...возвышенная деградация...»

– Что вы несете? – усмехнулся Аллейн.

Аннабелла нахмурилась и подняла на Аллейна трагический взгляд.

– Вы можете мне помочь?

– Понятия не имею. Скорей всего, нет.

– Я на пути к гибели.

– Без сомнения.

– А если я помогу вам? Не знаю, что вы задумали, но если я все-таки не скажу им, кто вы такой? Даже если это приведет меня к краху? Тогда вы смогли бы помочь мне?

– Вы хотите знать, могу ли я вам помочь излечиться от наркомании? Не могу. Это дело специалиста. Если вы сохранили достаточно характера и здравого смысла, то, возможно, у вас хватит храбрости, чтобы пройти курс лечения.

– Наверное, вы думаете, что я предлагаю вам сделку?

– В некотором смысле... да.

– Известно ли вам, – недовольным тоном начала Аннабелла, – что вы единственный мужчина из всех, что я встречала... – Она умолкла, задумавшись. – Не знаю, как сказать. Вы ведь не разыгрываете спектакль?

Впервые с начала разговора Аллейн улыбнулся.

– Не пытаюсь ли я применить избитый трюк: оскорблять даму с целью ее соблазнить? – сказал он. – Вы об этом?

– Скорее всего, да.

– Вспомните классику. Шекспировские женщины не падали в объятия грубиянов и хамов. Ох, простите, позабыл про Ричарда III.

– А Беатриче и Бенедикт? Петруччио и Катарина?

– Комедии я не имел в виду.

– И правильно. В моей ситуации нет ничего забавного.

– Наоборот, она кажется удручающей.

– Что мне делать? Скажите, что мне делать?

– Уезжайте из замка сегодня же. Прямо сейчас, если хотите. Внизу меня ждет машина. В Париже пойдите к врачу и начните лечиться. Осознайте свою ответственность и, покуда не

случилось большего вреда, расскажите мне, или местной полиции, или любому, кто облечен властью, все, что знаете о здешних обитателях.

– Предать моих друзей?

– Глупая фраза. Защищая их, вы потакаете человеческой мерзости. Как вы можете в присутствии этой девочки, Джинни Тейлор, сомневаться в том, что вам делать?

Аннабелла попятилась назад, словно Аллейн представлял собой физическую угрозу.

– Вы здесь не случайно, – сказала она. – Визит был спланирован заранее.

– Любопытно, как я мог спланировать воспаление аппендикса у незнакомой старой девы. Стоит взглянуть на вас, и все становится ясно как божий день. Зеваете так, что вот-вот скулы свернете, потому что испытываете потребность в новой дозе героина. Зрочки с булавочную головку, восковая физиономия...

Аннабелла, слушавшая его затаив дыхание, с облегчением выдохнула:

– И это все?

– Мне действительно пора. До свидания.

– Я не могу. Я не могу сделать то, что вы просите.

– Очень жаль. – Аллейн открыл дверь.

– Я не скажу им, кто вы такой, – сказала Аннабелла. – Но не возвращайтесь сюда. Не возвращайтесь. Я не шучу...

– До свидания, – повторил Аллейн и, не встретив никого по дороге, вышел из замка и спустился по проходу на открытую площадку.

Рауль ждал его в машине.

2

Вернувшись в сад на крышу, Аннабелла Уэллс застала там всю мужскую половину компании. Ее с нетерпением ждали. Доктор Баради приблизился и мягко сжал ладонью ее предплечье.

– Оставьте, – сказала Аннабелла. – От вас пахнет больницей.

– Аннабелла, кто он такой? – воскликнул Карбэри Гленд. – То есть мы все знаем, что он муж Агаты Трой, но, ради бога, кто он?

– Мне известно не больше, чем тебе.

– Но ты же говорила, что пересекала Атлантику вместе с ним и между вами даже было что-то вроде дорожного романа! Кто может устоять перед тобой, мой ангел, и не выболтать всех своих секретов?

– Он был одной из моих редких неудач. Говорил только о своей жене, упоминал о ней к месту и не к месту, словно провинциал из самой глухой деревушки. Я бросила его. Не хватило терпения. Скучный малый.

– А мне он даже понравился, – с вызовом произнес Робин Херрингтон.

– Опасный человек, – высказался доселе молчавший мистер Оберон. – Кто бы он ни был и кем бы ни оказался, в данных обстоятельствах он опасен.

– Согласен, – подхватил Баради. – Чего стоят расспросы о человеке по имени Гарбель.

– А может быть, они жаждут приобщиться, – предположил Гленд, – и кто-нибудь назвал им это имя.

– Они вовсе не жаждут приобщиться, – сказал Оберон.

– Нет, – согласился Баради.

– Господи, неужели нет другого выхода? – взволнованно спросил Херрингтон.

– Подумай сам, – отозвался Гленд.

Мистер Оберон встал.

– Другого выхода нет, – спокойно произнес он. – Нельзя допустить, чтобы они еще раз пришли сюда. Это очевидно. Они не должны вернуться.

3

– Вы неплохо потрудились сегодня утром, Рауль, – сказал Аллейн по дороге в Роквиль. – Похоже, на вас можно положиться.

– Мсье переоценивает мои заслуги, – весело отвечал шофер. – Египтянин тоже, кажется, умеет неплохо работать. На войне санитар много чего начинает понимать, а талант сразу виден. Очень часто пациентов вскрывают, словно молнию расстегивают. Вжик! – открыли. Бемц! – закрыли. Но тут все было по-другому.

– Баради опасается, что она не поправится.

– На ее лице не было печати смерти.

– А вы знаете, как выглядит такая печать?

– Думаю, да, мсье.

– Моя семья благополучно добралась до гостиницы?

– Благополучно, мсье. По дороге мы останавливались на улице Фиалок. Мадам спрашивала о мистере Гарбеле.

– Она виделась с ним? – встревоженно спросил Аллейн.

– Как я понял, его не было дома, мсье.

– Она оставила записку?

– По-видимому, мсье. Я видел, как мадам вручила листок бумаги консьержке.

– Понятно.

– Она непростая штучка, – задумчиво произнес Рауль.

– Кто? Консьержка? Вы ее знаете?

– Да, мсье. В Роквиле все друг друга знают. Большая оригиналка эта старуха Бланш.

– В каком смысле?

– Тертый калач. У нас поговаривают, что сидение при дверях не единственное ее занятие и что у нее имеются делишки на стороне. Толстые не всегда ленивые. Но в доме ничего предосудительного не случилось, – вежливо добавил Рауль. Видимо, он считал дурным тоном порочить дом, где обретался один из знакомых Аллейнов.

– Я намерен, Рауль, – сказал Аллейн, тщательно подбирая французские слова, – сделать вас своим доверенным лицом.

– Весьма польщен, мсье.

– Мне показалось, что талант доктора Баради произвел на вас большее впечатление, чем он сам.

– Точно, мсье.

– На меня тоже. Вы видели Оберона?

– Несколько раз.

– Что вы о нем думаете?

– Мне ничего не известно о его талантах, но как о человеке я думаю о нем еще хуже, чем о египтянине.

– Вы знаете, как он развлекает своих гостей?

– Ходят кое-какие слухи, мсье, но довольно туманные. Слуги в замке почти все нездешние и очень неразговорчивые. Но младшей горничной там служит одна девушка из Пэйиду... В смысле, к ней можно найти подход. Блондинка, что очень необычно для наших мест.

– И что же эта необычная блондинка рассказывает?

Рауль ответил не сразу, и Аллейн повернул голову, чтобы посмотреть на него. Шофер выразительно ухмылялся.

– По крайней мере, я этого не одобряю. Того, что Тереза рассказывает. Ее зовут Тереза, мсье. Я нахожу ее рассказы крайне неприличными. Дело вот в чем, мсье. Мне подоспела пора жениться, и по некоторым причинам – а в таких делах трудно следовать голосу рассудка – я выбрал Терезу. Есть в ней что-то, чего нет в других девушках. – Аллейну вдруг вспомнилась отчаянная пылкость Аннабеллы Уэллс. – Но от жены, – продолжал Рауль, – ожидаешь определенной сдержанности в том, что касается других мужчин. Мне не нравятся отзывы Терезы о ее хозяине, мсье. И особенно не нравится рассказ об одном случае.

– Могу я узнать, в чем дело?

– С удовольствием расскажу. Обязанности Терезы, мсье, ограничены чисткой ковров и полировкой мебели, от нее не требуется разносить завтраки гостям или исполнять их личные поручения. Она ведь неопытная. И вот однажды этот египтянин замечает Терезу, когда она, опустившись на колени, натирает комод, стоя спиной к нему. Тереза, мсье, со спины так же хороша, как и спереди. Доктор останавливается, наблюдая за ней. Потом он возвращается вместе с мистером Обероном, и теперь они оба стоят над Терезой, переговариваясь на иностранном языке. Затем старшая горничная вызывает Терезу и приказывает ей отныне носить завтрак этому животному Оберону, прошу прощения за грубость, мсье, в его спальню, за что ей обещают повысить жалованье. Тереза исполняет поручение. В первое утро Оберон не произносит ни слова. Во второе интересуется, как ее зовут. На третье утро этот похотливый козел замечает, что она красивая и крепкая девушка. На четвертое он несет какую-то околесицу о духовности тела и несуществовании зла, а на пятое утро Тереза входит и застаёт его в очень нескромном виде перед большим зеркалом в гостиной. Надо заметить, мсье, что в спальню нужно проходить через гостиную. Терезе приходится приблизиться к этой скотине! А он смотрит на нее в упор и разговаривает в совершенно недопустимой, безбожной и сатанинской манере! Мсье, Тереза – хорошая девушка. Она испугалась, но не столько этого скота, как она говорит, но самой себя, потому что ей казалось, будто она птичка, замершая в ужасе перед змеей. Я сказал ей, что она должна уволиться, но она ответила, что в замке хорошо платят, а у них большая семья, родители нездоровы и куча долгов. Мсье, повторяю, она хорошая девушка и ей действительно нужны деньги, но я не могу избавиться от мысли, что ее заманили в ловушку, из которой ей трудно выбраться. Так что когда я последний раз видел ее, мы поссорились. Я сказал, что либо она бросит работу, которая в конце концов покроет ее позором, либо пусть поищет мужа в другом месте. Она плакала, да и я расстроился. Конечно, Тереза не какая-нибудь там особенная, но так уж случилось, что мне нравится именно она.

«Впервые с момента приезда мне улыбается удача», – подумал Аллейн. Он посмотрел в окно на сверкающее здание Химической компании Приморских Альп и сказал:

– Думаю, вам нужно знать, что обитатели замка Серебряной Козы интересуют меня с профессиональной точки зрения. Если бы не болезнь мисс Трубоды, я попытался бы иным способом проникнуть туда. Мсье комиссар также интересуется замком. В этом деле мы действуем с ним заодно. Мы с вами, Рауль, договорились не упоминать о моем звании, но сейчас, возможно, в интересах дела неплохо бы о нем вспомнить.

– Хорошо, мсье инспектор-аншеф.

– У вас нет абсолютно никаких причин стараться только ради английского полицейского, занятого делом, которое вас никоим образом не касается. Даже несмотря на то, что французская полиция тоже им интересуется. Никаких, кроме Терезы, которая вам так нравится.

– Тереза прежде всего.

– Вы умеете хранить секреты?

– Я не чешу языком, как одноглазая сорока, мсье.

– Верю. Полиции – как здешней, так и лондонской – известно, что замок Серебряной Козы используется в качестве перевалочного пункта в торговле весьма непрезентабельного характера.

– Женщины, мсье?

– Наркотики. К женщинам там, похоже, проявляют чисто личный интерес. Так сказать, побочная линия. Думаю, что ни доктор Баради, ни мистер Оберон наркотиков не употребляют. Они заняты их распространением на деловой основе. Скорей всего, они намеренно приобщают своих гостей к наркотикам и, возможно, используют одного из них в качестве связного. Мистер Оберон также изобрел новый культ.

– Культ, мсье?

– Религию, – пояснил Аллейн, – в которой все свалено в кучу – мистицизм, колдовство, мифология, индуизм, египтология – с изрядной примесью, как я подозреваю, личного творчества мистера Оберона сообразно пристрастиям последнего.

– Богохульники проклятые, – сказал Рауль. – Чем они там занимаются? – спросил он с нескрываемым любопытством.

– Точно не знаю, но, боюсь, придется выяснить. Впрочем, подобная секта – не первый случай в нашей практике. Очевидно, у них есть ритуалы, где женщины должны принимать наркотики.

– Мне надо быть с Терезой построже, – заметил Рауль.

– Весьма разумная мысль.

– Сегодня она придет в Роквиль на рынок – мы должны встретиться в ресторане моих родителей, – там-то я и побеседую с ней со всей строгостью. Я очень беспокоюсь за нее. Все, что вы говорите, мсье, подтверждается рассказами Терезы. По четвергам слугам из местных и некоторым из постоянных предписано вечером покидать замок. Поэтому в четверг я обычно провожаю Терезу домой. Она кое-что слышала о развлечениях гостей, но очень мало, потому что слуги там неболтливы. Похоже, что в комнате, которая обычно заперта, устраивается какая-то церемония. По пятницам все спят до обеда, а потом бродят с такими странными рожами, словно белены объелись. В особенности дамы по пятницам ведут себя очень странно. Тереза говорит, что они словно в полусне. В прошедшую пятницу молодая англичанка, недавно приехавшая, была сама не своя, будто на нее столбняк напал, – рассказывал Рауль, помогая себе жестами, – в трансе. И кажется, она плакала.

– А Терезу не пугает то, что она видит по пятницам?

– Вот то-то и странно, мсье. Да, она говорит, что ей страшно, но, с другой стороны, ясно, что ей жутко любопытно. Вот что меня беспокоит.

– Она говорила, где находится та комната? Та, что отпирается только вечером по четвергам?

– В нижней части замка, мсье. Тереза полагает, под библиотекой, двумя лестничными пролетами ниже.

– Так, сегодня у нас среда.

– И что с того, мсье?

– Мне нужен помощник.

– Да, мсье?

– Если я обращусь в префектуру, мне дадут местного жандарма, которого тут каждая собака знает. Либо пришлют ловкого малого из Парижа, но, как приезжий, он будет бросаться в глаза. А вот если в замок придет человек из Роквиля, хорошо всем известный, да к тому же приятель одной из горничных, то это ни у кого не вызовет подозрений. Вы действительно часто навещаете Терезу?

– Часто, мсье.

– Так что, Рауль?

– Так что, мсье?

– Не желаете ли в четверг вечером, с разрешения мсье комиссара, отправиться со мной в замок на поиски приключений?

- Сочту за честь, – с достоинством отвечал Рауль.
 - Приключения могут оказаться не такими, как в кино. Тамошняя компания – лихие ребята.
 - Понятно, мсье. Почему бы не помочь, коли так сложилось.
 - Хорошо. Мы уже в Роквиле. Отвезите меня в гостиницу, пожалуйста. Я повидаюсь с женой, перекушу и к трем часам буду у мсье комиссара. До трех вы свободны, только оставьте ваш адрес и телефон.
 - Ресторан моих родителей расположен за гостиницей. «Радужная улитка», улица Сарацинов, 20. Вот визитная карточка с телефоном.
 - Отлично.
 - Мой отец хорошо готовит. Его кухня не очень разнообразна, но он понимает толк в еде. Филе миньон – наше фирменное блюдо, мсье, а соусы прямо-таки восхитительны.
 - Вы меня сильно заинтриговали. В те времена, когда в Англии знали только бифштекс, филе миньон был сладостной мечтой, и уже тогда ездили во Францию, чтобы отведать это блюдо.
 - Если мсье и мадам вдруг немножко надоест гостиничный ресторан, то, возможно, они не откажутся дешево и с удовольствием пообедать в «Радужной улитке».
 - Чудесное предложение.
 - Конечно, мы люди простые. Но хорошее воспитание, – просто сказал Рауль, – оно проявляется во всем, и мсье и мадам не будут испытывать неловкости. А вот и ваша гостиница и... – его голос изменился, – ...и мадам.
- Аллейн выскочил из машины, не дожидаясь, пока она остановится. Трой стояла во дворе гостиницы, прижав ладони ко рту. Никогда прежде Аллейн не видел у нее подобного выражения лица. Взяв ее руки в свои, он почувствовал, как она дрожит всем телом. Трой попыталась заговорить, но поначалу не сумела совладать с голосом. Ее губы беззвучно прошептали: «Рики».
- Что такое? – крикнул Аллейн. – Что с ним случилось?
 - Его нет, – тихо ответила Трой. – Они увели его. Они увели Рики.

4

До конца жизни они будут вспоминать эти секунды, когда они стояли в гостиничном дворике, выложенном плиткой, под палящим полуденным солнцем. Рауль с тротуара наблюдал за ними, пустынная улица пылала жаром. В воздухе пахло бензином. На противоположной стене ярким пятном алела бугенвиллея¹⁴, а посреди улицы лежала аккуратная кучка лошадиных яблок. Уже наступило время сиесты, кругом было так тихо, что казалось, только они одни и остались бодрствовать.

- Я возьму себя в руки и не стану делать глупостей, – прошептала Трой. – Я смогу, Рори?
- Конечно. Пойдем в гостиницу, и ты мне все расскажешь.
- Я хотела бы сесть в машину и поискать Рики, но знаю, что этого не следует делать.
- Я попрошу Рауля подождать.

Рауль в молчаливой неподвижности выслушал Аллейна. Когда тот закончил, шофер сказал:

– Передайте мадам, что все будет хорошо. Все уладится. – И когда они направились к гостиничной двери, он снова крикнул им вслед: – Все уладится! Не волнуйтесь, мадам!

Войдя с улицы, им показалось, что в отеле очень темно. За стойкой с ключами сидел портье, а посреди холла стоял элегантно одетый мужчина, в отчаянии заламывавший руки.

¹⁴ Род вечнозеленых кустарников с мелкими яркими цветками. – *Примеч. ред.*

– Это мой муж, – представила его Трой мужчине. – Рори, это управляющий. Он говорит по-английски. Простите, мсье, я не знаю вашего имени.

– Малакэн, мадам. Мистер Аллейн, я уверен, что все объясняется просто...

– Если позволите, я зайду к вам после того, как переговорю с женой, – перебил его Аллейн.

– Ну разумеется. Гарсон!

Портье с невероятно сочувственным видом проводил их к лифту. Подъем в душевной кабине казался бесконечным.

Они вошли в просторную спальню, которую беспорядок, следовавший за Трой повсюду, успел сделать менее безликой. Трой стояла лицом к мужу, за ней находился балкон с железными перилами, с балкона виднелось море, сиявшее вызывающе роскошной голубизной. Аллейн пододвинул кресло, и Трой послушно опустилась в него. Он сел напротив жены на корточки, положив свои ладони на ручки кресла.

– А теперь рассказывай, дорогая. Я не могу ничего предпринять, пока не услышу, что случилось.

– Тебя не было целую вечность...

– Я уже здесь. Рассказывай.

– Хорошо.

И она рассказала. Трой изо всех сил старалась быть последовательной. Она хмурилась, когда была не уверена в деталях или когда у нее дрожал голос, и не сводила с Аллейна глаз. Он всегда говорил, что из нее получился бы отличный свидетель, и сейчас она старалась придерживаться голых фактов, но каждое слово было окрашено несказанным страхом.

Когда они прибыли в гостиницу, Рики был бледен и капризничал – он недоспал, и к тому же во время поездки на него свалилось слишком много впечатлений. Управляющий отнесся к ним с большим вниманием и предложил прислать обед для Рики прямо в их номер. Трой вымыла сына и, надев на него пижаму и халат, посадила обедать. Не успел он дожевать последний кусок, как тут же заснул. Она положила его на кровать в спальне, оставив дверь в комнату открытой. Задержала занавески и, убедившись, что Рики крепко спит, зажав в руке свою глиняную козочку, приняла ванну, переделалась и отправилась пообедать в ресторане гостиницы. Когда она вернулась в номер, Рики уже не было.

Поначалу Трой подумала, что мальчик проснулся и отправился на поиски туалета или, возможно, им овладела паника, и он бросился ее разыскивать. Но, осмотрев ванную и понапрасну обегав коридоры, лестницы и все комнаты с распахнутыми дверьми, Трой, испытывая возрастающую тревогу, вызвала горничную, а затем, поскольку женщина не понимала по-английски, позвонила управляющему. Мсье Малакэн не остался равнодушным и немедленно предложил помощь. Он пообещал, что переговорит с дежурной прислугой и о результатах сообщит ей. Положив трубку, Трой взглянула на стул, на который она повесила одежду для Рики – желтую рубашку и коричневые льняные шорты. Одежды на стуле не было.

С этого момента она безуспешно боролась с накотившим на нее ужасом, причинявшим ей прямо-таки физическую боль. Она сбежала вниз и рассказала управляющему о пропаже одежды. Портье, двое официантов и сама Трой вышли на пустынные, раскаленные от зноя улицы. Трой побежала в гору, выкрикивая, задыхаясь, имя Рики. Она останавливала редких прохожих, спрашивая их о «маленьком мальчике, моем сыне». Мужчины пожимали плечами, какая-то женщина произнесла нечто сочувственное, но никто из них мальчика не видел. Трой оказалась в лабиринте боковых улочек и каменных лестниц. Она уже решила, что заблудилась, как вдруг увидела одного из официантов и бросилась вслед за ним. Когда она достигла перекрестка, фалды его фрака как раз исчезали за углом дальнего дома. На маленькой площади, прилегающей к гостинице, она наконец догнала его. Сердце Трой бешено колотилось, в

горле стоял отвратительный комок. Пот струился между лопаток, капал со лба, заливая глаза. Она переживала кошмар.

Официант был вежлив до идиотизма, смотрел с укоризной и не понимал ни слова из речи Трой. Сложив губы трубочкой, он поклонился и вернулся в гостиницу. Трой вспомнила о комиссаре полиции и уже собралась было попросить управляющего позвонить в префектуру, как услышала приближение машины Рауля.

– Хорошо, – произнес Аллейн. – Я сам позвоню в префектуру, но сначала, любимая, ты должна поверить в то, что я сейчас скажу.

– Ладно, я попытаюсь.

– Рики вне опасности. Я уверен.

– Так оно и есть. Его... Это те люди из замка... Они похитили его, да?

– По всей видимости, без них не обошлось. Им наверняка хотелось найти мне занятие.

Возможно также, Рики что-то взбрело в голову, он оделся и побрел куда глаза глядят.

– Но он так никогда не делал, Рори. Никогда. И ты знаешь, что не сделал бы.

– Ладно. Звоню в префектуру. Ну-ну, выше нос.

Аллейн сел на кровать рядом с Трой и обнял ее за плечи.

– Ты запирала дверь? – спросил он, дожидаясь, пока его соединят.

– Нет, мне показалось неправильным запиравать его. Управляющий поговорил со слугами.

Они никого не видели, и никто не интересовался номером нашей комнаты.

– Ящик, в котором привезли наш багаж, все еще стоит в холле, а на нем мелом написан номер комнаты. Во что Рики одет?

– В бледно-желтую рубашку и коричневые шорты.

– Хорошо. Мы могли бы заодно... Алло! Алло!

Аллейн заговорил в трубку, по-прежнему обнимая Трой. Она некоторое время прислушивалась к разговору, затем высвободилась из объятий и вышла на балкон.

Маленькое пространство перед гостиницей, называвшееся площадью Сарацинов, располагалось наверху холмистой улицы. За площадью виднелась большая часть Роквиля и море. Лабиринт улочек, в которых заблудилась Трой, находился позади гостиницы. Трой, мысленно твердя бессвязную молитву, вглядывалась, словно с высокой башни, в лежавшие внизу улицы в надежде обнаружить на одной из них маленькую фигурку Рики в лимонной рубашке и коричневых шортах. Но она не видела ничего, кроме нагромождения штукатурки и камня, вереницы повозок с дремлющими в тенике возницами и лошадьми, рядов черепичных крыш и словно нарисованного моря. Трой взглянула вниз, на площадь, там стояла машина Рауля, казавшаяся игрушечной, рядом находился и сам Рауль, скручивающий сигарету. На площади появился гостиничный портье, до Трой долетел звук его голоса. Рауль переговорил с ним, и оба исчезли в дверях гостиницы.

По интонации Аллейна Трой догадалась, что телефонный разговор подходит к концу. Она повернулась, оставив тщетные поиски, и собралась было вернуться в комнату, как вдруг краем глаза уловила знакомое сочетание цветов.

Сочетание лимонно-желтого с коричневым.

Раскаленные железные перила балкона жгли ей ладони. Она перегнулась, высунувшись как можно дальше, напряженно разглядывая высокое здание, расположенное чуть выше на холме. Здание выглядело из-за торца гостиницы и было испещрено решетками балконов. На самом верхнем из них, за черными прутьями, Трой заметила два цветных пятна.

– Рори, – крикнула она. – Рори!

Аллейну потребовалось несколько секунд, показавшихся долгими минутами, чтобы найти балконную дверь.

– Это Рики, – сказала Трой. – Смотри! Это наверняка он.

Она бросилась в комнату, сдернула с кровати тонкое покрывало и принялась отчаянно размахивать им с балкона.

– Подожди, – сказал Аллейн.

Сумку Аллейна уже доставили в номер. Он вынул мощный полевой бинокль и, настраивая его, сказал:

– Не обольщайся, дорогая, это может быть другой маленький мальчик в желтой... нет... нет, это Рики. Он самый, взгляни.

Глаза Трой наполнили слезы радости. Дрожащими руками она принялась нетерпеливо вращать окуляры.

– Не получается... Ничего не вижу...

– Спокойнее, вытри слезы. Давай помогу. Он все еще там. Возможно, он заметил нас. Попробуй вот так. Опустись на колени и положи бинокль на перила. Приложи сначала один глаз, потом другой. Не спеши.

В окулярах мерцали и плясали разноцветные размытые круги. Затем они слились и исчезли. Фокус был найден, но взгляд Трой уперся в какую-то дурацкую синюю дверь. Трой передвинула бинокль: перед глазами возникла затейливая позолоченная колокольня с крестом и часами, показывающими без четверти два.

– Не пойму, куда я смотрю. Какая-то церковь. Не могу его найти.

– Ты почти у цели. Придерживайся того же уровня и слегка поверни бинокль.

И тут сквозь железные прутья она увидела Рики. Он казался растерянным, но не испуганным, и смотрел прямо на нее, но, похоже, ее не видел.

– Маши, – сказала Трой Аллейну. – Продолжай махать.

Странно невыразительное, застывшее в недоуменной гримаске лицо Рики немного сдвинулось и наполовину скрылось за железным столбиком. Он поднял над перилами правую руку и помахал ею.

– Он заметил нас! – воскликнула Трой. – Машет в ответ.

Бинокль немного соскользнул в сторону. Перед глазами возникло нечеткое изображение гостиничной стены, взбесившее Трой. Кто-то постучал в дверь их номера.

– Войдите! – крикнул Аллейн и вдруг резко добавил: – Эй, а это еще кто?

– Что? Я его больше не вижу.

– Появилась женщина и увела его. Они вошли в комнату.

– Женщина?

– Толстая в черном платье.

– Пожалуйста, идем скорее.

На балконе появился Рауль. Аллейн обратился к нему:

– Видите вон то высокое здание слева от гостиницы и справа от церкви? Розоватое с синими ставнями, а на балконах что-то красное.

– Вижу, мсье.

– Вы знаете, что это за здание?

– Думаю, да, мсье. Это на улице Фиалок. Мадам заходила в этот дом сегодня утром.

– Агата, – сказал Аллейн, – уж не знаю зачем, но Рики отправился навестить мистера Гарбея.

Трой, направлявшаяся к двери, замерла на месте.

– Что за ерунда...

– Рауль говорит, что дом тот самый.

– Но... нет, – энергично запротестовала Трой. – Нет, я не верю. Он не пошел бы туда просто так, по собственному желанию. Это на него не похоже. Идем, Рори.

Мужчины двинулись следом за ней, как вдруг Аллейн, задержавшись, спросил:

– Откуда эти цветы?

– Какие цветы? Ах, эти. Я и не заметила. Не знаю. Наверное, от доктора Баради. Пожалуйста, не будем задерживаться.

Огромный букет из цветочного магазина, украшенный большим бантом, лежал поверх нераспакованного багажа. Трой, сходявшая с ума от нетерпения, наблюдала, как Аллейн вытаскивает из-под ленточки открытку.

– «Очень жаль, что мы не увидимся, – прочел Аллейн. – Мне пришлось срочно уехать. Добро пожаловать в Роквиль. П. Е. Гарбель».

Глава 6. Совещание

1

Трой не стала дожидаться лифта. Она ринулась вниз по лестнице, Аллейн и Рауль следовали за ней по пятам. В холле находился только сидевший за стойкой портье.

– Дорогая, мне нужно всего полминуты, – быстро сказал Аллейн. – Я знаю, что нужно спешить, но поверь, это очень важно. Иди и садись в машину, а Рауль пусть заводит мотор. Пожалуйста, – обратился он к портье, подавая листок бумаги, – позвоните по этому номеру и тому, кто ответит, прочтите то, что здесь написано. Это номер префектуры, сообщение очень важное, его ждут. Кстати, кто дежурил, когда принесли цветы для мадам?

– Я, мсье. Когда принесли цветы, я как раз сидел здесь. Это случилось примерно час назад. Я не знал, что они для мадам. Женщина прошла прямо наверх, ни о чем не спрашивая, словно знала, куда идет.

– Она вернулась?

Портье пожал плечами.

– Я не видел, как она возвращалась, мсье. Должно быть, воспользовалась служебной лестницей.

– Должно быть, – согласился Аллейн и бросился к машине.

По дороге к улице Фиалок он произнес:

– Агата, я хочу остановить машину, не доезжая до дома, и прошу тебя подождать, пока я обследую дом.

– Но почему? Ведь Рики там! Мы же его видели!

– Да, мы его видели, но весьма нежелательно, чтобы там видели нас. Кузена Гарбеля, похоже, неплохо знают в замке Серебряной Козы.

– Но Робин Херрингтон сказал, что незнаком с ним, и в любом случае, судя по открытке, приложенной к цветам, кузен Гарбель уехал. Видимо, об этом мне пыталась сказать консьержка. Она все время повторяла: «Pas chez elle»¹⁵.

– Pas chez soi¹⁶, наверное?

– Точно. Я толком не поняла, что она сказала. Я вообще ничего не понимаю, – в отчаянии произнесла Трой. – Я только хочу найти Рики.

– Знаю, дорогая. Я тоже.

– Он ведь не казался испуганным, правда?

– Да нет.

– Рори, когда мы его найдем, давай не будем ругать за то, что он устроил такой переполох, а?

– Нам всем надо бы поработать над нашими ужасными характерами, – ответил Аллейн, улыбаясь.

– Как ты думаешь, он все еще там? Он никуда не делся?

– Прошло всего десять минут с тех пор, как мы его видели на балконе шестого этажа.

– Его увела такая толстая женщина? Вся в кольцах?

– Бинокль тогда был у тебя. Невооруженным глазом я не смог заметить колец.

– Подъезжаем, мсье, – сказал Рауль. – За перекрестком начинается улица Фиалок.

¹⁵ Ее нет (фр.).

¹⁶ Нет дома (фр.).

– Хорошо. Остановитесь у обочины. Не хочу пугать жену, но подозреваю, что с малышом, которого мы видели на балконе, не все в порядке. Если кто-нибудь вознамерится выйти из дома, ему придется свернуть с боковой улочки сюда и направиться по этой улице, верно?

– Да, мсье. На восток ли ехать из города, на запад ли, этой улицы не избежать. Вокруг одни переулки, которые заканчиваются тупиками.

– Тогда, если из-за дома № 16 выедет машина, то не может ли так случиться, что вы заведете автомобиль, но мотор внезапно заглохнет и вы заблокируете улицу? Тогда вам придется с извинениями подойти к другой машине и заглянуть внутрь. Если малыш будет там, то вам так и не удастся завести двигатель и вы наделаете большого шума, нажимая на клаксон. А тем временем, Рауль, возможно, подъедет мсье комиссар или выйду я.

– Рори, ты идешь?

– Сейчас, дорогая. Все понятно, Рауль?

– Понятно, мсье.

Аллейн вышел из машины, пересек перекресток, свернул направо и вошел в дом № 16. В холле было темно и пустынно. Аллейн сразу же направился к лифту, взглянул на список жильцов и нажал кнопку вызова.

– Мсье? – раздался голос консьержки, слегка приоткрывшей дверь своей каморки.

Аллейн обернулся и разглядел грязную руку в кольцах, глаз-бусинку, мясистый нос в профиль и половину рта цвета черного винограда.

– Мадам, – вежливо ответил он и повернулся к лифту.

– Чего мсье желает?

– Подняться на лифте, мадам.

– Подняться куда, мсье?

– На шестой этаж, мадам.

– В какую квартиру на шестом этаже, мсье?

– Ту, что расположена посередине, с балконом, мадам, – заверил Аллейн.

Лифт медленно полз вниз.

– К сожалению, квартиросъемщик уехал в отпуск. – Консьержка подозрительно посмотрела на Аллейна. – Можете оставить записку.

– Мне нужен не квартиросъемщик, а маленький мальчик. Тот самый, которого мадам любезно впустила в квартиру на шестом этаже.

– Мсье ошибается, я не впускала никаких детей. Квартира заперта.

– Неужто природа оказалась столь щедра, что одарила мир вашей точной копией, сестрой-близнецом? Видимо, это она впустила маленького мальчика в квартиру на шестом этаже.

Лифт добрался донизу и остановился. Аллейн открыл дверь.

– Секундочку, – сказала консьержка. Аллейн ждал. Черная рука отпустила дверь каморки. Консьержка вышла, переваливаясь, как утка, со связкой ключей в руке.

– Мне вовсе не улыбается кататься туда-сюда зазря, – сказала она. – Но пусть мсье сам убедится.

Они вошли в лифт и стали подниматься. Тело консьержки слегка колыхалось, издавая сложный аромат пота, грязного белья, жасминовых духов и чеснока. На шестом этаже она отперла дверь, расположенную напротив лифта, проковыляла внутрь и уселась на стул, стоявший посреди чистой аккуратной комнаты с застекленной балконной дверью, тяжело дыша и явно торжествуя.

Но Аллейну было не до нее. Он резко остановился на пороге комнаты и огляделся: туалетный столик, полочка над умывальником, халат, висевший на спинке кровати, три пары туфель, выстроившихся в ряд вдоль стены. Аллейн подошел к гардеробу и дернул дверцу. Внутри висело три темных платья и парочка соломенных шляп со скромной отделкой. На дне

гардероба валялся конверт. Аллейн нагнулся, чтобы разглядеть его. Это было деловое письмо с грифом «Химическая компания Приморских Альп». Он прочел адрес:

*Мадемуазель Пенелопе Е. Гарбель,
16, улица Фиалок.
Роквиль,
Пэйиду.*

Аллейн выпрямился, размашистым жестом захлопнул дверцу гардероба и уставился на консьержку, по-прежнему восседавшую посреди комнаты, словно языческий истукан.

– Эх ты, старая кошелка с требухой, – задумчиво произнес он по-английски, – если б ты знала, какого я свалил дурака.

И вышел на балкон.

2

Он стоял там, откуда им совсем недавно махал Рики. Аллейн взглянул вверх нагромождения крыш и увидел большую вывеску: гостиница «Королевская». Трой забыла покрывало на перилах балкона.

– Несколько минут назад, мадам, – сказал Аллейн, возвратившись к неподвижной консьержке, – из гостиницы «Королевская» я видел на этом балконе моего сына.

– Нужно иметь глаза ястреба, чтобы узнать кого-нибудь на таком расстоянии. Вы ошибаетесь, мсье.

– Для этого нужно всего лишь иметь бинокль. А он у меня был.

– Возможно, сынишка прачки забегал. Он тут повсюду носится, но сейчас здесь никого нет.

– Я видел, как вы, мадам, взяли за руку моего сына и увели в комнату. Вас было так же нетрудно узнать, как и его.

– Вы ошибаетесь. Я с самого утра не выходила из своей комнаты. Будьте любезны, мсье, покинуть помещение. Я настаиваю на извинениях, – величественно произнесла консьержка.

– Может быть, вместо извинений вы примите вот это, – сказал Аллейн, вынимая из бумажника тысячефранковую купюру.

Он стоял в нескольких шагах от консьержки, держа в руках деньги. Ее глаза жадно блеснули, намазанные губы зашевелились, но она не двинулась с места. Несколько секунд они в упор смотрели друг на друга. Затем консьержка сказала:

– Если мсье подождет меня внизу, я с радостью с ним побеседую. Мне необходимо осмотреть еще одну комнату.

Аллейн поклонился. Он кланялся все ниже и ниже, а потом вдруг сделал резкий рывок вперед. Его рука уперлась в пол и скользнула под оборки тяжелых юбок консьержки. Дама взвизгнула и попыталась остановить руку Аллейна ногой, угодив каблуком в запястье.

– Успокойтесь, мадам. Мои намерения абсолютно невинны.

Аллейн осторожно отступил назад и вытянул вперед руку со сжатым кулаком.

– Странные яички высиживает столь невинная курочка, – заметил Аллейн.

Он раскрыл ладонь. На ней лежала маленькая глиняная козочка, выкрашенная серебряной краской.

3

С этого момента события в доме № 16 разворачивались против всяких служебных правил и полицейских инструкций.

– Даю вам шанс, – сказал Аллейн. – Где мальчик?

Консьержка закрыла глаза и столь энергично пожала плечами, что закачались сережки в ее ушах.

– Ладно, – произнес Аллейн и вышел из комнаты. Воспользовавшись тем, что консьержка оставила ключи в замке, Аллейн запер дверь и вытащил всю связку, оставив даму закрытой внутри комнаты.

Ему потребовалось немного времени, чтобы обойти все здание. Нежилые комнаты открывались одним ключом. Аллейн переступал порог, звал Рики, а затем быстро обыскивал помещение. Визиты в жилые комнаты протекали более драматично, напоминая мелькание на экране эпизодов, никак не связанных меж собой. Аллейн врвался в комнаты, прерывая сие-сту людей разного возраста, пребывавших в различной степени неглиже. Когда ему говорили, что никакого мальчика в помещении нет, он коротко извинялся и под ошарашенными взглядами старых дев, пожилых джентльменов, супружеских и влюбленных пар и даже однажды взбешенной негритянки неопределенного возраста открывал шкафы, заглядывал под кровати, отбрасывал покрывала и, повторно извинившись, выходил вон.

Консьержка, заточенная в квартире мисс Гарбель, что есть силы колотила в дверь.

На первом этаже Аллейн столкнулся с подтянутым ясноглазым мужчиной в элегантной форме полицейского. У мужчины были тонкие усики и мощные плечи.

– Мсье старший инспектор Аллейн? Позвольте представиться. Дюпон из Сюрте, в настоящее время замещаю комиссара префектуры Роквиля. – Он говорил по-английски бегло, но с заметным акцентом. – Итак, неприятности уже начались, – сказал он, пожимая руку Аллейну. – Я говорил с вашей женой и Милано. Мальчика еще не нашли?

Аллейн торопливо рассказал, что случилось.

– А что же старуха Бланш? Где она?

– Она заперта в квартире мисс П. Е. Гарбель на шестом этаже. Слышите глухие удары? Это как раз она старается.

Комиссар широко улыбнулся.

– Нам все время ставят в пример корректность сотрудников Скотленд-Ярда... Но предоставим даме возможность трудиться дальше и закончим обыск.

Аллейн принял предложение, и они взялись обследовать дурнопахнущие личные апартаменты мадам Бланш. Просмотрев список телефонных номеров, Аллейн указал на третью строчку.

– Замок Серебряной Козы.

– Правда? Очень интересно, – отозвался мсье Дюпон и добавил, странным образом напомнив обитателей Бейкер-стрит, – но прошу вас, пока мы осматриваем подвал, не прерывайте вашего исключительно увлекательного повествования.

Рики не было ни на первом этаже, ни в подвальных закутках.

– Несомненно, его увезли отсюда, как только увидели, что вы машете с балкона, – сказал Дюпон. – Я немедленно предупрежу моих коллег в прилегающих районах. Из Роквиля ведет немного дорог, и можно будет проверить все машины. Далее мы приступим к деликатному, но тщательному розыску в городе. Не бойтесь за сынишку, ему не причинят вреда. Извините, мне нужно позвонить. Вы останетесь здесь или предпочтете присоединиться к жене?

– Спасибо. С вашего позволения, я хотел бы переговорить с ней.

– Убедите ее не беспокоиться, – порывисто произнес Дюпон. – Все уладится. Мальчик вне опасности.

Он поклонился и удалился в каморку консьержки. Выходя, Аллейн услышал пощелкивание телефонного диска.

У тротуара напротив дома стояла полицейская машина. Аллейн пересек улицу и направился к автомобилю Рауля.

Успокаивать Трой не было нужды, она сидела очень тихо и полностью владела собой. Несмотря на болезненный вид, вызванный тревогой за сына, она улыбнулась Аллейну.

– Не повезло, дорогой. Никаких следов?

– Кое-какие следы имеются, – ответил Аллейн, облакачиваясь на дверцу машины. – Дюпон согласен со мной: мне пытаются найти отвлекающее занятие. Он уверен, что с Рики все в порядке.

– Он был там, правда? Мы видели *его*?

– Его, – подтвердил Аллейн и после недолгого колебания вытащил из кармана серебряную козочку. – Он забыл ее там.

– Серебряная козочка! – воскликнул Рауль.

Губы Трой задрожали. Она взяла фигурку в руки и спрятала между ладоней.

– Что мы теперь будем делать? – спросила она.

– Дюпон отдаст распоряжение останавливать все машины, выезжающие из Роквиля, а также обыскать каждый дом в городе. Он толковый малый.

– Уверена, что так оно и есть, – вежливо согласилась Трой. Она выглядела напуганной. – Ты не хочешь поехать в замок? Не хочешь вывести их на чистую воду?

– Необходимо проанализировать ситуацию. – Аллейн накрыл рукой ее руку. – Я понимаю, дорогая, проще было бы колесить, как безумным, во всех направлениях, выкрикивая имя Рики, но, поверь мне, так дела не делаются. Мы должны обсудить ситуацию. До сих пор у нас было мало времени, чтобы подумать, а тем более разработать план действий.

– Но только... Когда он поймет, что потерялся... он же с ума сойдет... что остался без нас.

Мимо проехали на велосипедах два жандарма в щегольских униформах и солнцезащитных шлемах. Свернув на улицу Фиалок, они остановились у дома № 16.

– Парни Дюпона, – сказал Аллейн. – Теперь дела пойдут быстрее. А у меня для тебя новость: кузен Гарбель – старая дева.

– Что ты мелешь?

– Его зовут Пенелопа, и он носит соломенные шляпки, украшенные пармскими фиалками.

– Не морочь мне голову, дорогой. Она у меня и так идет кругом.

– Мне очень жаль, но это правда. Тебе писала женщина, как-то связанная с химическим заводом, который мы видели сегодня утром. По причинам, о которых я могу лишь догадываться, она позволила тебе считать ее мужчиной. Как ты адресовала письма?

– Для м. П. Е. Гарбель.

– Видимо, она решила, что под буквой «м.» ты подразумеваешь «мадемуазель».

Трой покачала головой.

– Сейчас все это не так уж и важно, но все же удивительно.

Тем временем городок просыпался после снесты. Двери магазинов открывались, их владельцы в одних рубашках, без пиджаков, почесываясь, выходили на тротуары. В дальнем конце улицы слышались вопли ребятишек и стук башмаков о камень. Водитель полицейской машины, стоявшей у дома № 16, завел мотор, на крыльцо решительной походкой вышел комиссар. Он сделал знак водителю, тот развернул машину, переехал через перекресток и затормозил рядом с автомобилем Рауля. Подошел мсье Дюпон и, поприветствовав Трой, обратился к Аллейну.

– Мы начинаем осмотр домов в Роквиле, мой дорогой старший инспектор. На дорогах расставлены патрули, всем моим коллегам из прилегающих районов передана соответствующая информация. Когда вы увидели своего сына, часы на колокольне показывали 2.15, и до того момента, как вы прибыли сюда, прошло около десяти минут. Если мальчика увезли на машине, то это случилось именно в течение этих десяти минут. Распоряжение патрулям отдано без пяти три. Повторяю, если его увезли на машине, у них полчаса форы. За это время по

нашим дорогам они могли проехать не более пятидесяти километров. Везде в радиусе пятидесяти километров стоят посты. Если они ничего не обнаружат, мы начнем тщательные поиски внутри радиуса. Мадам, какая удача, что вы заметили мальчика из гостиницы, тем самым вы разворошили их осиную фабрику.

Трой рассеянно изумилась вольности, с которой комиссар обращался с английскими поговорками, но Аллейн вдруг воскликнул:

– Фабрика! Господи, как же я раньше не подумал!

– Простите, мсье?

– Мой дорогой Дюпон, вы действовали исключительно разумно и последовательно. Что вы намерены предпринять далее?

– Я полностью в вашем распоряжении, мсье старший инспектор. Осмелюсь предположить, что доскональное изучение ситуации...

– Правильно. Поедем к нам в гостиницу.

– С удовольствием, мсье.

– Полагаю, что наш водитель рвется принять активное участие в деле, – сказал Аллейн. – Он мне уже очень помог.

– Милано – хороший парень, – подхватил Дюпон и обратился к Раулю: – Послушай, приятель, мы наводим справки в Роквиле о пропавшем мальчике. Если он где-то в городе, то его, несомненно, прячут в доме у каких-нибудь знакомых старухи Бланш. Ты готов помочь?

Рауль выразил несомненную готовность.

– Если он в городе, мсье комиссар, то через час я буду об этом знать.

– О-ля-ля! – отозвался мсье Дюпон. – Голосистый нам попался петушок.

Он весело улыбнулся Раулю и, открыв дверцы полицейского автомобиля, церемонно предложил Аллейну и Трой занять места. Водитель, подчиненный Дюпона, отвез их в гостиницу.

Расположившись в спальне, которая уже приобрела жилой вид, Трой и Аллейн в подробностях рассказали о своих приключениях, начиная с болезни мисс Трубоди и кончая исчезновением Рики. Мсье Дюпон слушал их с вежливостью гостя и невозмутимостью профессионала. Когда они закончили, он хлопнул себя по коленям и взмахнул рукой, сложив вместе большой и указательный пальцы.

– Чудесно! – воскликнул Дюпон. – Итак, мы располагаем определенными фактами и отныне действуем сообща, но прежде я должен сделать одно заявление, которое, будто козырную карту, приберег про запас. Месяц назад в Пэйиду уже был случай похищения ребенка. Обычная история. Состоятельная семья из Лиона. Малыш. Нянька-вертихвостка. Днем, во время прогулки, некий молодой человек принимается оказывать соблазнительной нянюшке знаки внимания. Малыш резвится в саду при местном казино. Мимо проезжают машины, некоторые останавливаются; в одной из них сидят сообщники молодого человека. Наконец нянька вспоминает о своих обязанностях, но мальчика в саду уже нет. А вместе с ним исчезает и молодой человек. Тем временем в окно гостиницы подбрасывают записку: ребенка отдадут в назначенное время в назначенном месте, неподалеку от Сен-Селесты, в обмен на пятьсот миллионов франков. Разумеется, обычные угрозы на случай обращения в полицию также присутствуют. Мсье Папа под давлением мадам Маман подчиняется требованиям. Его сажают в машину, но до самого места не довозят, дальше он идет пешком. Появляется машина. Останавливается. Из нее выходит мужчина с носовым платком на лице и пистолетом в руке. Мсье Папа, опять-таки следуя инструкциям, кладет деньги под камень при дороге и удаляется, подняв руки. Мужчина забирает деньги, пересчитывает и возвращается к машине. Выпускают малыша. Машина уезжает. Но малыш, – продолжал Дюпон, широко открытыми глазами глядя на Трой, – недоволен. Он, видите ли, желает остаться со своими новыми знакомыми.

– О нет! – воскликнула Трой.

– Именно так, мадам. Малышу с ними было весело. Тем не менее он возвращается в семью. И теперь мсье Папа, упустив зверя, пытается захлопнуть капкан. Он сообщает в полицию. – Мсье Дюпон умолк и развел руками в ожидании реакции аудитории.

– Банальная история, – произнес Аллейн.

– Мсье Дюпон, вы полагаете, что Рики похитили те же самые люди? – спросила Трой.

– Нет, мадам. Я только полагаю, что нам просто хотят это внушить.

– Но почему? Почему вы считаете, что похитители – не они?

– Потому что, – ответил мсье Дюпон, поглаживая маленькие усики, – сегодня в 7.30 утра этих людей арестовали, и сейчас они находятся под замком в полицейском участке Сен-Селесты. Мсье Папа предусмотрительно пометил банкноты. Очень деликатно пометил, этакая малюсенькая закорючка на рисунке. И малыш дал полезную информацию. Известие об аресте похитителей должно было появиться в вечерних газетах, но я запретил. Дело и так получило слишком большую огласку.

– Значит, наши друзья, – сказал Аллейн, – ничего не зная об аресте, решили разыграть похожее похищение в надежде, что наша реакция будет такой же, как у мсье Папа и мадам Маман, и что мы сосредоточим наше внимание на Сен-Селесте.

– Но как вы можете быть уверены... – нетерпеливо перебила Трой.

Мсье Дюпон отвесил ей глубокий почтительный поклон.

– Ах, мадам, давайте сопоставим факты. В замке Серебряной Козы засела группа людей, сильно увязших в наркобизнесе. По невероятной случайности ваш муж, наделенный официальными полномочиями по расследованию их деятельности, оказывается прямо в логове врага. По крайней мере один, а возможно, двое гостей знают, кто он такой. Актрису Уэллс посылают проверить, не ошиблась ли она. Возвратившись, она сообщает: «Поздравляю, у нас в гостях самый знаменитый и талантливый офицер Скотленд-Ярда. Если мы немедленно не примем меры, он явится сюда снова, чтобы узнать о состоянии больной. Возможно, он уже кое-что подозревает». Все приходят к общему мнению, что офицер не должен еще раз посетить замок. Но как ему помешать? Элементарно – похитив его сына. Что они весьма ловко проделывают. Женщина приносит цветы и говорит Рики, что мама ждет его в доме, куда они заезжали сегодня утром. Тем временем из замка отправляется машина, чтобы отвезти мальчика в Сен-Селесту. До тех пор его держат в квартире мадемуазель Гарбель. Там его сторожит тетушка Бланш. Она забывает запереть дверь на балкон, и мальчик выходит, вы его видите, а он видит вас. Бланш, заметив опасность, уводит ребенка, и, прежде чем вы успеваете добраться до дома № 16, появляется машина и увозит мальчика куда подальше.

– Куда?

– Если, следуя сценарию, они поедут в Сен-Селесту, то их остановит патруль, но я полагаю, они подумали о таком варианте и переменили планы. Значит, мальчика повезли не в Сен-Селесту.

– Согласен, – сказал Аллейн.

– Когда подбросят записку, а ее обязательно подбросят, мы должны суметь перехитрить их. Кроме того, в деле замешана мадемуазель Гарбель, которая у нас давно на примете и которая как-то связана с Химической компанией Приморских Альп. Впрочем, эту фабрику справедливее было бы именовать Героиновой Компанией. Несомненно, мадемуазель участвует в бизнесе, а вы о ней спрашивали.

– О нем. Мы думали, что она – это он.

– Дорогая, ты хорошо помнишь ее письма? – спросил Аллейн.

– Нет, – устало ответила Трой, – как их можно было запомнить? Они были полны занудства об автобусах, дорогах, домах.

– Ты проверяла, действительно ли она приходится тебе родственницей?

– Нет. Он... она упоминала о дальней родне, о которой я слышала, но почти все они уже умерли.

– Она когда-либо упоминала о моей работе?

– Прямо – нет. Не припомню фраз вроде «как ужасно» или «как мило» быть женой детектива, инспектора уголовного розыска. Она иногда предлагала показывать письма моему «знаменитому мужу», которого наверняка заинтересует их содержание.

– А я, неисправимый идиот, не заинтересовался. Мой дорогой Дюпон, – сказал Аллейн, – я был удивительно туп. Видимо, эта дама пыталась предупредить меня об активности наркодельцов в Пэйиду.

– Но я полагала, – возразила Трой, – что по всем признакам именно она украла Рики. Разве цветы не были предлогом, чтобы зайти в наш номер, пока я обедала? А записку об отъезде разве не написали для отвода глаз? Все указывает на то, что она входит в банду, разве не так? Она знала, что мы приезжаем. Если она хотела рассказать о наркобизнесе, то почему уехала?

– И в самом деле, почему? Этого-то мы и не знаем.

– Рори, – взмолилась Трой, – я не хочу показаться стервой, но... Нет, лучше промолчу.

– Я скажу за тебя. Почему мы, черт побери, вместо того чтобы заняться Рики, сидим тут и сплетничаем о мисс Гарбель?

– Но, дорогая миссис Аллейн, – воскликнул Дюпон, – мы занимаемся Рики! Однако, – продолжал он, к счастью, приняв истерический смешок, вырвавшийся у Трой, за страдальческий всхлип, – лишь собрав воедино все факты, мы сможем прийти к разумному решению. Кроме того, если бандиты имитируют предыдущее похищение, то вскоре нам подбросят записку, и очень важно находиться здесь, когда ее подбросят. Тем временем все меры предосторожности приняты. Все до единой!

– Я знаю, – сказала Трой. – Прошу прощения, я погорячилась.

– Ведь ты захватила с собой последнее письмо мисс Гарбель, дорогая. Давай-ка взглянем на него.

– Сейчас принесу.

Трой была не слишком склонна к порядку. Ей пришлось перевернуть вверх дном свои чемодан и сумочку, прежде чем она отыскала письмо мисс Гарбель. С взволнованным видом она протянула его Аллейну. Письмо изрядно помялось, и Аллейн расправил его на ручке кресла.

– Итак, – произнес он и принялся читать вслух:

«Моя дорогая Агата Трой!

Надеюсь, вы получили мое предыдущее письмо от 17 декабря прошлого года, и в очень недалеком будущем я буду иметь удовольствие читать ваш ответ! Дела мои идут по-прежнему. Нередко выезжаю поразвлечься, большей частью в местность, лежащую к западу от Роквиля. Местность эта называется Пэйиду, что в буквальном переводе означает «страна неги», хотя при ближайшем знакомстве с некоторыми ее обитателями возникает желание переименовать ее в «страну дури»!!! (Прошу прощения за такое отступление, а также за плоскую и вульгарную шутку, но игра словами – моя слабость.)

– Позор на мою голову! – воскликнул Аллейн. – Прямо под нашим носом! «Страна дури», «дурь» – наркотики. «Страна наркотиков». – Он продолжил чтение:

«Поскольку приятели, которых я чаще всего навещаю, живут примерно в тридцати километрах (приблизительно семнадцать миль) от Приморского шоссе, я пользуюсь автобусом № 16, он отходит от площади Сарацинов

каждые полчаса. Плата за проезд по нынешнему обменному курсу – около 1 шиллинга в один конец и 1 шиллинг 9 пенсов в оба конца. Я вложу в конверт билет, который вас, несомненно, заинтересует. Поездка проходит очень приятно: с левой стороны открывается великолепный вид на Средиземное море, а с правой можно любоваться старинными зданиями и кое-какими признаками прогресса. Если, конечно, можно назвать прогрессом огромный химический завод, к которому я, в силу моей профессии, имею некоторое отношение».

– О господи! – простонал Аллейн. – Почему я не прочел это до отъезда из Лондона! Мы мнили себя такими умниками по сравнению с этой, несомненно, потрясающей старой девой.

– Что вы говорите? – удивился мсье Дюпон.

– Послушайте, Дюпон. Предположим, мисс Гарбель, квалифицированный химик, попала в зависимость от наркодельцов. Предположим, она работает на них. Предположим, она решила уведомить какое-нибудь ответственное лицо в Англии о том, что здесь происходит. Хорошо. Можете ли вы объяснить, по какой причине она не написала все, что знает, напрямую этому лицу и не отправила письмо по почте?

– Причина лежит на поверхности. Видимо, она опасалась поступить так, инспектор, – подхватил Дюпон, решивший, что пришло время для более фамильярного обращения. – Поскольку она англичанка, ей, возможно, не до конца доверяют в банде. Не исключено, что ее корреспонденция просматривается. Нетрудно подкупить какого-нибудь почтового работника, умеющего читать по-английски. Хотя, возможно, никакого недоверия к ней не существует, и мисс Гарбель просто осторожничает. Бандиты – ребята ушлые, закидывают сети и на мелкую рыбешку.

– Итак, она пишет нудные письма и каждый раз вставляет замаскированный намек в надежде, что я прочту письмо. Замок Серебряной Козы находится в тридцати километрах к западу от Приморского шоссе. С помощью использованных билетов, скучных фраз и дурацких шуток она пытается донести до нас, что часто бывает в замке. Кому она адресовала письма, Агата?

– Агате Трой. Еще в первом письме она написала, что мне, по-видимому, больше нравится, когда ко мне обращаются по имени, под которым я известна в профессиональных кругах. Как если бы я была актрисой, хотя, конечно, «художник – это намного выше, почетнее» и все такое прочее. Не припомню, что бы она когда-либо упоминала твое имя. Ты всегда фигурировал в качестве моего «блестящего и знаменитого» мужа!

– Я краснею от стыда! – сказал Аллейн. Мсье Дюпон выглядел озадаченным. Аллейн снова принялся за письмо:

«Как было бы чудесно, если бы вы вместе с вашим знаменитым мужем посетили эти места! Вы могли бы тоже поехать на автобусе и увидеть массу интереснейших топографических особенностей, которые обычно проходят мимо внимания обычного туриста. Боюсь, мое убогое описание местных достопримечательностей грешит однобокостью, но думаю, человеку со свежим взглядом откроется намного больше! С наилучшими пожеланиями и т. п.»

– Вот уж действительно, – сказал Аллейн, отдавая письмо Трой, – она не могла бы выразиться яснее, даже если бы прислала телеграмму: «Наркобароны в действии. Приезжайте и схватите их».

– Но ты ведь не читал ее писем, только слышал от меня, да и то немного. Я должна была сообразить.

– Ну ладно, что пользы заниматься самобичеванием. Вернемся к делу. Положим, мы на правильном пути относительно мисс Гарбель. Положим, она – член банды, но по каким-то причинам решила открыть мне глаза и постаралась заманить нас сюда. Тогда почему, зная от Трой о нашем приезде, она уезжает без всяких объяснений?

– И зачем, – вставила Трой, – посылает цветы, которые используют при похищении Рики? И почему Рики оказывается в ее квартире?

– Открытка, вложенная в букет, написана не ее почерком.

– Она могла позвонить в цветочный магазин.

– Это можно проверить, – сказал мсье Дюпон. – Вы позволите? Речь идет об этом букете?

Он тщательно осмотрел туберозы.

– Так я и думал. «Цветочный горшочек». Я могу воспользоваться вашим телефоном, мадам?

Пока он звонил, Трой вышла на балкон. Аллейн, заметив, как она классическим жестом изнемогающей от тревоги женщины прижала пальцы к губам, подошел к ней и обнял за плечи.

– Я все смотрю на тот балкон, – сказала Трой. – Глупо, правда? Вдруг он снова там появится? С ума можно сойти...

Аллейн погладил ее по щеке.

– Тебе следовало бы быть со мной пожестче, – сказала Трой.

– Маленький негодник, – пробормотал Аллейн. – Держу пари, он сейчас вовсю практикуется во французском и через каждое слово вставляет «почему».

– А не могли они отвезти его в замок? Чтобы уж окончательно сбить нас с толку? – спросила Трой.

– Вряд ли. Подозреваю, что Рики находится намного ближе.

– Ближе к Роквилю? Но где, Рори, где?

– Это всего лишь догадка, и весьма смелая, но...

На балкон стремительно вышел мсье Дюпон.

– Итак, господа, – объявил он, – мы немного продвинулись вперед. В цветочном магазине мне сказали, что цветы купила молодая женщина, по виду служанка, не здешняя. Открытку она заполняла, списывая текст с листка бумаги. Прежде они ее никогда не видели. В наших силах выяснить, не служит ли она в замке.

– Так выясните же, – с отчаянием в голосе произнесла Трой.

– Но это еще не все, мадам. Наш друг Рауль Милано позвонил в гостиницу. Один из его приятелей, бездельник, живущий на западной окраине, в 2.30 видел машину, маленький голубой «ситроен», выезжавший из Роквиля по западному шоссе. В машине находились водитель, молодая женщина и маленький мальчик в желто-коричневой одежде. На мужчине был красный берет, женщина ехала с непокрытой головой. Машине пришлось притормозить, пропуская автобус, и приятель Милано услышал голос мальчика. Он говорил по-французски, но на уровне малыша и с некоторым трудом, словно этот язык был для него не родной. Кажется, он о чем-то спрашивал. Приятель слышал, как он несколько раз повторил слово «почему».

– Сомнений быть не может, – сказал Аллейн, глядя на жену.

– Он выглядел испуганным? – почти выкрикнула Трой.

– Нет, мадам. Рауль задал своему знакомому тот же вопрос, и тот ответил, что мальчик, похоже, проявлял нетерпение. Вот что сказал приятель Милано, – теперь Дюпон обращался к Аллейну, – дословно: «Il semblait être impatient de comprendre quelque chose»!

– Ему не терпелось что-то узнать! – воскликнула Трой. – Я правильно поняла?

– Mais oui, Madame¹⁷, – подтвердил Дюпон и присовокупил галантный комплимент, сказав, что Трой, по-видимому, владеет французским так, словно родилась здесь. Из комплимента Трой не поняла ни слова. Дюпон перешел на английский:

– Между Роквилем и ближайшим постом на западном шоссе есть три дорожных ответвления, все они идут от моря. Два из них представляют собой проселочные дороги. Третье ведет к монастырю, а также... – Тут мсье Дюпон с хитрым видом поднял указательный палец.

– А также, – подхватил Аллейн, – к фабрике Химической компании Приморских Альп.

– Именно! – сказал мсье Дюпон.

4

– И вы думаете, что он там! – воскликнула Трой. – Но почему? Зачем увозить его туда?

– Я понимаю дело так, – сказал Аллейн, – хотя, бог свидетель, вовсе не претендую на истину в последней инстанции. Оберон и компания сильно заинтересованы в фабрике, но они пока не знают, что нам о ней известно. Баради и твой приятель, мазилка Гленд, изо всех сил прикидывались, что фабрика их раздражает, мол, она возвышается отвратительным наростом на чудесном ландшафте. Но мы подозреваем, что на фабрике развернуто, возможно, самое крупное в Европе производство синтетических наркотиков, и нам известно, что Оберон участвует в сбыте. Далее. Они знают, что мы видели Рики на балконе дома № 16 и вызвали полицию. Если Бланш удалось выбраться из предварительного заключения, то она им в подробностях все доложила. У них произошел сбой на старте. Они уже опасаются отправлять Рики в Сен-Селесту, как планировалось ранее. Что же им с ним делать? Самый простой выход – поместить мальчика в одном из кабинетов на фабрике и там приглядывать за ним. Заметьте, никто в замке не знает, что Рики немного понимает по-французски.

– Люди, которые его увезли, уже в курсе.

– А также о том, что знания Рики ограничиваются французским для малышей. Они могли сказать ему, что мы уехали навестить мисс Трубоди и попросили их присмотреть за ним. Видимо, они собирались держать его в доме № 16, пока мы, высунув языки, носились бы вокруг Сен-Селесты. Красотка Бланш, чтоб ей лопнуть, скорее всего, позвонила им и сказала, что мы заметили мальчика на балконе, тогда они в спешке придумали спрятать его на фабрике.

– Но как они могли быть уверены, что мы поедем в Сен-Селесту? Только на том основании, что мы, возможно, слышали о предыдущем похищении?

– Нет, – хором ответили Аллейн и Дюпон.

– Тогда... я не понимаю.

– Мадам, – сказал Дюпон, – вас, несомненно, направили бы если не в Сен-Селесту, то в какой-нибудь другой городок, расположенный по восточному шоссе. Главное, как можно дальше от настоящего места пребывания Рики.

– Направили бы?

– Прислали бы записочку или позвонили по телефону. Не забывайте, они подражают тем похитителям, ничего не зная об их утреннем аресте.

– Все это, увы, не более чем догадки, – сказала Трой, помолчав. – Ладно, что нам теперь делать?

– Тут возникает небольшая проблема, – произнес Дюпон. – С точки зрения нашего департамента, ситуация складывается деликатная. Мы пока не готовы предъявить официальное обвинение организации, орудующей на фабрике. Когда мы будем готовы, мадам, это будет очень крупное дело, и не только для нашего департамента, но и для полиции нескольких стран, для Интерпола и даже для Организации Объединенных Наций.

¹⁷ Да, мадам (*фр.*).

Трой вдруг представила себе жуткую картину: Рики в лимонно-желтой рубашке и коричневых шортах бродит один-одинешенек по лабиринту коридоров власти.

– Но ты не должна думать, – сказал Аллейн, наблюдавший за Трой, – что сейчас у нас есть какие-либо иные интересы, кроме Рики.

– У меня-то их уж точно нет, – заметила Трой.

– Ах, мадам, – воскликнул Дюпон, – я ведь тоже отец. – И к великому смущению Трой, поцеловал ей руку.

– Мне кажется, мой дорогой Дюпон, – сказал Аллейн, – самое лучшее, что сейчас может сделать ваш департамент, – устроить большое представление на восточном шоссе и в округе Сен-Селесты, нагнать туда полицейских, поставить кордоны и заслоны. А мы в свою очередь тоже устроим не менее захватывающий спектакль: станем разъезжать повсюду, якобы охваченные паникой, и расспрашивать о Рики. А не подтолкнуть ли мне события? Не позвонить ли мне в замок, чтобы зарегистрировать панику? Как вы думаете?

Дюпон поджал губы, сдвинул брови домиком, бросил на Аллейна пронизательный взгляд, а затем легонько хлопнул в ладоши.

– И правда, почему бы и нет?

Аллейн направился к телефону.

– Обратимся к Баради, – задумчиво произнес он и добавил, поразмыслив: – Да, Баради подходит как никто другой.

Он набрал номер коммутатора гостиницы и попросил соединить его с замком. В ожидании ответа он подмигнул Трой:

– Знаменитый имитатор представляет! И заметьте, за щекой у меня ничего нет.

В трубке послышались длинные гудки.

– Алло! Алло! – на высокой ноте начал Аллейн, а затем разразился потоком французских слов: – Это замок Серебряной Козы? Можно поговорить с доктором Баради? Очень срочно.

Он назвал себя. Трой и Дюпон услышали, как в трубке прошелестело: «Секундочку, мсье». Аллейн улыбнулся Трой и прикрыл рукой трубку.

– Будем надеяться, что он сейчас спит, и его будят, – сказал он. – Дай мне сигарету, дорогая.

Но прежде чем он успел закурить, Баради уже был у телефона. Низкий голос Аллейна звонил на несколько регистров вверх и звучал так, словно его обладатель пребывал в совершенном смятении. Аллейн начал говорить по-французски, извинился и перешел на английский.

– Прошу прощения, что опять приходится вас беспокоить. Дело в том, что с нами приключилась беда. Я знаю, это глупо, но вдруг, по чистой случайности, наш сын забрел к вам? Да. Да, мы его потеряли. Мы подумали, что, может быть, случайно... говорят, к вам ходят автобусы... мы просто не знаем, где его искать. Нет, к сожалению, нет. Моя жена просто обзумела. Да. Да, я знаю. Нам рассказывали. Да, я обратился в полицию, но вы же знаете, каковы они. – Аллейн взглянул на Дюпона, тот немедленно принял геройский вид. – Всегда одно и то же, волокита и бездействие. Ни на что не годны. – Дюпон поклонился. – Да, если это те же самые негодяи, тогда мы скоро узнаем, что нам делать. Нет, нет, я отказываюсь рисковать подобным образом. Уж как-нибудь соберу нужную сумму, хотя из-за таможенных строгостей будет нелегко. – Аллейн нахмурился, его пальцы, сжимавшие трубку, побелели. – Неужели? Вы настаиваете? – произнес он. Робкая почтительная интонация столь резко контрастировала с жестким выражением лица, что Аллейн чем-то напоминал чревовещателя. – Неужели вы действительно хотите помочь? Огромное, огромное спасибо вам обоим. Я скажу жене. Ей сразу станет легче... Да, мне бы следовало осведомиться, но я в таком состоянии... Боюсь, мы не сможем позаботиться о мисс Трубоди, пока не найдем Рики. Мы поедем с женой в Сен-Селесту, если они там... Да, видимо, сегодня, если... Вряд ли мы вернемся назад, после того, что

случилось, но, разумеется... Что с ней? О боже! Мне очень жаль... Замечательный человек... Мне очень жаль. Если вы не обидитесь... Боюсь, от меня сейчас мало толку. Спасибо. Да. До свидания.

Аллейн положил трубку. Лицо его было бледно.

– Он предлагает всяческую помощь, – сказал Аллейн, – финансовую и прочую, он уверен, что мистер Оберон невероятно расстроится. Сейчас они наверняка весело хохочут над нами. Нелегко сохранять самообладание, общаясь с такими господами, как Оберон и Баради.

– Верю, – отозвался Дюпон.

– Рори, теперь ты уже не сомневаешься, в душе ты уверен, да?

– Да. Он не проронил ни слова, которое шло бы вразрез с искренним сочувствием и озабоченностью, но я не сомневаюсь...

– Почему?

– Интуиция, наверное. К тому же он все-таки допустил маленький промах. Он сказал: «Конечно, вы не можете ничего предпринять, пока эти мерзавцы не позвонят вам».

– Ага! – воскликнул Дюпон.

– Но ведь ты именно это и сказал ему – возразила Трой, – что от похитителей мы узнаем, что нам дальше делать.

– Вот именно, узнаем! Тогда похитители передали инструкции в письменном виде. Почему Баради полагает, что на этот раз они позвонят?

Словно в ответ на его вопрос в спальне зазвонил телефон.

– А вот и они, – произнес Аллейн и поднял трубку.

Глава 7. Рики подает голос

1

Аллейну не раз приходилось иметь дело с анонимными звонками, и во всех он находил нечто общее. Вот и сейчас, хотя говорили по-французски, он уловил в голосе знакомую искусственность и нервозность. Аллейн кивнул Дюпону, тот пулей вылетел из комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.